

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Маймонид.

Пролог.

Грейс и Джуди Голдин, да будет благословенна их память.

«Объяли меня воды до души моей, бездна окружила меня, тростником обвита голова моя...»

(Йона, 2:6)

Так взывал к Господу пророк Йона, вспоминая о том, как был «ввергнут в пучину, в сердце моря» [1], а потом оказался во вместительном чреве кита. Йона сделал все, что мог, дабы избежать исполнения невозможного, но был избран силой, чью решимость не превозмочь.

Так и я взывал к Джонатану Розену, главному редактору новой серии книг, посвященных еврейской тематике, когда тот вверг меня на несколько месяцев в чернильные пучины обширной литературы о Маймониде – пучины, в которых я так и не узрел кита. Меня душили морские травы, столь плотно обвинившие мою голову, что я, подобно Йоне, «воззвал в беде моей» [2] и молил освободить меня от ноши, которая, как я убедился, была слишком тяжела для меня.

Но Джонатан остался глух к моим мольбам и не позволил мне бежать в Тарс – я не добился освобождения, к которому так стремилась моя душа. Тщетно я сыпал именами ученых, которые преуспели в нелегком плавании по морям иудаики и аристотелизма, где я утопал, – Джонатан отверг их всех. И на мои докучливые просьбы он отвечал мне, что для выполнения этой задачи избрал именно меня, а не какого-нибудь признанного авторитета в этой области. И вот почему.

Джонатан считал, что было бы неверно остановить выбор на ученом, слишком уж сведущем в тонкостях философии Маймонида. Для этой серии ему был нужен писатель, способный рассказать о том, что ему показалось самым главным в философии Маймонида, поведать историю пути Маймонида к познанию – пути, по которому тот шел всю свою жизнь. Наиболее же важной представлялась Розену сама встреча современного автора с возвышенной фигурой из еврейского прошлого. Есть ли что-то общее между современным человеком и рабби Моше бен Маймоном (обычно он именуется акронимом «Рамбам», но со времен Ренессанса более известна эллинизированная форма его имени), что позволило бы им сегодня, к примеру, отправиться вместе на прогулку? Неужели вопросы, волновавшие Маймонида, настолько отличаются от тех, с которыми нам приходится сталкиваться сегодня, что память о нем уже не представляет для нас особого интереса, но скорее принадлежит канону? И в более узком смысле, как соотносится самоощущение еврейского врача XXI в. с тем, как видел свою профессию легендарный еврейский врач в XII в.? Может ли в наши дни кто-нибудь, кроме узких специалистов и ученых, посвятивших проблематике Маймонида много сил и времени, установить какую-либо интеллектуальную или эмоциональную взаимосвязь с этим великим человеком, жившим столько лет назад? Способны ли мы в наше время обнаружить в себе качества, которые были присущи и ему, или же он столь удален от нашей современности, что мы можем только изучать его творческое наследие, не надеясь понять его полностью? «Если Маймонид безразличен Вам, – писал мне Джонатан, – то он безразличен и всем остальным».

Прочитав эти слова, я решил подойти к этой задаче не как специалист, а как «простой обыватель» [3]. По-прежнему опасаясь упрощенчества и дилетантства, я вновь вступил в борьбу – хоть смирившись, но неохотно – со своим невежеством. Я опять приступил к чтению, ввергнув себя в те же пучины, от которых однажды уже искал спасения. И как многие утопающие, в один прекрасный день я вдруг увидел нечто, покачивающееся на волнах. Я смог уцепиться за это «нечто» – поначалу просто с отчаяния, а потом с растущей надеждой на спасение, причем не только в отношении себя, но и в отношении своего литературного труда. Спасение пришло ко мне в виде фразы, авторство которой принадлежит одному из рекомендованных мной Джонатану Розену ученых. В своем предисловии к труду Джейкоба С. Минкина «Труды Маймонида» [4], вышедшему в 1987 году, известный историк рабби Артур Герцберг писал: «Для нас представляется неразрешимой проблемой отделить слова, которые Маймонид предназначил нам согласно своей воле, от слов, которые мы слышим от него, потому что именно их хотели бы услышать».

К этому моменту мне уже стало понятно, что многие комментаторы XX в. интерпретируют труды Рамбама в соответствии со своими собственными религиозными или историческими воззрениями; что в их работах можно нередко обнаружить черты гиперболизации и агиографии; что в трудах и исследованиях даже наиболее авторитетных биографов можно выявить тот бессистемный подход, который историки прозвали «презентизм» – рассмотрение событий прошлого сквозь призму сегодняшних ценностей и знаний. Ученые каждого поколения находили у Маймонида то, что хотели найти.

Конечно, у такого подхода есть и сильные стороны. Нечто подобное можно сказать о Библии и других священных книгах, об исторических событиях и тенденциях; этот подход, безусловно, действенен в отношении Конституции США и других демократических государств. Например, при написании биографий новые интерпретации, возникающие в каждую эпоху, могут способствовать изучению новых текстов – если, конечно, стараться избегать презентизма и искажающих преувеличений, которые также нередко сопутствуют новым исследованиям. Что же касается субъективности, то сама по себе она не обязательно является препятствием, поскольку та или иная степень субъективности может внести свежую струю в комментарий. А ведь вклад Рамбама в религиозную мысль отличается именно свежестью комментария. Все эти размышления в немалой степени успокаивали меня, пока я переписывался с Джонатаном Розеном.

С этим новым взглядом я вернулся к своему труду, результатом которого стала эта книга. Таким образом, моя работа основана на древнееврейском изречении, которое гласит, что никому не позволено уходить от ответственности, даже если нельзя довести дело до конца. В свою очередь, невозможность окончательного завершения – добрый знак для меня, поскольку точка в толковании основных трудов Рамбама или событий его жизни никогда не будет поставлена; к этому не стоит и стремиться. Оставив в стороне дальнейшие колебания, я приступил к чтению, исследованиям, размышлениям и обсуждению вопросов, вставших передо мной, когда я писал эту книгу. Я обсуждал эти вопросы со всеми коллегами, которых счел достаточно компетентными (а также с некоторыми из тех, кого я не счел достаточно компетентными – как раз по этой причине). Со временем, так или иначе, на объятые бурей море нисходит спокойствие, хотя поначалу это всегда происходит очень медленно. Несколько месяцев спустя я пришел к убеждению, что внутренний мир Маймонида будет доступен мне лишь отчасти. И хотя меня с детства учили относиться с почтением к этому человеку, многое из того, что связано с его именем, было для меня окутано тайной. Чем больше я углублялся в исследования, тем лучше я понимал его творчество. Но конечно, тот «внутренний мир», который я изучал, принадлежал мне в той же степени, что и ему.

Мую книгу можно, используя слова самого Маймонида, назвать «Путеводителем растерянных». Адресована она тем людям – а их немало, – которые, как и я, что-то слышали о Маймониде с раннего детства, знакомы с его творчеством лишь вскользь, но считают (оправданно или нет), что понимают его труды. И тем не менее этого понимания совершенно недостаточно. Для большинства из нас Маймонид остается лишь человеком, чье имя увенчано славой. Многие из нас произносят сформулированные им «Тринадцать принципов иудаизма» во время молитвы в синагоге; некоторые фотографировались на фоне его бронзовой статуи на площади Тверии в Кордове; многие совершали паломничество в Тверию (Тивериаду), где, как принято считать, находится его могила; некоторые посещали лекции, на которых ученые мужи рассказывали о нем; некоторые даже пытались узнать о нем больше, сидя вечерами за «Путеводителем растерянных» и обнаруживая, что отдельные страницы этой книги почти невозможно понять; многие погружались в изучение трудов о его учении, написанных в двадцатом веке, и даже обращались к Мишне Тора, дабы прояснить тот или иной вопрос еврейского закона, не задумываясь о человеке, что стоит за этими словами; некоторые из нас жертвовали средства на май-монидовские школы и больницы; а многие наши врачи входят в Маймонидовское медицинское общество.

Все вышесказанное напрямую касается и меня, и тем не менее я по-прежнему растерян и нуждаюсь в путеводителе. Таким путеводителем стала для меня попытка найти ответы на возникшие вопросы, что и привело к написанию данной книги. В чем-то она походит на МишнеТора – книгу самого Маймонида, призванную прояснить Галаху (еврейский закон) простым людям. Как и Мишне Тора, эта книга не для ученых. Ее подход схож с подходом Рамбама, когда во главе угла – ясность и краткость; ее предназначение – сделать Маймонида доступным для меня самого, а значит, и для читателей. Чтобы понять эту небольшую книгу, от вас не потребуются особых знаний о Моше бен Маймоне и об эпохе, в которую он жил, как и о философии, медицине, иудаизме или методах академических исследований. И потому в этой книге нет отсылок, которые могут увести читателя в сторону; она отражает мое понимание, к которому я пришел путем длительных исследований; стиль изложения и акценты, которые я расставляю, не претендуют на полную объективность и отстраненность от моей личной точки зрения. Дойдя до последней страницы, читатель должен будет решить для себя, нашел ли он ответы на те вопросы, которые изложены в третьем абзаце этого пролога. Я предлагаю вашему вниманию мою книгу. Это исследование еврейского врача, посвященное самому выдающемуся из еврейских врачей.

Глава I. «Мой сын, доктор»:евреи и медицина

В самом деле, почему так много евреев выбирают профессию врача? Следовало бы задуматься об этом, прежде чем приступить к изучению жизни и трудов человека, олицетворяющего собой эту великую традицию и внесшего в нее немалый вклад. Ниже приводится старая как мир история, которую так и хочется рассказать еще раз.

Заклученный в мадридской башне, ослабленный сифилисом и еще более – абсцессом на черепе, французский король Франциск I испросил своего пленителя – императора Священной Римской империи Карла V – прислать ему лучшего еврейского врача. Когда врач прибыл, Франциск, пытаясь завязать с ним беседу, спросил, не устал ли он еще ожидать своего Мессию. К его огорчению, врач ответил ему, что на самом-то деле он не иудей, ибо задолго до описываемых событий был обращен в христианство. Разгневанный король отказался от его услуг и потребовал, чтобы его лечил настоящий еврей, привезенный из самого Константинополя.

Эта замечательная история – не важно, правдива она или нет, – наглядно демонстрирует общественное положение еврейских врачей в Средневековье и эпоху Возрождения. Время, когда, возможно, произошли описанные в ней события, можно определить довольно точно – это случилось за несколько лет до смерти Франциска в 1547 году. Но ее можно отнести к тому жанру историй, что имели хождение во все века. И хотя сегодня миф об исключительных талантах еврейских врачей можно услышать не так часто, в косвенной форме он сохранился до сих пор, как и миф о привлекательности профессии врача для молодых евреев. Легендарная связь евреев с искусством врачевания по-прежнему вызывает самую разную реакцию: от анекдотов до научных исследований.

Чтобы исследовать эту связь, можно задать несколько вопросов. Почему столь многих евреев привлекает изучение медицины? Почему так много евреев добивается в этой профессии заметных успехов? И почему (по крайней мере, на протяжении последних столетий) еврейским врачам приписывалось больше случаев излечения больных, чем их нееврейским коллегам?

Разумеется, ответы на эти вопросы зависят от многих факторов, меняющихся из века в век. Но тем не менее есть нечто, что объединяет все эпохи. И хотя это «нечто» скрыто под наслоениями временных и культурных пластов, мы можем разглядеть его, если рассмотрим этот феномен ближе и отставим в сторону – хотя бы ненадолго – религиозный скептицизм, свойственный нашему веку. Как и во многих других сферах еврейских изысканий, мы можем приблизиться к ответам на поставленные вопросы с помощью трудов Маймонида, в данном случае – пятой из так называемых «Восьми глав» (Шмона прахим), которыми он предваряет свой комментарий к ПиркейАвот («Поучениям Отцов»). Этот комментарий является частью комментария Маймонида к Мишне, который он завершил в 1168 году, когда ему было тридцать лет. В пятой из «Восьми глав» он впервые поднимает тему, к которой вернется еще не раз в своих последующих трудах. Вкратце ее можно выразить словами самого Маймонида: подлинная цель богатства и прочих благ...

«...заклучается в том, чтобы с их помощью достигать благородных целей, использовать их ради ухода за телом и сохранения жизни, чтобы таким образом их владелец мог получить знание о Боге в той мере, в какой Бог нисходит к человеку.

С этой точки зрения, изучение медицины немало способствует обретению добродетелей и знания о Боге, а также достижению подлинного духовного счастья. А значит, изучение медицины и овладение ее знаниями есть исключительно важное религиозное дело».

Именно Маймонид говорит о том, что цель ухода за телом состоит в поиске знания о Боге и об абсолютной морали, образцом которой служит Бог. Изучение медицины, по мнению Маймонида, является религиозным действием. Эти слова Маймонида повторяют тезис, провозглашенный мудрецами Талмуда, которые называли лекаря посланником, а в некоторых случаях – «сподвижником» Бога. Ведь лекарь может оказать больному серьезную помощь в попытках понять Божьи пути.

И хотя эта концепция принадлежит Талмуду, ее происхождение и вдохновляющую ее (как и все талмудические идеи) мысль следует искать в Торе. Строгие предписания относительно здорового уклада жизни общины – гигиены, профилактической медицины и санитарии, – приводимые в книге Левит, поясняются в Талмуде для того, чтобы подробно остановиться на различных аспектах поведения каждого отдельного человека. Целью этих предписаний была чистота человека, когда он предстоит перед Богом, и потому основная идея, что лежит за словами талмудических мудрецов, – это соотношение между физической и моральной чистотой, о котором говорит Тора. В этой связи всегда подчеркивается, что забота о здоровье – это забота о жизни. Эта забота вменяется в обязанность каждому еврею, даже если она вступает в противоречие с другими заповедями. Весь еврейский закон, даже Декалог[5],

может быть нарушен ради спасения жизни, и единственным исключением из этого правила служат запреты богохульства, кровосмешения и убийства. «Выбери жизнь»[6] – предписывает нам Господь, связывая таким образом Свои заповеди с понятием «жизнь». Самим словом «избери» Господь указывает на то, что человек обладает свободой выбора[7].

На мой взгляд, суть еврейского подхода к врачеванию следует рассматривать именно в связи с представлением о свободе выбора. Понятие свободы выбора многократно упоминается в Писании, в раввинистической литературе, в сочинениях Маймонида. В последних оно иногда подробно растолковывается, а иногда просто констатируется, как, например, в пятой главе первого тома сочинения Мишне Тора[8]: «Свобода выбора дарована каждому человеку». А в последней главе Шмонапраким Рамбам пишет: «Наша Тора согласна с греческой философией, которая убедительно доказывает, что человек сам распоряжается своими действиями; нет никакого внешнего принуждения, и ничто не движет им, кроме него самого – как в хорошем, так и в плохом смысле»[9].

В священных текстах мы сталкиваемся с противопоставлением воли Господа и свободы человеческого выбора. В них допускается неписанный компромисс, согласно которому забота о теле вверяется самому человеку, и вмешательство Бога в этом вопросе не предусматривается. Здесь мудрецы Талмуда разделяют точку зрения древних греков, наиболее значимый вклад которых в медицинскую теорию заключался в отделении служения богам от основанных на изучении природы методов диагностики и терапии. Этот подход подтверждается клятвой Гиппократова и целым рядом классической греческой медицинской литературы – врачи клянутся Аполлоном и Асклепием, а затем продолжают рассуждать о принципах школы врачевания, более не обращаясь ни к этим, ни к другим богам. Более того, ведущие практикующие медики, представители школы Гиппократова, рассматривали изучение своей науки как средство понимания природы божественного, с чем мы уже сталкивались у евреев. Но греки в этом отношении пошли дальше. Гален из Пергама, наиболее влиятельный из врачей всех поколений, полагал, что самым верным способом служения божеству будет не молитва и жертвоприношение, но эксперимент и наблюдение. Во втором веке нашей эры он сказал, что его самый замечательный анатомический труд – «О назначении человеческого тела» – это «священная речь, которую, как гимн, посвящаю Создавшему нас»[10]. И для Галена изучение человеческого тела было верным путем обретения знаний о божественном. Он писал:

«Я думаю, что истинное благочестие состоит не в том, чтобы совершать для Него бесчисленные гекатомбы быков, и не в том, чтобы возжигать множество талантов корицы и лавра, но в том, чтобы прежде познать, а затем показать другим, как велики мудрость, могущество и благость Создателя»[11].

Гален познавал и просвещал, проводя опыты на животных. Благодаря своим опытам он смог открыть и продемонстрировать публике принципы анатомии и физиологии. И хотя он считал, что божество, называемое им Создателем, создало Вселенную и все, что в ней существует, в соответствии с неким predetermined планом, но, исцеляя больных, он опирался только на собственные профессиональные навыки. Испокон веков еврейские врачеватели подходили к лечению своих пациентов схожим образом. В конце концов, вся медицинская концепция евреев основывалась на греческой науке как при жизни Маймонида, так и на протяжении нескольких последующих столетий.

Самостоятельной еврейской медицины (подобно египетской или китайской, западной медицине или медицине Аюрведы) никогда не существовало. Как в Средневековье, так и сегодня еврейская медицина принадлежит к той культуре, в рамках которой она практикуется. В талмудические времена на нее оказало сильное влияние наследие греков, и не только потому, что греки обладали схожими представлениями о независимой роли врача в процессе лечения. Необычайно развитые представления об анатомии и физиологии, как и о профилактической и клинической медицине, которые можно найти в Мишне или Гемаре, восходят к концепциям Гиппократова и Галена и могут быть объяснены влиянием эллинизма.

Если основное назначение медицины заключается в том, чтобы помочь человеку познать Бога и вести добродетельную жизнь, то медицина должна быть основана на этических принципах. И в этом греческая и еврейская медицинские концепции во многом схожи. Считается, что греки не только первые отделили веру в божество от лечения заболеваний, но и были первым народом, который ввел этику в учение о медицинском уходе. Впрочем, Тора и здесь опередила греков. Так или иначе, взаимосвязь целей и методов еврейских и греческих врачей – объясняемая общим представлением о том, что божество не вмешивается в процесс лечения, а отчасти смешением культур в период эллинизма с 280 до 160 г. до н.э.[12], – во многом способствовала образованию тех факторов, с помощью которых можно дать ответ на три заданных нами выше вопроса.

Даже древнееврейское слово, которым обозначается врачебная профессия

(рофе), подразумевает независимые действия врача. Значение слова «врачевать» на иврите связано с восстановлением. Основным образом, который вытекает из этимологии этого слова, – это починка неисправного или соединение двух частей в одно целое. Вариант этого слова – *garhe* – по-прежнему используется в современной анатомической терминологии. Он обозначает одну из нескольких частей тела, в которой ткани с каждой стороны соединяются общей линией. Это слово приводится (как рафа – Божественное исцеление) в книге Чисел, 12:13, в книге пророка Ирмеягу, 3:22 и 30:17, а также в других местах Священного Писания. В тех случаях, когда речь идет о врачевании, осуществляемом людьми, это слово указывает на действие, которое предполагает участие рук; подразумевается, что оно требует человеческого вмешательства. В современных словарях этимология слова *garhe* ошибочно возводится к древнегреческим словам, что еще раз указывает на взаимное влияние двух культур – еврейской и греческой – в период эллинизма. Итак, мудрецы Талмуда передавали знания ученикам, ощущая свою причастность к этическому наследию и будучи убеждены в том, что сохранение человеческой жизни лежит в основе их религиозной системы ценностей. Сохранение жизни доверено самому человеку, но это и инструмент Божественной воли, который применяется, однако, вне прямого Божественного вмешательства. И хотя последней инстанцией исцеления служит Господь – в нескольких драматических эпизодах Библии Он вмешивается, чтобы поддержать ту или иную сторону или излечить болезнь, – для человечества Он не является лекарством. Если человек заболел, нужно послать за доктором, как недвусмысленно гласит изречение Маймонида в его комментарии к Мишне (трактат Псахим, 4): «Больной не только имеет право, но и обязан прибегнуть к медицинской помощи». Однако еврейские врачи того времени исходили в своей деятельности из совершенно иной концепции. Возможно, именно она сыграла ключевую роль в истории их выдающихся достижений. В рамках этой концепции, выраженной несколькими столетиями позже в Шульхан арух[13], рофе хоть и действует независимо от Бога и обладает свободой выбора, все же является Его личным посланником или сподвижником; поэтому в деле врачевания его никто не может заменить. Эта незаменимость врачевателя, согласно различным толкованиям, означает лишь то, что он сам должен отвечать на призыв, ибо, согласно Божественной воле, он может оказаться единственным человеком, способным исполнить эту особую миссию врачевания. Эта традиция уходит своими корнями в то чувство личной ответственности – или, используя термины современной биоэтики, в деонтологическое обязательство, – которое было присуще первым врачам. Им была свойственна решимость добиваться большего, руководствуясь чувством ответственности, которую накладывала на них уникальность их призвания. Такого рода ценности невозможно отбросить даже по прошествии веков, ибо они передаются от учителя к ученику в рамках традиции, за которой стоят тысячелетия. И хотя эта традиция принадлежала не только еврейской культуре, она пришла в медицину вместе с монотеизмом. Именно в эпоху талмудических законоучителей, с III по VI в. н.э., связь между евреями и медициной обрела социальную основу, которая характеризует ее и по сей день. Мудрецы были не бесстрастными учеными, а членами общины, вовлеченными во все аспекты ее жизни. Благодаря своему опыту они научились понимать проблемы повседневно существующего и решать их в ходе галахических дискуссий. Они жили в реальном мире, для которого было недостаточно молитв и размышлений, без действительного участия в делах мира сего. Позднее их позиция была изложена Нахманидом[14], жившим в XIII в. По его словам, «внимание к делам мира сего есть часть служения Господу». И вовсе не удивительно, что двести тринадцать из шестисот тринадцати заповедей, перечисленных мудрецами и в конечном счете кодифицированных Маймонидом, тем или иным образом связаны с заботой о теле. Талмудический мудрец рабби Цадок[15] сформулировал следующий принцип (позже повторенный Маймонидом): «Не следует делать из Торы ни корону, чтобы возвеличить себя, ни лопату, чтобы копать ею»[16]. Иначе его выразил великий Гилель[17], который сказал: «Тот, кто пользуется [коронами Торы в неприглядных целях] – сгинет». Из приверженности этому принципу мудрецы Торы того времени и последующих эпох не брали плату за свое религиозное служение и занимались разного рода светской деятельностью. Поскольку в еврейской традиции большое значение придается телесному здоровью, было вполне естественно, что многие мудрецы обратились к врачеванию как к источнику дохода. Именно так возникла связь между медицинским опытом и раввинистической мудростью, в том или ином смысле. С этих времен и вплоть до эпохи Ренессанса многие раввины были врачами. По разным оценкам, в арабский период[18] примерно половина еврейских врачей были раввинами. И не нужно забывать, что слово «рабби» происходит от древнееврейского слова «рав», означающего «учитель»[19], а слово «doctor» происходит от латинского глагола «docere» – «обучать».

В отличие от нееврейских лекарей, которые практиковали в средневековой христианской Европе и большей частью были самозванцами, а в некоторых случаях – безграмотными шарлатанами, еврейские врачи, как правило, разбирались в премудростях своего дела, ибо обучались у опытных врачей старшего поколения. Их ценили не только за знания в светских науках, но и за почет, которым они пользовались в своих общинах. А это, в свою очередь, повышало их престиж и социальное положение. И поскольку со временем богатые мусульмане и христиане все чаще стали искать помощи у еврейских докторов, те нередко представляли интересы своих единоверцев перед нееврейскими правителями. Вот почему статус еврейского врача был довольно высок даже во времена безысходного угнетения еврейского народа. Социальные позиции еврейских врачей еще более упрочились в эпоху Просвещения XVIII в., ибо ликвидация культурных барьеров способствовала социальной мобильности евреев, и интенсивность контактов между евреями и христианами возросла. В эту эпоху, когда образование в еврейской среде постепенно выходило за рамки религиозных школ, единоверцы испытывали к светски образованным врачам еще более сильное уважение. Удобно чувствуя себя и в еврейском, и в нееврейском мире, врачи считались примером для подражания, ибо достигли мирского успеха и в то же время устояли перед ассимиляцией.

Неевреи прибегали к помощи еврейских врачей по нескольким причинам. Во-первых, представлялось вероятным, что любой врач-еврей попросту более сведущ в своем деле, чем его нееврейские коллеги, особенно в христианских странах. Иные доктора добивались такой известности, что к их услугам прибегали даже властители далеких стран. Это в немалой степени способствовало тому, что простой народ был убежден: в еврейских врачевателях в самом деле есть нечто особое. Эти хитрые умники, чужаки в христианской среде, говорившие между собой на загадочном языке и взывавшие к Господу, чьи пути столь неисповедимы, являются носителями какого-то особого тайного знания, даже, быть может, оккультного, – думали в народе. Таким образом, даже опасения, вызванные их непохожестью на других, способствовали тому, что не только простонародье, но и знать нередко приписывали им наличие какого-то особого, и даже, возможно, демонического дара врачевания. Мистический ореол, окружавший образ еврейского врача, повышал его престиж и производил эффект плацебо на многих пациентов. Неудивительно, что в XIII-XIV вв. количество евреев-врачей было намного выше, чем процент евреев в общей численности населения. В первой половине XIV в. из 20 тыс. жителей Марселя евреи составляли лишь пять процентов, однако из двадцати трех врачей этого города десять были евреями. Все это способствовало развитию в среде еврейских врачевателей особых профессиональных навыков, хотя и не того рода, что им приписывали их боязливые пациенты. Врачи не только были носителями многовековой традиции еврейского врачевания – сами условия их жизни нередко помогали им овладеть исключительными знаниями и опытом в медицине. На протяжении веков евреев гнали из страны в страну. В лучшем случае они могли взять с собой лишь часть своей собственности. Поэтому знания медицины, что передавались из поколения в поколение, служили средством быстрого создания «собственного дела» сразу же по прибытии на новое место. Таково было положение дел до конца XVIII в., когда был принят закон, позволявший получать лицензию на медицинскую деятельность. До начала XIX в., когда развитие медицины получило сильный толчок, знания можно было передавать от отца к сыну или от более опытных к более молодым членам профессионального сообщества. Евреям не позволялось владеть землей до относительно недавнего времени (и в любом случае земля нельзя было увезти с собой в телеге), и поэтому евреи рассматривали медицину как своего рода «движимое имущество». Ценность медицинских знаний заключалась в том, что они приносили с собой решение многих проблем тогдашней действительности.

Переезжая из страны в страну, евреи овладевали многими языками; еврейские врачи вступали в контакты с местными врачами. Благодаря всему этому им удавалось постоянно расширять свои знания. Они имели доступ ко всем медицинским трудам, выходящим в свет. Кроме того, они получали возможность изучать лекарственные вещества, используемые местными врачевателями. Единый язык, на котором говорили и писали евреи всех стран, позволял им передавать знания друг другу. Таким образом, лишения и гонения, что выпадали на долю евреев, способствовали развитию их профессиональных навыков. Не по своей воле евреи были космополитами, и космополитической стала их медицина. Знание многих языков и соприкосновение с эллинистической культурой сделали еврейского врача ценным посредником между греческой медициной, преемницей которой стала научная медицина Средневековья и Ренессанса, и христианским и арабским миром. Евреи не только переводили древнегреческие тексты на арабский язык на протяжении шести веков, когда этот язык господствовал в медицинской мысли, – они также перевели многие труды на иврит, чтобы

распространять их среди евреев всех европейских и мусульманских стран. Таким образом, евреи всегда имели доступ к наиболее значимым трудам по медицине, тогда как для медиков Европы они оставались неизвестными вплоть до конца XII в., а то и позднее – до тех пор, пока не появились их первые латинские переводы, часто сделанные еврейскими же учеными. Даже немногочисленные медицинские трактаты, написанные христианскими врачами, переводились на иврит и арабский, чтобы еврейские врачи могли воспользоваться практически всеми медицинскими знаниями, имеющимися в ту эпоху, независимо от страны происхождения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что лишь незначительное число евреев пожелало учиться на медицинском факультете университета Салерно в X, XI и XII вв. А когда в XIII в. были открыты медицинские школы в Монпелье и Париже, еврейских врачей пригласили туда в качестве преподавателей.

Во все времена в основе врачебного искусства евреев лежала их приверженность иудаизму. Именно поэтому в еврейском народе так ценилось ремесло врача. В Средние века некоторые раввины, опасаясь вторжения науки и философии в сферу религиозного знания, запрещали изучать светские науки, однако для медицины было сделано исключение. Следовало исходить из принципа «выбери жизнь», как заповедал Господь и еврейские мудрецы; ведь согласно библейскому принципу пикуах нефеш, главной нравственной ценностью является спасение человеческой жизни. Так, например, в 1305 году знаменитый раввин рабби Шломо бен Адерет (известный как Рашба) [20] под угрозой отлучения от общины запретил изучение философии, физики и других наук до двадцатилетнего возраста, однако для занятий медициной было сделано исключение. Для того чтобы защитить студентов других наук, многие не раз пользовались авторитетом Маймонида. Например, в письме, которое написал рабби Шломо бен Адерету другой известный раввин, Йедаия бен Аврагам Бедерси (известный как Га-Пнини) [21], говорится: «Мы не можем отказываться от наук. Это дыхание в ноздрях наших. Даже если Йегошуа [22] предстанет перед нами и запретит нам это, мы не сможем ему подчиниться. Ибо у нас есть оправдание, которое весит больше, а именно – слова Маймонида, который нам это предписал. Мы готовы жертвовать своим добром, детьми и самой жизнью ради этих трудов». Таким образом, не только медицине, но и науке в целом приписывалось особое назначение – служить выходом для еврейской интеллектуальной энергии.

Изучение наук было далеко не единственной привилегией, дарованной еврейским врачам. Хотя церковные синоды даже в период Ренессанса запрещали христианам обращаться к еврейским врачам, многие из церковных и королевских сановников продолжали держать у себя на службе врачей-евреев. Так же поступала и знать. В Испании такое положение дел сохранилось при дворе Фердинанда и Изабеллы [23] даже после изгнания евреев в 1492 году. Неудивительно, что в медицинской сфере Римских пап позднего Средневековья и Возрождения обычно можно было встретить одного или нескольких еврейских врачей-врачевателей.

Концепция заботы о здоровье, которой евреи придавали особое значение, резко противоречила христианской идее отречения от тела. Согласно традиции аскетизма, которая была сильна в христианстве с первых дней его существования, подлинный верующий был обязан не только избегать забот о телесном, но и верить, что болезнь послана ему дьяволом или в наказание от Господа, и если ее и следует лечить, то исключительно исповедью и молитвой. Так, например, св. Бернар [24], живший в XII в., по-видимому, гордился тем, что всю жизнь страдал хронической анемией и болезнью желудка. Более того, он говорил, что монахи, которые принимают лекарства, нарушают предписания церкви. В 1135 году Реймский собор запретил монахам и клиру практиковать медицину, ибо это противоречит теологическим принципам христианства. Последующие соборы еще более ужесточили эти ограничения, в результате чего наиболее образованные люди того времени были вынуждены отказаться от занятий медициной. Церковные соборы грозили отлучить от церкви врачей, которые предписывают медицинское лечение до обращения к священнику. В отличие от еврейского отношения к медицине, христианские теории о болезни пронизывала религиозная догматика.

Христиане рассматривали земное существование лишь как подготовку к жизни в Будущем мире и потому относились к телу только как к вместилищу души, тогда как евреи видели в заботе о здоровье и жизни средство постижения Бога. И хотя евреи верят в пришествие Мессии и в Будущий мир, они придают большое значение жизни в этом мире, «здесь и сейчас», и потому с практической жилкой берутся за всё, с чем им приходится сталкиваться. Они стремятся не только к спасению души, но и к спасению жизни. Еврейский реализм – это наиважнейший фактор, определивший еврейскую решимость жить, сохраняя здоровье и предотвращая смерть. Средневековые мусульмане, как известно, называли евреев и христиан «народами книги». Но евреи были народом не только книги, но и тела.

Именно благодаря еврейскому реализму уже в Средние века были учреждены еврейские больницы. Их число заметно возросло в эпоху Просвещения. Еврейские врачи, как правило, жили в гетто или подвергались социальным ограничениям, и потому не могли практиковать вне определенных районов города. Был ограничен их доступ к больницам, растущим как грибы после дождя в конце XVIII в., а также к изучению медицины и преподаванию в университетах. Поэтому евреи создали свои собственные системы медицинского обслуживания. Ими руководил совет общины, в состав которого непременно входили врачи. В обязанность совета общины вменялась забота о больницах и попечительских обществах, а также целый ряд других функций. В результате молодые евреи, остановившие свой выбор на изучении не так давно зародившейся академической медицины, получили возможность работать в больницах – ведь нееврейские больницы были закрыты как перед ними, так и перед их пациентами. Евреи издавна славилась заботой о своих больных, она стала их отличительной чертой, в основе которой лежало библейское предписание: «Выбери жизнь»[25]. И потому еврейские больницы были переполнены. Таким образом, ограничения, которые могли воспрепятствовать профессиональному развитию еврейских врачей, больше не имели силы. Подобно представителям многих других народов, евреи стремились примкнуть к среднему классу, как только перед ними открывалась такая возможность. Как было сказано выше, должность лекаря существовала при дворах монархов и Римских пап еще в Средневековье, и многие врачи-евреи стали принадлежать к классу буржуазии еще до эпохи Просвещения. В конце XVIII в., в эпоху Гаскалы – еврейского просветительского движения, – когда многие евреи вырвались из тесных рамок религиозного обучения, чтобы получить светское образование и профессиональное признание, медицина стала идеалом, который олицетворял собой достижение этой цели, особенно если учесть, что государственная служба, еще один традиционный «мостик» в средний класс, была почти полностью закрыта для евреев. Еврейские институты здравоохранения создавались по всей Европе, но наибольшее распространение этот феномен получил в Германии. Все чаще молодые люди стремились выпростаться из слишком тесных пут религиозных ограничений. Университеты открывали двери перед евреями, и тяга к образованию, которую евреи испытывали испокон веков, постепенно начала принимать светские очертания. Одним из последствий Гаскалы стало то, что юные евреи словно магнитом потянуло в аудитории и лекционные залы. Постепенно на каждом уровне образования, от начальной школы и выше, число евреев стало намного превышать их процент в общей численности населения. К примеру, в Вене в 1912 году было 9 процентов евреев, однако они составляли 47 процентов учеников гимназий. На более высоком уровне образования сложилась похожая ситуация: 25 процентов студентов, поступивших в Венский университет в 1904 году, были евреями. Многие из них изучали медицину. Не одно десятилетие евреи стекались в Вену со всех концов Австро-Венгрии – их привлекал относительно либеральный режим императора Франца-Иосифа и не отпугивал политический антисемитизм, что неистовствовал в империи повсеместно. Евреи старшего поколения пытались вырваться из душной религиозной среды, царившей в небольших городках и местечках, где они выросли, и делали все возможное для того, чтобы их дети получили лучшее, на что можно было рассчитывать. Особенно ярко это сказалось в области изучения медицины.

Сложившаяся ситуация встревожила некоторых представителей немецкой академической медицины. Теодор Бильрот, один из ведущих немецких хирургов, занимавший в конце XIX в. должность профессора Главного университетского венского госпиталя, выразил недовольство столь большим числом еврейских мигрантов в своих классах. Он изложил свой взгляд на эту проблему в книге «Медицинские науки в немецких университетах»[26], которой была уготована судьба стать классикой мировой образовательной философии. «За вычетом, быть может, должности священника, нет такой стези, которая столь часто использовалась бы малообразованными классами, рассчитывающими влезть в культурные сословия на плечах молодого поколения, как медицина. Для евреев медицинская карьера несет в себе относительно меньше сложностей, чем любая другая, и если доктор однажды добивается скромного успеха, он становится примером для бесчисленных подражаний... У еврейского купца в Галиции или Венгрии (у венгерских евреев наихудшая репутация даже среди венских студентов), который зарабатывает ровно столько, сколько необходимо, чтобы спасти себя и свою семью от голода, есть более или менее одаренный сын. Тщеславие матери требует, чтобы в семье был ученый, талмудист... Поэтому юношу отправляют в Вену. Его имущество – только одежда. Какие стимулы могут быть у такого юноши? Он всю жизнь прозябал в самых ничтожных и жалких условиях и никогда уже не будет способен освободиться от своего узкого кругозора. И вот он поступает в университет.

Но наши методы преподавания не предназначены для таких студентов и в таких условиях не действуют, ибо для учения требуется свободный ум и свободное интеллектуальное движение. Подобные люди никоим образом не подходят для научной карьеры».

И эти слова сказал человек, который обладал широкими либеральными взглядами, которого признавали одним из наиболее свободомыслящих немецких профессоров того времени! В числе причин, по которым высказывания профессора Бильрота могли найти большой отклик, следует назвать то, что они действительно в какой-то мере отражают истинные устремления евреев-медиков в христианском обществе. В определенном смысле эти устремления никогда не изменятся, да это и не нужно евреям. Но лишь единицы из числа читателей Бильрота могли бы признать, что лишь описанные им причины побуждали евреев всех стран и эпох изучать медицину. Нет, истинные причины этих устремлений в намного большей степени кроются в истории этого народа.

Связь еврейского народа и медицины, которая выкристаллизовалась в период раннего Средневековья, зиждилась на религиозных предписаниях и культурной атмосфере. Тогда же к этим факторам присоединился и другой, столь же универсальный, сколь и характерный. Я имею в виду ту отличительную черту, которую можно назвать еврейской индивидуальностью. В наше время, которому свойственна крайняя чувствительность к таким понятиям, как этнические и национальные характеристики, некоторым читателям показались бы более предпочтительными термины вроде «видение мира», «философский взгляд» и «культурная ориентация», однако все они означают практически то же самое. Еврейское отношение к жизни и миру отличается определенными качествами, и на протяжении многих столетий эти качества отмечали как дружественные, так и враждебные евреям наблюдатели; порой стереотипы в отношении той или иной группы сохраняются потому, что соответствуют устойчивым личным убеждениям наблюдателей извне. И хотя некоторые из этих убеждений отражают лишь то, что наблюдатель хотел видеть, иные соответствуют реальности – в том смысле, что объективные умы могут счесть их обоснованными. Отдельные наблюдения, касающиеся евреев, похоже, являются решающими для ответов на вопросы, что были заданы нами в начале этой главы. Вкратце их можно сформулировать так: «Так что там у евреев с медициной?»

Евреям, особенно тем, кого можно причислить к интеллектуалам, свойственно некое беспокойство, ощущение неуверенности, двойственности, несовершенства, а также чувство, что надо что-то с этим делать, даже если эта проблема никогда не будет решена окончательно. Многие привыкли жить относительно комфортно, ощущая хронический дискомфорт. Чувствительность и непрестанное беспокойство – такова движущая сила этих людей. И хотя эти качества мучительны, порой они становятся тем источником, из которого человек черпает силы для активного ответа миру – продуктивного или деструктивного. Социолог Торстейн Веблен[27] написал в 1919 году в своем знаменитом эссе «Интеллектуальное превосходство евреев в современной Европе»: «Они неуступчивы и неудовлетворены, эти неуживчивые чужаки»[28].

Из бесконечной неудовлетворенности зародился скептицизм, постоянное вопрошание себя о своем месте в преимущественно христианском мире и вместе с тем о том, что дано в этом мире, таком большом и таком малом. Многих евреев не связывали предрассудки, как представителей других народов, – именно поэтому представители других народов никогда не смогли бы стать полноценной частью чужой культуры. «Первое необходимое условие конструктивной работы в современной науке и любой исследовательской работе, дающее качественные результаты, – это скептический настрой ума», – как совершенно верно отметил Веблен. И действительно, в чем заключается работа медика, что есть наука, на которой основывается практическая медицина, если не постоянные упражнения в «прикладном скептицизме», не вечная неудовлетворенность тем, что происходит в данный момент, и не решимость изменить эту ситуацию, даже если известно, что работа останется незавершенной? Это беспокойство, вызванное предстоящим путешествием или начатым делом, возникло у евреев столь давно, что уже в самом начале нашей эры рабби Тарфон (мудрец, высказывания которого приводятся в Пиркей Авот)[29] сказал: «Ты не обязан закончить работу, но ты не можешь отказаться от нее»[30].

И сегодня многие евреи относятся к своей работе так, как относились к ней талмудисты, жившие за полторы тысячи лет до них. Они вникают в мельчайшие детали, пылливо всматриваются в источники своего беспокойства, фиксируют несоответствия между ожидаемым и действительным. Они постоянно размышляют о том, что на первый взгляд представляется малым и незначительным, и ни на секунду не останавливают работу своего ума. И поскольку то, что вызывает у них тревогу, находится в непосредственной близости, тревога эта требует от них самого пристального внимания.

Знакомо ли вам это? Если да, то потому, что именно так работают ученые и

врачи. Сторонники индуктивного метода провозглашают, что наука развивается от частного к общему; а сторонники дедуктивного метода скажут вам, что использование общих принципов для объяснения деталей, полученных при наблюдениях, является ключом к диагностической и терапевтической медицине. Когда нацисты назвали психоаналитическую теорию «еврейской наукой», они против своей воли указали на культурное наследие, которым был обязан Зигмунд Фрейд дотошным исследованиям своих талмудических предшественников. И хотя психоанализ едва ли можно назвать наукой, его методология критического исследования вытекает из лабораторной работы Фрейда, ибо он всегда стремился интерпретировать законы природы, если их можно было применить к нейрофизиологии. И я выскажу предположение, что психоанализ заимствовал свои характерные черты из «бессознательно» усвоенной Фрейдом древней раввинистической традиции – осознанно или неосознанно переданной ему отцом, который был вечно погружен в Талмуд, – а именно усердной интерпретации божественных законов в их соотношении с повседневной жизнью. В той мере, в какой евреи являются народом книги и народом тела, они являются также народом памяти, передаваемой по наследству, – ле-дор ва-дор, как говорится в молитвах, то есть «из поколения в поколение». Осознанно или нет, но пути медицинского мышления соответствуют духу еврейства. Теперь было бы уместно вернуться к словам тайного советника Теодора Бильрота. Много шуток звучало по поводу еврейской матери, которая горделиво сообщает: «Мой сын, доктор». Однако в свете тысячелетней традиции, которая прежде всего зиждется на поиске знания о Боге; в свете истории общества, что ставит образование почти так же высоко, как саму жизнь, и тем не менее рассматривает обучение как путь к жизни, а значит, и к Богу, – в свете всего этого неудивительно, что это общество почитает искусство врачевания за величайшее благо и потому с большим уважением относится к тем, кто его практикует. На лестнице еврейского почета только талмудист стоит выше, чем рофе, и в прежние времена эти двое нередко были воплощены в одном лице. Несколько веков назад на смену религиозного интеллектуализма раввинов стал постепенно приходить светский интеллектуализм докторов, и этот процесс в настоящее время доминирует в еврейском мышлении. Раввин становится доктором.

Глава II. Испания – Марокко – Египет

Нужно бежать из стран, где гонения на наш народ и преследования нашей веры стали невыносимы. А те из евреев, для кого это невозможно, да не согрешат отступничеством, осквернением Субботы и нарушением других заповедей[31].
Моше бен Маймон.

«Послание в Йемен»

История скитаний еврейского народа начинается с изгнания после разрушения Первого Храма в 586 году до н.э. И хотя не всегда евреи подвергались суровым гонениям – как это было, например, при вавилонянах, римлянах или нацистах, – но почти в каждую эпоху перед ними возникала необходимость эмиграции. Спасаться бегством евреям приходилось часто – порой для того, чтобы сохранить жизнь, порой – чтобы найти пропитание, а порой – чтобы избавиться от «преследований нашей веры».

Бежать пришлось и рабби Маймону бен Йосефу. В 1148 году рабби Маймон, даян (судья еврейского религиозного суда) из Кордовы, собрал свою семью и двинулся в путь, не имеющий конечной цели. Семья рабби Маймона состояла из его второй жены, их годовалого сына Давида и десятилетнего Моше. Первая жена рабби Маймона умерла вскоре после рождения Моше в канун Песаха 4898 года, или 30 марта 1138 года по григорианскому календарю (лишь недавно исследователи уточнили эти даты – прежде большинство биографов указывали на 4895, или 1135 год). У рабби Маймона было также две дочери, о младшей из которых известно, что ее звали Мирьям. Семья покидала Кордову в час тревожных перемен, которые ставили под угрозу не только свободу веры, но и саму жизнь членов еврейской общины. Славный четырехсотлетний период, часто называемый Золотым веком Испании, стремительно подходил к концу; отзвуки его сокрушительного падения потрясли еврейскую общину, которая все эти годы жила в мире и согласии с мусульманскими и христианскими соседями. После вторжения мусульман на Пиренейский полуостров в начале VIII в. там постепенно развилась цивилизация, которой завидовали все столицы Запада. В эпоху правления династии Омейядов Кордова стала столицей халифата, соперничавшего с Багдадским. К началу X в. жители Кордовы имели все основания считать, что их город является культурной столицей мира. Посол императора Священной Римской империи Оттона I назвал этот город «украшением мира». И хотя распад халифата на множество мелких эмиратов в начале XI в. ослабил власть и влияние Кордовы, даже сто лет спустя в этом по-прежнему прекрасном городе жизнь была ключом – по оценкам историков, в Кордове мирно уживалось более 100 тыс. мусульман, евреев и христиан. Каждая из этих групп

обладала широкими правами, и перед всеми были открыты библиотеки, больницы, рынки, бани, обсерватории и другие учреждения, которыми так славился этот город.

Но самым главным для евреев было то, что им и христианам, как «народам книги», был предоставлен статус зимми – тех, кого защищало кораническое право и кому было дозволено исповедовать свою веру при условии подчинения мусульманским властям. Однако защита не предполагала равенства, а терпимость властей еще не означала полноправного участия в жизни общества. Зимми не зря называли «людьми второго сорта» – они были ограничены в правах и лишены целого ряда привилегий. И все же эти тяготы не шли ни в какое сравнение с лишениями, которым подвергались евреи в период правления вестготов. Еврейская община Кордовы процветала, и ее члены внесли немалый вклад в политическую, экономическую и культурную жизнь Пиренейского полуострова. Как и жители всех других городов Андалусии – крайнего юга Испании, – жители Кордовы полностью перешли на арабский язык. Горожане разных вероисповеданий почти не отличались друг от друга одеждой, языком и фольклором. Евреи и христиане писали стихи и поэмы по-арабски, сочиняли и исполняли арабскую музыку; подчас они добивались высоких должностей в аппарате государственного управления. Хотя большинство евреев, судя по всему, проживало в еврейском квартале, так называемой Худерии, они жили обособленно не по принуждению, но по собственному выбору. Это похоже на то, как в наше время пригороды многих городов становятся этническими анклавом. В этой обстановке терпимости и религиозной свободы перед жителями Кордовы открывались большие возможности, и рабби Маймон был среди тех, кто в полной мере воспользовался ими. Мы мало знаем об источниках его доходов, однако известно, что он жил безбедно и что в его просторном доме, выстроенном в мавританском стиле, была большая библиотека. Один из наиболее влиятельных членов еврейской общины в седьмом поколении, он слыл (надо сказать, ошибочно, и сам никогда не претендовал на это) потомком рабби Йегуды га-Наси, выдающегося еврейского законоучителя, составившего Мишну в конце II в. н.э. Самого рабби Йегуду га-Наси считали потомком царя Давида, а титул наси (князя) означал, что он возглавлял Синедрион и был неоспоримым главой еврейской общины в Земле Израиля. Подобно Йегуде га-Наси, рабби Маймон был выдающимся знатоком религиозного закона и в то же время славился глубокими познаниями в астрономии и математике, как подобало всем образованным людям того времени. Согласно легенде, первая жена рабби Маймона, мать Моше, была дочерью безграмотного мясника. Молодой человек стал учеником этого мясника, лелея надежду жениться на его дочери. О второй жене рабби Маймона, матери Давида, почти ничего не известно, но мы знаем, что положение ее семьи было более сопоставимо с положением мужа. Начальное образование юный Моше получил от отца, хотя, конечно, у него были и другие учителя. Будучи развит не по годам, он знал не только еврейский Закон и историю, но также философию, риторику, астрономию и математику; кроме того, он, возможно, читал и медицинские книги из библиотеки отца. Как перед многими одаренными юношами Средневековья, перед ним стояла задача овладеть всем доступным ему знанием.

Но поначалу это было непросто. Сколько ни бился его отец, Моше рос беззаботным ребенком и был безразличен к учению. Равнодушный к уговорам и уловкам рабби Маймона, и даже к его гневу и наказаниям, мальчик – если верить одной из самых ярких легенд о жизни молодого Рамбама – часто сбегал от отца и прятался в пустом женском приделе синагоги, где никому бы не пришлось в голову его искать. Здесь он изливал душу перед Господом, прося у Него помощи в своих несчастьях, которые многие, наверное, объясняли тем, что Моше был сыном простой женщины, дочери мясника. Юноша вырос, но по-прежнему не мог похвастаться большими успехами в учении. Даже отец отчаялся в нем. Согласно той же легенде, однажды у рабби Маймона лопнуло терпение, и он сгоряча воскликнул: «Ты рожден для самой низкой жизни!» Эти слова глубоко ранили сердце впечатлительного мальчика, и он сжался от страха.

Как гласит предание – а многое из того, что рассказывают о молодости Рамбама, не более чем предание, ставшее мифом, – услышав приговор отца, который показался ему непреложным, мальчик сбежал из дома. Его долго искали – и родня, и другие евреи, – но так и не нашли. Многие думали, что он не отыщется никогда.

Прошло несколько лет, и измученный угрызениями совести рабби Маймон смирился с потерей сына. Целыми днями он был погружен в изучение Торы и Талмуда. Но в один прекрасный день случилось невероятное. После молитвы в Большой синагоге Кордовы прихожане увлеченно слушали блестящую проповедь незнакомого раввина. Голос у раввина был весьма юн, а его лицо и плечи скрывал талит – молитвенное облачение, которым часто покрывали себя те, кто держал перед общиной речь на священные темы. И когда под восхищенный шепот

собравшихся проповедь закончилась, юноша снял талит, и оказалось, что это Моше, блудный сын рабби Маймона. Тогда ему было не больше десяти лет. Это лишь одна из бесконечного числа историй, и многое в ней вполне может соответствовать реальным событиям. Однако те, кто убежден в ее истинности, никогда не упоминают о том, что едва ли мальчик мог носить талит до достижения возраста бар мицвы, а также о том, что описываемые в ней события слишком невероятны. И все-таки сколь недостоверна ни была бы эта легенда, ее передавали из поколения в поколение, и не только потому, что рассказчики или слушатели очень хотели верить в нее. Ее рассказывают вновь и вновь, ибо она описывает необычайные способности юного Рамбама, его настойчивое стремление к изучению Торы, которое отличало всю его дальнейшую жизнь. Согласно другой версии этой легенды, рабби Маймон был так разочарован своим сыном, что в конце концов отказался от попыток его учить и отправил его к своему бывшему наставнику, рабби Йосефу ибн Мигашу, известному ученому того времени, который был одной из ключевых фигур в развитии испанского талмудизма. И те, кто склоняется к этой версии, утверждают, что случай в синагоге произошел после того, как Моше несколько лет сосредоточенно и вдумчиво изучал Тору у этого прославленного старца. Судя по всему, эта версия более соответствует реальным событиям.

Наверняка же нам известно лишь то, что, пока семье рабби Маймона не пришлось покинуть Кордову, она жила там в довольстве и безопасности. Не было никаких оснований для опасений и тревог. После столь долгих лет безоблачной жизни в мусульманской стране евреям казалось, что так будет всегда. Но ситуация резко изменилась в 1148 году, когда Пиренейским полуостровом завладели Альмохады – неистовая мусульманская секта, основанная берберами Северной Африки. Секту возглавлял фанатичный правитель Абдалла ибн Тумарт. Еврейские и христианские школы были закрыты, церкви и синагоги разрушены; перед всеми, кто не был мусульманином, встал выбор – обращение в «истинную веру» или смерть; бегство было запрещено из опасений, что беглецы станут помогать врагам. Многие евреи формально приняли ислам, что было довольно просто – в вопросах веры Альмохады требовали только внешней покорности. Они довольствовались тем, чтобы вновь обращенные мусульмане время от времени посещали мечеть, и мало интересовались, что происходит за стенами частных домов. Но такой компромисс претил рабби Маймону. Бросив имущество, что принадлежало нескольким поколениями его предков, в том числе почти все книги своей обширной библиотеки, он бежал на чужбину с женой и четырьмя детьми.

Первой остановкой в странствиях рабби Маймона стал средиземноморский порт Альмерия на юго-востоке Испании, еще не захваченный Альмохадами. В этом пути, в который семья рабби Маймона вышла вместе с другими еврейскими семьями, было решено, что юный Моше продолжит образование, начатое в библиотеке отца. В этом бесконечном паломничестве к неясной цели Моше встречал разных учителей, обменивался книгами с другими образованными евреями, а рабби Маймон следил за учением своего талантливой сына и руководил им. Этот стихийный педагогический процесс в немалой степени облегчала изумительная способность мальчика усваивать большое количество сведений, не записывая – счастливый дар, о котором сам Маймонид позже скажет так: «Забывчивость, присущая многим людям, в юности была мне несвойственна». Ему достаточно было один раз прочесть книгу, чтобы ее содержание целиком запечатлелось в его памяти.

Принято считать, что в Альмерии юный Рамбам подружился с сыном мусульманского судьи, политического беженца из Кордовы. Хотя этот молодой человек, по имени Аверроэс (по-арабски Ибн Рушд, или Абу-ль Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд)[32], был на девять лет старше своего еврейского друга, им было о чем поговорить, особенно если учесть живой интерес Ибн Рушда к параллелям между греческой и исламской философией. Позже Ибн Рушд станет одним из самых влиятельных арабских философов, напишет трактаты, посвященные Платону и Аристотелю. В последующие столетия эти трактаты, как и трактаты Маймонида, окажут сильное влияние на христианских, мусульманских и еврейских мыслителей. Аверроэс бежал в Альмерию не для того, чтобы спастись от Альмохадов. Большую часть своей жизни он будет служить при них главным судьей Кордовы, а также личным врачом целого ряда халифов. Однако он напишет комментарий к Корану, который многие сочтут слишком вольным, и это вынудит его на недолгое время покинуть свой город. Нельзя утверждать с полной уверенностью, что юный Маймонид действительно встречался с Аверроэсом, хотя многие биографы убеждены, что такое знакомство в самом деле имело место.

Семья рабби Маймона покинула Альмерию в 1151 году, когда в город вступили Альмохады. В течение восьми или девяти лет после этого рабби Маймон и его домочадцы скитались по городам Испании – до смерти ибн Тумарта в 1160 году эмиграция была запрещена, и покинуть Испанию было невозможно. Наконец,

переправившись на корабле в Марокко, семья рабби Маймона остановилась в Фесе. Во время скитаний по Андалусии рабби Маймон следил за тем, чтобы Моше продолжал образование. А тот, в свою очередь, уделял много внимания образованию своего младшего брата Давида, ставшего его учеником и младшим товарищем. Несомненно, в юные годы, благодаря лишениям, что выпали на долю Рамбама, проявились сильные стороны его характера; во многом эти качества помогли ему в последующие годы жизни. Хотя чувство причастности к еврейской общине сформировалось у Маймонида уже в детстве, тот опыт, который он приобрел в годы странствий, когда жизнь членов его семьи зависела только от помощи других евреев, встреченных в пути, должен был усилить чувство близости к своему народу и преданности ему.

Многим покажется невероятным, что в этом беспокойном и нередко опасном пути молодой Моше находил время, чтобы писать. Именно в те годы Рамбам заложил прочные основы своей литературной деятельности, которая отныне не прекращалась всю его жизнь. Интеллект Маймонида быстро развивался, и вскоре он написал небольшой трактат о логике и метафизике, а также комментарии к нескольким разделам Библии и небольшое сочинение о еврейском календаре, которое потребовало от Рамбама, едва вступившего в свой третий десяток, довольно сложных математических и астрономических расчетов. В 1158 году, предпоследнем году пребывания его семьи в Испании, он начал работу над комментарием к Мишне, для завершения которого ему понадобилось десять лет. Он поставил перед собой цель создать такую книгу, которая будет понятна простым людям, не обладающим широкими познаниями в талмудической или библейской литературе. Маймонид писал на арабском языке еврейскими буквами, как было принято у еврейских авторов того времени в мусульманских странах (позднее такой тип записи назовут еврейско-арабским). Рамбам назвал свою книгу Сирадж, что в переводе с арабского означает «Светильник» (ивритское название – Сефер Га-маор). Название этого труда указывает на стремление, свойственное столь многим произведениям Рамбама, – объяснить простым людям неясные им ранее идеи.

Необходимость отредактировать Мишну представлялась Рамбаму очевидной. В основе законов, согласно которым живут евреи и которые в совокупности именуется Галахой, лежат толкования слов Библии, принявшие форму постановлений и комментариев многих поколений раввинов. Эти постановления передавались устно из поколения в поколение, и, поскольку они никогда не были записаны, между ними возникли некоторые расхождения. Приблизительно к 200 году н.э. рабби Иегуда Га-Наси, глава еврейской общины Земли Израиля, собрал большую часть всех этих подчас противоречащих друг другу постановлений в единый последовательный текст и назвал его Мишна (что означает «изучаемое посредством повторения»). Рабби Иегуда Га-Наси разделил Мишну на шесть разделов, в каждом из которых шестьдесят три трактата, которые, в свою очередь, делятся на главы.

В последующие столетия, а именно в 200500 гг. н.э., записи раввинистических дискуссий и размышлений, опиравшихся на Мишну, наряду с судебными Галахическими решениями, вошли в текст, получивший название Гемара. Гемара была призвана дополнить Мишну более обобщенным и систематизированным рассмотрением истин, что лежат в основе еврейской веры. По сути, Гемара – это комментарий к Мишне, с той разницей, что Мишна является Галахическим путеводителем по жизни, тогда как Гемара – это своего рода смешение фольклора и законоведческих дискуссий, выводимых из Торы независимо от возможности применить их на практике. Хотя текст Гемары опирается на Мишну, в Гемаре также содержатся ссылки на учение мудрецов, чьи высказывания не были включены в Мишну.

Разрозненные общины Земли Израиля и Вавилона составили две отдельные Гемары – Вавилонскую и Иерусалимскую. Хотя обе они восходят к одному источнику – Мишне, в них много различий. Вместе с тем они сохраняют единство, обладая общей формой. В обеих книгах за предписаниями из Мишны следует запись раввинистического обсуждения, в которую вошли и судебные аргументы, и легенды, и истории из жизни. Эта часть текста, которая занимает 60–70 процентов его объема и не является Галахой, называется Агада. Ее основное предназначение – проиллюстрировать или истолковать обсуждаемый вопрос. Нередко обсуждение уходит от изначальной темы, однако всегда возвращается к ней, вопреки многочисленным «отклонениям». Гемару можно назвать «текстом, стоящим вне времени», в том смысле, что комментарии многочисленных авторов, живших в разное время (наиболее значительным из них был живший в XI в. французский комментатор Раши), вписывались позднее на поля. В результате более поздние вставки обрамляют пассаж из Мишны и оригинальный комментарий законоучителей III–IV вв.; дискуссия усложняется, а объем текста увеличивается. Слово талмуд (учение) обозначает Мишну и Гемару вместе, хотя нередко оно используется только для обозначения последней.

Поскольку Гемара была составлена намного позже Мишны, правильное понимание

Галахитребовало глубокого изучения позднейших дополнений – нелегкая задача для кого угодно, кроме особо преданных своему делу ученых. Рамбам решил создать компендиум, в который вошли бы только самые важные талмудические предписания. Так он намеревался открыть прямой доступ к пониманию Мишны для не слишком образованных читателей или для тех, у кого попросту нет ни времени, ни склонности разбираться в крайне запутанном и трудном для понимания беспорядочном тексте Гемары. Помимо того, перед ним стояли две другие цели: предоставить своему читателю простое введение в Талмуд и вернуть тексту рабби Иегуды Га-Наси роль первичного источника, открывающего путь к пониманию еврейского закона. Текст рабби Иегуды Га-Наси вновь восстает перед читателями как сборник Закона. Чтобы завершить комментарий к Мишне, Рамбаму потребовалось десять лет.

Когда молодой ученый приступил к этому труду, стало ясно, что подобная интеллектуальная работа несовместима с тем кочевым образом жизни, который вела семья рабби Маймона. Рамбаму требовалось намного больше книг, чем он мог достать, ему необходимо было постоянно поддерживать связь с другими учеными, чтобы обмениваться с ними идеями. В сущности, после отъезда из Кордовы семья рабби Маймона постоянно пребывала в бегах, скрывая не только свое происхождение, но и саму принадлежность к еврейскому народу. Такая жизнь едва ли способствовала глубоким раздумьям и осуществлению литературных замыслов. Семье рабби Маймона нужно было жить в еврейской общине, положение которой было бы более устойчиво, чем положение тех общин, в которых им довелось побывать во время опасных скитаний из одного андалусского города в другой. Наверное, в поисках пристанища они не раз мечтали найти такое место, где ни один мусульманин не знал бы о том, что они евреи, чтобы можно было тайно отправлять ритуалы, не страшась разоблачения, как это случалось во время их нелегких странствий. Вот почему рабби Маймон решил перевезти семью в марокканский город Фес. Как и в городах Испании, в Фесе Альмохады также преследовали евреев, однако в этом городе перед семьей рабби Маймона открывались такие перспективы, о которых невозможно было и мечтать в пути или в городах Пиренейского полуострова. В отличие от других городов, в которых приходилось скрываться семье рабби Маймона, в Фесе по-прежнему действовали светские школы. В них преподавали самые разнообразные предметы, в том числе те, которые молодой Моше хотел изучить глубже, – например, математика, астрономия, философия и естественные науки. Моше уже в ранней юности изучал медицину; теперь же он стремился узнать больше, перенимая знания у опытных врачей. И хотя многие еврейские семьи были вынуждены спасаться бегством из Феса, для семьи рабби Маймона этот город стал спасительной гаванью.

Однако они были сильно разочарованы состоянием местной еврейской общины. Евреи Феса пребывали в полном духовном оцепенении. Это было даже хуже, чем страх, царивший в городах Испании. Можно представить себе, что рабби Маймон и его сыновья были готовы к новым гонениям, подобным тем, что они уже испытали в Кордове при Альмохадах, но упадок духа и умственная ограниченность, с которыми они столкнулись в Марокко, застали их врасплох. Неистовая секта Альмохадов захватила Фес в 1145 году, и жители этого города пятнадцать лет страдали под жестоким гнетом завоевателей. Многие евреи бежали, другие обратились в ислам. Но большая часть членов общины предпочла формально перейти в ислам, в то же время тайно придерживаясь еврейской веры и сохраняя верность ее обычаям. И все же многие евреи Феса пали духом. После долгих лет мнимого следования обычаям ислама среди евреев Феса нашлись те, кто начал сомневаться в основах своей собственной веры. Особенно же их волновал вопрос, не является ли новая религия, к которой они выказывают мнимое послушание, настоящей преемницей их собственной. Быть может, Бог хочет таким образом показать им, что религия Мухаммеда более истинна, чем религия их законодателя Моше рабейну. И возможно, Мухаммеду в самом деле было дано больше власти – ведь слова: «нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его» спасли им жизнь.

Незадолго до приезда семьи рабби Маймона в Фес в тамошнюю общину пришло письмо от известного раввина, бежавшего из Марокко. Это письмо вызвало в душах евреев Феса еще большее смятение. Письмо было написано в ответ на вопрос, заданный этому раввину одним местным жителем. Он спрашивал мнение раввина о том образе жизни, который ведут марокканские евреи – они скрывают правду о своей подлинной религии и делают вид, что живут точно так же, как их соседи-мусульмане. Раввин, живущий в отдалении и безопасности, ответил зловонным осуждением евреев Феса. Он упрекал их в язычестве; по его мнению, совершенно не важно, возносят ли они молитвы к древнему Богу Израиля. Подобные молитвы, разглагольствовал он, утешение лицемеров и безбожников. Те, кто возносят их, не должны считаться евреями, ибо если так будут поступать все евреи, иудаизм полностью исчезнет.

Рабби Маймон не мог оставить без ответа такое суждение. В 1160 году, вскоре

после прибытия в Фес, он написал открытое письмо к евреям Марокко. Он утешал их, утверждая, что они по-прежнему принадлежат своему народу и что Господь покровительствует им, согласно завету, который Он заключил с Израилем. Рабби Маймон настаивал на том, что притворное обращение в мусульманство оправдано спасением жизни; только внутренняя вера есть подлинное свидетельство принадлежности к еврейскому народу. Следует читать еврейские молитвы – писал он в своем пылком послании, которое стало известно как «Послание утешения», – даже если они произносятся безмолвно и слышны только Господу и сердцу человека, который молится.

И в самом деле, послание рабби Маймона исходило из самого сердца, тогда как второе письмо, написанное его сыном два года спустя, опиралось на острый логический ум молодого человека. «Послание об отступничестве» (на иврите Игерет Га-шмад), которое Рамбам написал в 1162 году, было призвано убедить единоверцев в том, что слова беглого раввина противоречат не только Закону, но и всей истории иудаизма. Молодой ученый предваряет свое письмо вступлением, призванным утвердить авторитет автора: «Сказал Моше, сын рава Маймона, судьи, испанца». Он приводит здесь свое полное имя, которое в эпоху Ренессанса превратится в эллинизированное «Маймонид». Писатели того времени нередко использовали подобные вступления как стилистический прием, и Рамбам прекрасно знал это. Он также был знаком с иносказательными оборотами, принятыми в ту эпоху, и вполне возможно, что в выборе дальнейшей формы послания определенную роль сыграло изучение медицины. Рамбам писал: «Когда же я узнал об этом невероятном деле, подобном глазной болезни, я положил себе собрать травы и снадобья согласно древним книгам: сделаю из снадобий целебную мазь, врачующую этот недуг, и, с Божьей помощью, излечу его» [33].

Далее в письме приводятся талмудические изречения, согласно которым человеку позволено спасти свою жизнь, скрываясь во времена гонений, и рассказывается о тех уловках, которые использовали в далеком прошлом ведущие раввины, чтобы убедить римских солдат в том, что они не евреи. В разные эпохи, напоминает Маймонид своим читателям, евреи совершали приношения идолам и другие притворные неблагочестивые поступки, и такие действия всегда оправдывались, когда в конце концов отступники возвращались к своей вере. Даже талмудические законоучители рабби Меир и рабби Эльзар притворялись язычниками, чтобы спасти свою жизнь. Евреи Феса не только не виноваты в том, что им приходится делать, уверяет их Рамбам, но более того, Всевышний вознаградит их за стойкость, проявленную во время мнимого обращения в другую веру. Каждый, кто осуждает их, не просто заблуждается – он безумен. «В здравом ли уме они, эти неистовствующие, что выражают такое мнение, – вопрошал Рамбам, – или же сошли с ума?»

В течение своей жизни Рамбам не раз выступал в защиту евреев, которые бегут из страны, где не могут открыто исповедовать свою веру. Однако в Фесе, признавал Рамбам, исходя из собственного опыта, для некоторых бегство невозможно или, по крайней мере, сопряжено с невероятными трудностями. Когда еврей не может бежать и вынужден притвориться, что принимает иную веру, самое главное – избегать богохульства. Следует молиться, когда и насколько это возможно; в остальном же Рамбам предоставлял большую свободу действий, чтобы спасти жизнь. «От нас не требуют служить языческим богам, – писал он в послании, – от нас требуют только повторить ничего не значащую формулу, и мусульмане сами знают, что мы произносим ее неискренне, только чтобы перехитрить безумцев. И если меня спросят: следует ли умереть или произнести слова, которые служат символом исламской веры, – я отвечу: произнести эти слова и жить» [34]. Более того, рассуждал Маймонид, поскольку мусульмане служат тому же Богу, что и евреи, и называют Мухаммеда пророком, а не божеством, публичное исповедание ислама менее греховно, чем исповедание христианства, которое считается идолопоклонством, и это тоже нужно принять во внимание.

Страсть, с которой Маймонид защищал этих псевдоотступников, в последующие века послужила поводом для самых разных рассуждений. Как правило, исследователи сходятся на том, что во время пребывания в Фесе семья рабби Маймона никак не показывала своей принадлежности к еврейскому народу. Сам Моше в этот период называл себя Абу Имран Муса ибн Маймун, и именно под этим именем он позднее вошел в арабскую медицинскую и философскую литературу. Такому обману способствовало само устройство города: дома в нем большей частью были скрыты за высокими стенами, улицы были темны и узки, и на них прохожего могли не узнать даже его близкие – Альмохады требовали, чтобы в публичных местах лица людей были частично скрыты. вполне возможно, что домочадцы рабби Маймона сами произнесли мусульманскую формулу обращения и вели себя так, как предписывали в своих посланиях рабби Маймон и его сын Моше. Мы не знаем, как далеко они зашли в своем обмане; некоторые исследователи полагают, что они превзошли других евреев, когда в этом была

крайняя необходимость. В некоторых арабских источниках того времени говорится, что они открыто исповедовали ислам.

Письмо рабби Маймона, призванное утешить евреев феса, не нуждается в оправданиях. Но можно поинтересоваться: почему его сын, которому было всего двадцать четыре года и который тогда еще не был известным ученым, двумя годами позднее счел необходимым написать о том же самом? В его письме немало резких фраз, порой окрашенных легким сарказмом, и у многих вызывает удивление жесткая позиция Рамбама. Не для того ли написал он это послание, чтобы попытаться объяснить свои собственные поступки, или, выражаясь резче, создать завесу самооправдания, за которой можно было бы скрыть, как далеко отошел он от сущности своей веры во время странствий по Испании и жизни в фесе? Не стал ли сам Рамбам на некоторое время «истинным мусульманином» – подобно тому, как позднее немало европейских евреев из прагматических соображений принимали христианство?

Вполне возможно, что мы никогда не узнаем ответы на эти вопросы. Мы задаем их не для того, чтобы принизить значение Маймонида, но для того, чтобы попытаться понять его. Маймонид посвятил так много усилий попыткам объединить учение Аристотеля с еврейским Законом, что многие биографы до сих пор не могут ответить на вопрос, что было для него важнее – Закон или философия? Как он сам относился к ограничениям, которые накладывала Галаха на беспристрастное и полностью объективное изучение естественного мира и феномена человеческого поведения? Если среди черт, которые характеризуют мысль Маймонида, можно выявить общую, то это будет постоянное стремление наблюдать и объяснять мир, чтобы затем найти место для своих заключений в рамках общепринятого Закона. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся в последующих главах.

Фес в эти годы полнился горестями и страданиями. Евреи подвергались гонениям при халифе Абд аль Мумине [35], но их положение заметно ухудшилось после его смерти в 1163 году, когда на смену ему пришел еще более жестокий тиран Абу Якуб Юсуф. Двумя годами позже беда постучалась в дом рабби Маймона. Главный раввин общины феса, Йеғуда ибн Шошан – мнимый отступник, как все евреи города, – был схвачен и обвинен в отправлении иудейских ритуалов. За это преступление мусульманские власти пытали его, а потом убили. Семья рабби Маймона поселилась в фесе главным образом из-за Йеғуды ибн Шошана, и тот вполне оправдал ожидания и оказался верным другом. Он снабдил Моше книгами, которые были необходимы тому для учения, и познакомил его с еврейскими и мусульманскими учеными, благодаря которым Маймонид смог продолжить свое образование, как светское, так и религиозное. Имеются свидетельства, что сам Маймонид был арестован тогда же и что его спасло лишь вмешательство Абу-ль Араба ибн Моиша, мусульманского поэта и теолога. Тот с риском для жизни помог другу, которого высоко чтит. Однако даже ибн Моиша не знал правды – он искренне верил, что его друг принял ислам. После пяти лет, в течение которых семья рабби Маймона скрывала свою подлинную веру, для нее пришло время покинуть фес.

Семья рабби Маймона устала от тирании Альмохадов. Более того, теперь Моше находился под наблюдением; не было сомнений, что рано или поздно правда откроется и его снова посадят в тюрьму. Рабби Маймон решил отправиться на корабле в Землю Израиля, которая в 1099 году была завоевана крестоносцами и отныне именовалась Королевством Иерусалимским. Сколь ни тяжело было оказаться под властью христиан, нужно было избежать более суровой угрозы, что нависла над семьей рабби Маймона в мусульманских странах.

Маймонид относился к христианам как к идолопоклонникам. Они поклоняются образам Иисуса, Марии и огромному числу святых. Этим они отличаются от мусульман, которые, как и евреи, служат единому Богу. Однако дело было не только в этом. В 1148 году, во время Второго крестового похода, крестоносцы устроили в Иерусалиме резню, жертвами которой стали и евреи, и мусульмане. И вполне понятно, почему евреи, стремящиеся бежать в Святую Землю, питали ненависть к христианам.

Семья рабби Маймона покинула фес накануне Песаха, 18 апреля 1165 года. Поскольку вся семья находилась под надзором, пришлось бежать из города под покровом ночи. Всю дорогу к морю нужно было скрываться днем и идти, сколько хватало сил, как только наступала ночь. Семейство рабби Маймона взяло с собой только самое необходимое; все нажитое добро пришлось опять бросить – кроме нескольких книг и драгоценных камней, торговать которыми как раз начали Давид и Моше, потратив на их покупку скудные запасы денег рабби Маймона.

Семья добралась до портового города Сеуты поздней ночью. Там они скрывались от властей до тех пор, пока им не удалось сесть на корабль, идущий в Акко. Корабль отправился в плавание в месяц ияр (который приблизительно соответствует маю) и месяцем позже прибыл в порт назначения. Однако путешествие протекало не гладко. Спустя шесть дней после отплытия корабль

попал в ужасный шторм и едва не разбился. Спустя годы Маймонид так опишет это событие:

«В ночь на воскресенье, четвертого ияра, я вышел в море; а в Субботу, десятого ияра 4925 года (1165 по григорианскому календарю. – Прим. ред.), началась буря, великий шквал, грозивший потопить судно. Тогда я принял обет – что я и моя семья будем поститься в эти дни и делать все, как в общественный пост; и сыновьям своим завещаю так, и потомкам их, и чтобы давали подавание, сколько смогут. Я же буду находиться десятого ияра в одиночестве, буду лишь молиться и разговаривать с собой; как в тот день не встретил я никого, кроме Всевышнего, так и впоследствии в этот день, – кроме как по принуждению.

В ночь на воскресенье, третьего сивана, я приплыл целый и невредимый в Акко – добрался до Страны Израиля. Тогда я принял обет, что в этот день у меня и моей семьи будет радость и веселье, пир и раздача милостыни – на веки вечные» [36].

(Похоже, Мирьям не была в числе путников, и в Акко рабби Маймон прибыл с женой и тремя детьми. Сохранились отдельные свидетельства о жизни старшей дочери рабби Маймона, которая оставалась с семьей, пока не вышла замуж за еврейского писца при египетском дворе, приблизительно в 1175 году. Было также найдено письмо от Мирьям к Маймониду, написанное в значительно более поздний период. В нем она жалуется на то, что ее сын, живущий в далекой стране, никогда ей не пишет.)

Акко, где оказались рабби Маймон и его домочадцы, в то время был большим и шумным городом с самой многочисленной еврейской общиной в Земле Израиля. Однако слово «многочисленная» здесь не следует понимать буквально – община насчитывала около двухсот семей. Страх перед гонениями со стороны христиан оказался необоснованным. Правящие рыцарские ордена, понимая, как они нуждаются в экономических и, возможно, культурных благах, которые несет собой присутствие нехристиан, даровали гражданские права всем жителям Иерусалимского Королевства. Однако совсем мало евреев воспользовалось возможностью поселиться в нем. Оказавшись в Святой Земле, Маймонид стал изучать обычаи тех немногих евреев, что остались жить там с незапамятных времен, в результате чего его собственные религиозные ритуалы претерпели некоторые изменения. Хотя обычно Маймонид довольно легко завязывал отношения с мусульманами, каких-либо попыток установить связь с христианами он, похоже, избегал. Он сторонился их из убеждения, что они являются идолопоклонниками и не веруют в единого Бога.

В конце лета семья рабби Маймона отправилась в трехдневное путешествие в Иерусалим. Они посетили святые места, с которыми были так близко знакомы из еврейских источников и молитв, что рабби Маймона и его домочадцев охватило чувство, будто они прожили в Иерусалиме всю жизнь. В Иерусалиме не было еврейской общины, и это, возможно, омрачило радость путешественников; но зато они удостоились вознести молитвы возле Стены Плача [37]. Затем они отправились в Хеврон, чтобы посетить пещеру Махпела, где покоятся праотцы и праматери еврейского народа – Аврагам, Ицхак и Яков, Сара, Ривка и Лея. Маймонид оставил нам рассказ об этом коротком паломничестве, и его голос вливается в многоголосый хор евреев, что посетили эти места до него, и тех бесчисленных тысяч, что посетят эти места в столетия, предшествующие основанию Государства Израиль:

«Я вошел в это великое и святое место и молился там шестого дня того же месяца. В первый день последующей недели, девятый день месяца, я покинул Иерусалим и отправился в Хеврон, чтобы приникнуть к могилам патриархов, упокоенных в Пещере. В тот день я стоял в Пещере и провозглашал: хвала Отцу всего сущего! Я даю обет торжественно праздновать эти два дня, шестой и девятый дни месяца мархешван (который приблизительно соответствует октябрю – прим. автора), с молитвами и весельем. Да снизойдет ко мне сила и помощь Господа, чтобы я мог осуществить мои обеты; и да будет вскоре позволено мне и всему Израилу увидеть эту землю в славе, о чем я молился там, видя ее в запустении! Амен».

Земля Израиля во многом разочаровала Маймонида. Она пребывала в запустении, и в ней жила горсточка отчаявшихся и обнищавших евреев, если не считать немногих странствующих купцов. К тому же Святая Земля была взбудоражена вторжением крестоносцев, которые вели себя скорее как разбойники, чем как рыцари Креста. Более того, она стала прибежищем для самых отбросов европейского общества: воров, проституток, мошенников и беглых преступников. Здесь невозможно было серьезно изучать иудаизм, философию и естественные науки; это было вовсе не место для ученого, который писал: «В природе человека приспособлять свои нравы и поступки к поведению ближних, к обычаям своих соотечественников. А значит, следует иметь дело с праведными людьми и жить рядом с мудрецами, чтобы учиться у них их деяниям. И надо держаться в стороне от людей порочных, пребывающих во тьме, чтобы не

научиться у них их делам. Об этом сказал царь Шломо: «Кто идет с мудрыми, тот будет мудр, а кто дружит с глупыми, сокрушен будет»... [38] Если человек живет в стране, обычаи которой дурны, а жители не ходят прямыми путями, он должен переехать в страну, жители которой праведны и обладают добрыми нравами» [39].

В сравнении с теми странами, через которые прошел путь Маймонида, условия жизни евреев в Египте были исключительно благоприятны. Евреи Египта пользовались относительной свободой и наслаждались спокойствием; некоторые еврейские семьи достигли высокого положения в обществе. Испытание было велико, особенно для странников, на долю которых выпало так много испытаний. Вновь погрузившись на корабль в Акко, семья отправилась в путь, который станет для них последним этапом странствия. Они были на дороге к свободе, пусть и не полной. По иронии судьбы, они обрели ее в стране, где их предки страдали от жестокого рабства.

Глава III. Комментарий к Мишне

По иронии судьбы, в стране, где в древности евреи были рабами, теперь они пользовались наибольшей свободой. Эти мысли не могли не занимать ум Моше, когда он вместе со своей семьей ступил на борт одного из тех больших кораблей, которые по порту приписки прозвали «александрийскими». Их путь лежал как раз в Александрию.

В «книге путешествий рабби Биньямина Тудельского», написанной купцом и странствующим ученым [40], посетившим еврейские общины не только в Европе, но и в западных пределах Китая, содержится подробное описание Александрии того времени. По его словам, это был процветающий город с широкими улицами, такими прямыми и длинными, что «стоя у одних городских ворот, можно увидеть другие», хотя расстояние между воротами было не меньше трех миль. Множество торговых судов из Европы, Северной Африки, Индии и с берегов Аравийского полуострова стояло у причала – поэтому Вениамин называл Александрию «торговым портом всех народов». Состоятельные горожане жили обычно в роскошных домах, торцами выходящих на главные улицы. В Александрии царил открытая и непринужденная атмосфера, в отличие от Феса, который подавлял и угнетал. Кроме всемирно известной Александрийской академии, в городе и его окрестностях существовало примерно двадцать высших учебных заведений, студенты которых – выходцы практически из всех слоев населения – изучали множество разных наук. Александрия была большим космополитическим городом, в котором с момента его основания Александром Македонским в 332 году до н.э. нашла прибежище многочисленная еврейская община, ставшая неотъемлемой частью его коммерческой и культурной жизни. Политически активные евреи нередко были вовлечены в жизнь египетского двора и городского управления. Еврейская община насчитывала примерно три тысячи семей, что составляло немалую часть населения города, в котором жило тогда около 50 тыс. человек. Евреи пользовались не только религиозной свободой во всем Египте – им была предоставлена независимость в вопросах гражданского самоуправления, по крайней мере в том, что касалось их внутренних дел. Образованием евреев, их религиозными институтами, устройством общины и ее судов ведал назначаемый государством нагид. Эта государственная должность существовала в Египте с X в. Нагид, заседавший в Каире, назначал раввинов, судей и других должностных лиц общины, а также представлял интересы евреев при дворе халифа и нередко исполнял обязанности халифского врача.

Всего несколько месяцев спустя после того, как семья прибыла в Александрию, здоровье рабби Маймона резко пошатнулось. Вскоре он умер, и письма с соболезнованиями и признанием его заслуг как человека, раввина и ученого, посыпались со всех уголков света, в которых жили или странствовали евреи. Теперь Моше стал во главе семьи; он был обязан позаботиться о брате и сестре. Торговля драгоценными камнями, которую вели Моше и Давид, расширялась, но средств, заработанных этим, едва хватало. Друзья советовали Моше занять пост раввина и принять причитающееся за это жалованье, однако он отказался. Ему была ненавистна мысль получать деньги за свое образование, религиозный авторитет и мудрость. Он был непоколебим в мнении, которого придерживались еврейские мудрецы более тысячи лет, – что ни при каких условиях раввины не должны принимать плату за свой труд. Отказываясь «воспользоваться Торой как лопатой» [41], Рамбам написал небольшой трактат, в котором подробно рассматривал этот вопрос. Он писал: в истории очень много примеров того, как видные ученые зарабатывали на жизнь каким-нибудь ремеслом. Даже великий Гилель, писал Рамбам, был дровосеком, а его постоянный оппонент Шамай – плотником. Другие законоучители были гончарами, ткачами, кузнецами, сапожниками. В своем трактате он рассказывает о рабби Карна, водоносе, который просил общину платить ему за участие в разрешении тяжб столько же, сколько он заработал бы за это время трудом водоноса. Вопреки бытовавшему в Александрии обычаю, Моше бен Маймон отказался

принимать деньги за труды во имя Господа.

Трудно сказать, как в этот период семья Маймонида смогла поправить свое денежное положение, однако ключ к разгадке можно найти в упомянутом трактате. Как писал Рамбам, для ученого допустимо давать деньги в долг тому, кто вложит их в дело, чтобы затем разделить с этим человеком прибыль. Вполне возможно, что он участвовал в торговле брата именно на таких началах. Вероятно, в то время братья заключили соглашение, согласно которому Давид стал главным кормильцем семьи. Торговля ширилась, и старший брат мог посвящать большую часть времени ученым трудам. Давид же с головой ушел в торговые дела.

Когда Моше прибыл в Александрию в 1165 году, ему было двадцать семь лет. Египетским халифом в ту пору был Аль-Адид. Ему было суждено стать последним халифом династии фатимидов, управлявшей страной. В последующие три года Египет стал ареной непрестанной борьбы между тремя соперниками: Амори I, королем палестинских крестоносцев, франком по происхождению, сирийцами, которыми тогда правил султан Нур Ад-Дин, и египетскими фатимидами.

Александрию заняли сирийцы, под командованием Салах Ад-Дина [42], приходившегося племянником Ширку, визирю султана Нур Ад-Дина, который вел свое происхождение из знатного курдского рода. Жители города с негодованием восприняли союз, заключенный против сирийцев между Аль-Адидом и христианами, которые подчинялись Амори I. Даже после вывода иноземных войск в городе оставалось много недовольных. Беспокойство, охватившее весь Египет, усугублялось застарелой враждой между шиитами фатимидами и большинством их подданных-суннитов; эта вражда не раз порождала волнения в арабских странах – как в предшествующие столетия, так и впоследствии. Шииты отвергают устную традицию ислама – Сунну, почитая только Коран; сунниты, которые поэтому считаются «более правоверными», признают и Сунну, и Коран. Подобная проблема стояла и перед еврейской общиной. Причиной ей было то, что в Александрии жило много караимов. Движение караимов зародилось в VIII в. в Персии (небольшие группы караимов до сих пор можно найти в Израиле, Польше, США и в некоторых уголках бывшего Советского Союза). Караимы во многом походили на шиитов, в том смысле, что источником Божественного закона почитали только еврейскую Библию, отвергая все остальное. Поскольку караимы не принимали раввинистический иудаизм, традиционные евреи считали их еретиками, и потому общение между двумя этими группами было затруднено. Караимы и традиционные евреи не могли совместно трапезничать, участвовать в похоронах друг друга и даже не признавали, что у них общие религиозные цели. У караимов не было единого лидера, и ими управлял нагид, избираемый из традиционных евреев. Такое положение дел едва ли способствовало улучшению ситуации, поскольку каждый нагид открыто осуждал ритуалы караимов как еретические и лишённые боговдохновенной мысли, вошедшей в иудаизм в раввинистических добавлениях и комментариях.

Тем не менее община караимов процветала, по крайней мере в экономическом и социальном плане, и даже в интеллектуальном, ибо порой среди раввинистов находились такие, кому принципы караимов казались убедительными. Вполне естественно, что между шиитами фатимидами и караимами установилось взаимопонимание, которое сыграло на руку последним не только в торговых, но и в общественных делах. Многие караимы разбогатели и достигли большого политического влияния в Египте, несмотря на то что были по-прежнему подчинены нагиду. Прочное общественное положение караимов, в свою очередь, побудило их к попыткам, подчас небезуспешным, перетянуть раввинистов в свой лагерь, что было особенно заметно по числу смешанных браков. Конфликт между двумя этими группами, столь презрительно относившимися друг к другу, представлял опасность для них обоих. И хотя никак нельзя было достичь единства в вопросах законов и обычаев, обе группы ощущали необходимость найти какое-то решение, благодаря которому можно было бы уменьшить число разногласий.

Процветающая еврейская община Александрии не славилась своей образованностью, и ее представители, как правило, не особенно заботились о строгом соблюдении религиозных ритуалов, как понимал их Рамбам. Евреи старались не упускать возможности, что открывались перед ними, и, на взгляд Рамбама, были чрезмерно увлечены делами этого мира. Их раввины, как правило, были не столь учены, как раввины других стран; александрийские религиозные школы не играли ключевой роли в жизни общины. Знание Торы и Талмуда, как и знакомство с религиозной мыслью в целом, стояло на очень невысоком уровне. В этих условиях глубокие познания Маймонида и его мудрость в религиозных вопросах вскоре стали заметны всем, и к нему постоянно обращались за советом. Таким образом, Маймонид был неизбежно вовлечен во вражду традиционных евреев с караимами. И его позиция получила широкую огласку, когда он написал ответ на письмо местного еврея, который просил его высказать мнение о сложившемся положении.

Рамбам ответил ему в форме респонса – так называется письменный ответ авторитетного раввина на вопрос, заданный ему евреями какой-нибудь страны. Такие респонсы обладали большим весом, и во многом их можно уподобить современным судебным прецедентам. Респонсы Маймонида, которые он писал на протяжении нескольких десятилетий, стали основным источником, отобразившим развитие его мысли и события его жизни. Кроме того, респонсы до сих пор считаются важным источником авторитетного галахического комментария. Исследователи полагают, что Рамбам написал около шестисот респонсов; получатели снимали с них многочисленные копии и распространяли их. Хотя Рамбам довольно неприязненно относился к ритуалам караимов и одобрял полное отстранение от этой общины, он все же питал надежду, что караимов удастся вернуть в лоно ортодоксии. В то время он еще не обладал авторитетом, которым был наделен позже, однако в своем респонсе он не побоялся не только призвать к терпимости по отношению к этой секте, но и высказать уважение к ней. По его мнению, социальные связи между двумя группами следует не только сохранить, но и укрепить. Ортодоксальные иудеи должны предоставить караимам такие ритуальные услуги, как обрезание и погребение, в чем прежде они отказывали им. В то же время Маймонид недвусмысленно указывает на то, что эта секта пагубно влияет на традиционную общину; сойдя с пути Господнего, в чем-то они уже не являются подлинными евреями. Их нельзя включать в миньян (кворум из десяти мужчин, необходимый для богослужения. – Прим. автора), а также в число трех мужчин, необходимых для молитвы после трапезы. Итак, Маймонид исключил караимов из участия в важных ритуалах еврейской общины: ежедневного богослужения и молитвы после трапезы.

Ни один предводитель александрийской еврейской общины до тех пор не шел на столь радикальные шаги в отношении караимов, обладающих большим социальным и политическим влиянием. И даже в среде ортодоксальных евреев многие сочли резкость Маймонида неуместной – ее объясняли горячностью молодого человека. Столкнувшись со столь сильным противодействием, Маймонид оказался перед выбором: пойти на неизбежный конфликт или покинуть Александрию. Со дня приезда в этот город его стесняла местная среда, в которой и еврейскому образованию, и соблюдению законов Торы не придавалось должного значения. Ему было несложно принять решение; и вместо того чтобы вступать в перепалку с злопыхателями, он решил уехать из города, хотя со дня его приезда туда не прошло и двух лет.

Время тому благоприятствовало. Именно тогда Маймонид завершил большое сочинение, Китабас-Сирадж (Перуш аль Га-Мишна, «Комментарий к Мишне»), которому он посвятил десять лет напряженного труда. В ходе работы над «Комментарием» эта книга постепенно вышла за рамки разъяснения еврейского Закона и галахических постановлений, рассеянных по бесчисленным страницам Талмуда. В «Комментарии» Маймонид излагает свою собственную философию иудаизма и подробно разъясняет концепции, которые, по его мнению, многие века неверно понимали не только рядовые читатели, но и некоторые раввинистические авторитеты. В этом труде Рамбам рассматривает вопросы, связанные не только с законами Торы и их соблюдением, но и с социальными и моральными обязанностями членов общины. В конечную версию книги вошли принципы, которые сегодня мы отнесли бы к области психологии и этики. Рамбам без колебаний использовал свои глубокие познания в греческой философии и ссылаясь на новейшие научные открытия тех времен. Вместе с тем Рамбам оставался верен своему изначальному намерению написать труд, доступный людям с самым разным уровнем образования; от них требовалось только одно – уметь читать по-арабски. Стремясь разъяснить Мишну простым людям, Рамбам написал книгу, которая могла служить жизненным ориентиром для всех арабоязычных евреев в эти трудные годы XII столетия; да и не только арабоязычных – ведь книга была переведена на иврит.

Каждый из шести разделов своего «Комментария» Маймонид начинает своеобразным трактатом, в котором речь идет не только о структуре данной части Устного Закона, но и об исторической подоплеке его возникновения, будь то события на горе Синай или окончательное завершение Мишны рабби Йегудой Га-Наси. Поскольку Маймонид не всегда соглашается со словами мудрецов Гемары и позднейших раввинистических комментаторов, он без колебаний игнорирует их или высказывает свою точку зрения – в чем, по его мысли, эти суждения ошибочны. При этом он старается не вдаваться в их сложнейшую аргументацию и обходить стороной те извилистые пути, по которым они пришли к своим заключениям. Если рассматривать шесть разделов «Комментария» в целом, эта книга открыла неведомые до того аспекты иудаизма. Совершить такую работу мог только человек, обладавший достаточно разносторонней интеллектуальной подготовкой и вместе с тем бывший единственным авторитетным ученым того времени. Даже если бы Маймонид не написал ничего, кроме своего первого большого труда, все равно существовала

бы известная поговорка, которую евреи повторяют по сей день: «От Моше (библейского Моисея) до Моше (Маймонида) не было равного Моше».

Примером такой разносторонности может служить рассуждение Рамбама о душе. Не только тело, пишет он, способно пребывать в состоянии болезни или здоровья, но и душа, которая может пойти ложными и порочными путями. Рамбам был убежден, что такого рода «отклонения» не присущи человеку изначально, – нет, человек приобретает их под влиянием внешних воздействий, и они укореняются в нем вследствие привычки. И если для излечения телесной болезни следует обратиться к врачу, то для врачевания больной души следует направить стопы к ученому или наставнику. Даже если в человеке развилась предрасположенность к какому-то пороку, он может преодолеть его, исполнившись решимости поступать вопреки ему.

Итак, человек стоит перед выбором – следовать путями порока или вести себя согласно моральным принципам. Однако, утверждает Маймонид, попытка установить слишком высокую моральную планку сама по себе является неумеренностью – это можно сказать о различных самоограничениях, которые человек накладывает на себя, моральной непреклонности и самонадеянной гордыне. Для Маймонида любая крайность является признаком духовного заболевания.

«Невоздержная страсть – одна крайность, полная нечувствительность к удовольствию – другая крайность, и обе они совершенно пагубны. Оба эти свойства души – одно избыточное (невоздержанность), а другое недостаточное (бесчувственность), – одного порядка.

Сходным образом, великодушие есть середина меж своекорыстием и мотовством; смелость – меж безрассудством и трусостью; достоинство – меж надменностью и грубостью; смирение – меж высокомерием и самоуничижением; удовлетворенность – меж алчностью и нерадивостью; щедрость – меж мелочностью и расточительностью; скромность – меж бесстыдством и робостью. Так же обстоит дело и с другими качествами... Поистине достойны похвалы те, кто находят середину; именно к ней должен стремиться человек, постоянно взвешивая свои поступки, с тем чтобы держаться середины»[43].

Здесь Маймонид упоминает греческий принцип «золотой середины», в частности, как средство избежать безнравственных поступков, с одной стороны, и аскетизма или лицемерия – с другой. Рамбам не раз возвратится к этой мысли в своих поздних работах: аскетический образ жизни ослабляет и разрушает тело, а ведь оно должно оставаться здоровым, если человек собирается осуществить высочайшую цель своей души – обрести мудрость и знание о Боге. Но так или иначе, это зависит от свободы выбора человека.

«Если бы человек не был свободен в своих действиях, то не было бы смысла ни в предписывающих, ни в запретительных заповедях Торы. Все было бы пустым и напрасным, ибо человек не выбирал бы, как ему поступить. И тогда непременно лишились бы смысла учение, воспитание, освоение искусств. Все было бы бесполезно, ибо человек не мог бы не поступить тем или иным образом, не обладать тем или иным знанием, не иметь тех или иных качеств. И тогда любые награды и наказания, что от Бога, что от человека, были бы вопиющей несправедливостью... И все это совершенная ложь и напраслина, и противоречит как разуму, так и опыту. Это подрывает основы веры и приписывает Господу несправедливость. Несомненная же истина в том, что все поступки человек совершает по своей воле: хочет – делает, хочет – не делает, и ничто его к этому не принуждает. И потому Господь твердо заповедует ему: «Смотри, предложил я тебе сегодня жизнь и добро, и смерть и зло... Избери же жизнь» (Втор. 30:15-19)»[44].

Оспаривая идею предопределения, Маймонид не преминул выразить свое неприятие любых концепций, которые утверждают, что на человеческое поведение влияют обстоятельства, выходящие за рамки его воли. Например, вера в астрологию, что в те времена была широко распространена даже среди евреев, в «Комментарии» осуждается самым жестким образом. В другом разделе этого труда Маймонид высмеивает обычай писать имя Всевышнего на амулетах, ибо это суеверие недостойно разумного человека.

Кроме того, Маймонид осуждает фантастические представления, что сложились о посмертном бытии человека. Олам га-ба, Грядущий мир, часто считался либо местом чувственных наслаждений, бесконечно изобилующим едой, питьем, одеждой и сокровищами; местом удовлетворения каждой прихоти, в том числе влечения к чувственной любви; местом воссоединения с семьей и друзьями, – либо всего перечисленного наряду с наказанием грешников, для которых воображение людей того времени отводило особое место, где те будут страдать. Маймонид насмехается над этими представлениями, называет их верованиями глупого и невежественного народа, не понимающего иносказаний, посредством которых мудрецы древних времен описывали Грядущий мир и приход Мессии. Рамбам учит, что подобные описания не следует воспринимать буквально. Они – лишь средство достучаться до умов наивных людей, чтобы

привлечь их к вере; так мы дарим сласти и игрушки детям, чтобы побудить их к учению, ибо они еще не достаточно взрослые, чтобы усваивать отвлеченные понятия или ценить науки за пользу, которую они приносят людям. Что же касается жизни в Грядущем мире, то Рамбам утверждает, что ее не следует понимать как награду или наказание; воскрешение тела, по его мнению, не было обещано всем. Рамбам не разделял изложенной в Мишне мысли, согласно которой «все евреи имеют удел в Грядущем мире»[45]. По мнению Рамбама, воскрешены будут только праведные; но он не уточняет, как именно произойдет их воскрешение. Для него это явление представляется скорее духовным, нежели физическим: бессмертные души наслаждаются созерцанием Бога, и ничто не может сравниться с этим блаженством. В сущности, он описывает Грядущий мир как интеллектуальное просветление, которое достигается благодаря возвышенному состоянию духовного приникновения к Господу. Человек не способен понять такую жизнь в Грядущем мире, пока не умрет – ведь он воспринимает благо как чувственное наслаждение. Что же касается наказания грешников, то Рамбам настаивает на том, что их души будут уничтожены, дабы им не досталось того, что получают праведники. И наказанием для них будет не мучение, а само «несуществование».

И Мессия, писал Маймонид, придет совсем не так, как принято думать. Он будет смертным, однако превзойдет всех людей мудростью, восстановит дом Давида, от которого ведет свое происхождение, а затем соберет евреев из изгнания и поможет им обрести независимость в Земле Израиля, благодаря чему те смогут усердно соблюдать законы Торы. Таким образом, согласно Рамбаму, представление о мессианском времени в конечном счете – представление политическое. Мир после прихода Мессии во многом не претерпит изменений, но в нем будет меньше страданий. Людям будет намного легче добывать все, что необходимо для жизни, у них появится больше возможностей заниматься изучением священных предметов. Когда придет время, Мессия умрет, как все люди, но оставит потомков, которые сохранят его наследие и продолжат род Давида. Согласно Рамбаму, приход Мессии не будет сопровождаться сверхъестественными явлениями, о которых так много говорилось на протяжении веков.

Было бы вполне естественно предположить, что Маймонид, который в фесе занял весьма либеральную позицию в отношении мнимого отступничества и притворного обращения в другую религию ради спасения жизни, придерживался не менее либеральных взглядов в отношении принципов, которыми должны руководствоваться верующие иудеи. Однако в «Комментарии» выражена обратная позиция. Более того, этот труд устанавливает столь жесткие стандарты иудаизма, что уже в то время они вызвали немало противоречивых оценок. Ни Библия, ни раввинистические писания никогда не указывали столь жестко, что отрицание этих принципов может лишить человека доли в Грядущем мире. Неожиданно для многих это положение было сформулировано как «Тринадцать принципов веры» тридцатилетним мудрецом, чей голос все чаще оказывался самым влиятельным в общине египетских евреев. Для Маймонида непринятие хотя бы одного из этих принципов означало непринятие иудаизма вообще. Вот эти Тринадцать принципов [46]:

- «1. Верую полной верой, что Творец, благословенно имя Его, – Создатель и Владыка всех творений, и что Он Один совершал, совершает и будет совершать все деяния.
2. Верую полной верой, что Творец, благословенно имя Его, Един, и что нет единства, подобного [единству] Его – ни в каком отношении, и что Он Один Бог наш – был, есть и будет.
3. Верую полной верой, что Творец, благословенно имя Его, бестелесен, и что Его не определяют свойства телесные, и что Ему нет вовсе никакого подобия.
4. Верую полной верой, что Творец, благословенно имя Его, – Он первый, и Он последний.
5. Верую полной верой, что одному только Творцу, благословенно имя Его, следует молиться, и что никому, кроме Него, не следует молиться.
6. Верую полной верой, что все слова пророков истинны.
7. Верую полной верой, что пророчество Моше, учителя нашего, да пребудет он в мире, было истинно, и что он был отцом всех пророков, которые предшествовали ему и последовали за ним.
8. Верую полной верой, что вся Тора, находящаяся ныне в руках наших, – это [Тора], данная учителю нашему Моше, да пребудет он в мире.
9. Верую полной верой, что Тора эта не будет заменена, и что не будет другой Торы от Творца, благословенно имя Его.
10. Верую полной верой, что Творец, благословенно имя Его, знает все деяния сынов человеческих и все помыслы их, как сказано: «[Он] Тот, Который создал все сердца их, постигающий все деяния их».
11. Верую полной верой, что Творец, благословенно имя Его, воздает

добром соблюдающим заповеди Его и карает преступающих заповеди Его.

12. Верую полной верой в пришествие Машиаха, и хотя он медлит, при всем том буду надеяться каждый день, что он придет.

13. Верую полной верой, что произойдет воскрешение мертвых, когда будет на то воля Творца, да благословится имя Его, и да превозносима будет память о Нем всегда и во веки веков»[47].

Тринадцатый принцип, похоже, противоречит утверждению самого Маймонида, который говорил о том, что воскрешение не следует понимать в понятиях физического тела. Однако слова о воскрешении звучат здесь довольно неоднозначно, и, может быть, это сделано намеренно. Именно в «Комментарии к Мишне» Маймонид впервые четко обозначил тему, которая впоследствии нередко будет повторяться в его трудах, книгах и многочисленных письмах: по его мнению, слова Торы и Талмуда не всегда следует понимать буквально. Многие из того, что содержится в священных писаниях, говорит Маймонид, – это иносказания, в которых скрыт более глубокий смысл, доступный пониманию только тех, кто располагает соответствующей подготовкой и чей ум готов к такой работе. Цель этого литературного приема, писал Маймонид, привлечь к Закону тех, кто не получил достаточного образования и чей рассудок еще не окреп для такой работы, ибо в противном случае их отпугнула бы глубина этих трудов. Однако наиболее важное объяснение состоит в том, что таким образом можно «заострить разум учащегося, чтобы то, о чем говорится в этих писаниях, оставалось тайной для людей, чей ум не готов принять истину во всей ее чистоте». Исходя из этого, Рамбам настаивал также, что идея о награде и наказании призвана служить наставлением для простого народа, ибо мудрые люди знают, что на самом деле добро нужно делать только ради него самого и что добродетель сама по себе есть достаточная награда. «Воздаяние за праведность – сама праведность, возмездие за порок – сам порок»[48].

Из вышесказанного ясно, что «Комментарий к Мишне» можно назвать «очень личным» трудом Маймонида, как, в сущности, и все прочие сочинения, вышедшие когда-либо из-под его пера. В заключение «Комментария» Рамбам поместил мысли о бедствиях, которые он претерпел за десять долгих лет работы над книгой. Он был вынужден скитаться, подчас ему приходилось читать и писать на мокрой палубе корабля. Он пишет: «Сердце мое сокрушалось от страданий тех лет, из-за судьбы странников, которую Господь послал нам, из-за непрекращающегося изгнания и скитаний из одного края мира в другой. Впрочем, возможно, то было милостью, поскольку изгнание искупает вину... Знает Господь, что одни главы я разъяснял в скитаниях, другие на корабле, третьи на постоянных дворах, в дороге, не имея под рукой нужных книг. Помимо того, мне приходилось изучать и науки».

В других заключительных фразах «Комментария» перед нами предстают две на первый взгляд несоместимые стороны личности тридцатилетнего мудреца. Во-первых, он скромно пишет о трудностях своей работы, словно бы для того, чтобы объяснить, почему ему понадобилось так много времени для завершения этого труда, и для того, чтобы возразить на возможный упрек тех читателей, которые могут счесть некоторые страницы этого труда противоречивыми. Он просит присылать ему критические замечания и даже защищает тех, кто это сделает, от негодования людей, которых это могло бы оскорбить: «Критика не есть несправедливость; она благословлена Небесами. Она дорога мне, ибо в основе ее лежит Божественное».

Однако еще один из заключительных абзацев написан совсем иным тоном. Этот молодой законоучитель, заявивший о своем намерении прояснить непростой для понимания еврейский Закон, дабы он стал ясен всем, кто захочет изучать его труд, теперь с высоты своего авторитета сообщает читателям, что они могут преуспеть в понимании данного труда, только если будут неоднократно и вдумчиво изучать его. Абзац, который мы приводим ниже, подразумевает, что автор этой книги обладает таким авторитетом, а его заключения столь неоспоримы, что читатель может не согласиться с ними только потому, что не до конца овладел смыслом данного труда или не оценил содержащихся в нем истин.

«Перечитывай мою книгу снова и снова, старательно размышляй о ней. И если твоя суетность заставит тебя верить, что ты понимаешь суть этой книги после одного прочтения, или даже после десяти, тогда, клянусь, ты безрассуден! Читай эту книгу вдумчиво, не торопись. Я писал ее не наобум, но после долгих исследований и размышлений».

Понять значение этих слов непросто. В них выражено такое уважение к собственной интеллектуальной работе, что многие современные читатели, быть может, сочтут их достойными порицания. Но если мы положим на одну чашу весов эти слова, а на другую – то, что знаем о характере их автора и обстоятельствах, в которых они были написаны, мы легко поймем причины такого «властного тона». Эти же причины объясняют и многие другие аспекты

«Комментария», которые на первый взгляд противоречат представлению о свободолюбивом, мягком, способном на глубокое сопереживание человеку, что складывается у нас о Маймониде, когда мы читаем другие его сочинения. Изгнание, обращение в другую веру под страхом смерти, убийство многих евреев и уничтожение целых общин – все это привело к тому, что в странах христианской Европы почти не осталось евреев. Жестокое правление Альмохадов в Испании и Северной Африке поставило под угрозу будущее евреев и в этих странах. Только в Египте можно было в известной степени наслаждаться подлинной свободой. Однако и здесь евреев подстерегала опасность, хоть и совсем другого рода. Несмотря на то, что еврейская община процветала, и евреи могли беспрепятственно исповедовать свою религию, именно свобода ослабила желание евреев соблюдать заповеди, пагубно отразилась на еврейской учености, сказалась на осмыслении Закона. Под угрозой оказалась не только духовная жизнь евреев – перед ними стояла уже не столь далекая угроза полной ассимиляции. Кроме того, в Египте была большая община караимов, которые пытались обратить в свою веру ортодоксальных евреев. Поскольку караимы обладали богатством и властью, многие египетские евреи не могли устоять перед ними. Таким образом, в Египте возникла реальная опасность полного исчезновения еврейства.

Маймонид пришел к выводу: дабы противостоять угрозе, нависшей над евреями, нужно создать своего рода духовную «круговую оборону». Это было не отвлеченное понятие, но дело первой необходимости, которое нужно было немедленно применить на практике. Евреям требовались сильные лидеры и четкие правила поведения, которыми они могли бы руководствоваться в повседневной жизни. В противном случае им грозила опасность быть стертými с лица земли. Поскольку эпоха, когда создавалась Мишна, и настрой этой книги были слишком далеки от современников Маймонида, нужно было создать новый текст, соответствующий духу времени; сложность Гемары требовала «проложить тропинку» сквозь ее заросли; а духовное оцепенение, в которое впали евреи во многих общинах, свидетельствовало о том, что пришла пора четко сформулировать единые правила поведения и принципы духовной мысли. «Комментарий к Мишне» отвечал всем этим требованиям. В нем излагается взгляд Маймонида на то, как должен вести себя еврейский народ, чтобы спастись от врагов, чтобы преодолеть собственное пренебрежение к соблюдению законов Торы и изучению священных текстов. Даже в малых отклонениях от этих рамок ему виделась причина тех бедствий, очевидцем которых он был во всех странах, куда забросила его судьба. По мнению Маймонида, здесь не может быть никаких уступок. И потому «Комментарий к Мишне» был призван не только вернуть народ на тот путь, идя по которому он мог бы спастись от исчезновения; посредством этой книги Рамбам заявлял во всеуслышание, что может возглавить еврейский народ, ибо его учение указывает этот путь. Но «Комментарий» не достиг этой цели. Сколь бы ни были велики достижения Маймонида, его призывы не удостоились признания. Вскоре после того, как книга вышла в свет, многие утверждения Маймонида были оспорены. Мнения несогласных можно слышать и по сей день. Нет ничего удивительного, что Тринадцать принципов иудаизма, из-за своего непреложного характера, вызвали у многих евреев сильное неприятие – особенно то положение, согласно которому Грядущий мир не обещан тому, кто нарушил бы хотя бы одно из этих тринадцати предписаний. В самом деле, представление о едином символе веры для всего еврейского народа многим казалось более близким христианству или исламу, чем иудаизму, для которого основой веры служит вся Тора. Многим читателям «Комментария» казалось слишком большой дерзостью уже то, что автор излагает в этом труде свои собственные взгляды и подчас оспаривает талмудические суждения, особенно если учесть, что автору тогда было тридцать лет и его слава никогда не выходила за пределы мест, где его знали лично. Тот факт, что автор ввел в свой труд некоторые замечания научного характера, а также непрестанно отсылал читателя к греческой философии, противоречил мнению тех, кто считал, что подобные материи должны быть отделены от религиозной мысли. Некоторых раздражало в «Комментарии» самобытное сочетание прогрессивной мысли и непреклонной веры. Успеху «Комментария» не способствовало и то, что он был написан по-арабски. Впрочем, здесь Маймонид ничего не мог поделать, если он хотел обратиться к простым людям, чье знание иврита было далеко от совершенства. Но хотя в то время было нелегко найти хорошего знатока иврита, почти каждый еврей мог читать тексты, написанные древнееврейскими буквами. Таким образом, еврейские авторы могли оградиться своего рода «языковой оградой», ибо мусульмане едва ли взяли бы на себя труд попытаться понять тексты, написанные незнакомым шрифтом. Кроме того, поскольку «Комментарий» был написан по-арабски, его могли прочитать только те евреи, что жили в арабских странах. Пока в 1202 году, спустя почти сорок лет после того, как эта книга вышла в свет, Шмуэль ибн Тибон[49] не перевел ее на иврит, она

была недоступна евреям, жившим в христианской Европе.

Но даже после выхода в свет перевода Тибона широкому признанию этой книги препятствовало и то, что Раши – мудрец из французского города Труа – примерно столетием ранее написал комментарий к Талмуду. Его труд был широко распространен и стал неотъемлемой частью печатных изданий Талмуда. Евреи Франции и Германии не выказывали особой охоты заменить труд своего великого соотечественника другим комментарием.

Вот почему маймонидовский «Комментарий к Мишне» не произвел того впечатления, на которое рассчитывал его автор. Хотя отдельные спорные места «Комментария» стали предметом горячего обсуждения в узких кругах, эта книга не вызвала большого шума. Казалось, она ничего не изменила в мире арабоязычных евреев и почти ничего не прибавила к репутации автора. Конечно, в ученых кругах его уважали теперь еще больше, но ученые и раньше высоко ценили его. И хотя к тому времени он был достаточно прославлен для того, чтобы евреи разных стран постоянно присылали ему письма, в которых интересовались его мнением по тем или иным религиозным вопросам, он все же не был настолько знаменит, чтобы, например, его упомянул в своих сочинениях Биньямин Тудельский, который посетил Каир в 1168 году и рассказал о встрече со всеми знаменитыми евреями города (вскоре после публикации «Комментария» Рамбам покинул Александрию и поселился в Фостате, пригороде египетской столицы. Именно там он написал свои величайшие труды).

Глава IV. Трагедия и кризис

Маймонид поселился в Фостате в 1168 году. Этот город, основанный на пять столетий раньше Каира, в прошлом был столицей Египта; Каир сменил его в этом качестве после того, как в 969 году Фатимиды захватили страну и положили начало своей династии. Во времена Маймонида Фостат все еще был преуспевающим торговым и финансовым центром; кроме того, он славился ремеслами, особенно стекольным и керамическим. Еврейская община Фостата процветала, евреи жили в мире и дружбе со своими мусульманскими соседями и, как правило, принадлежали к той группе, которую сегодня мы назвали бы средним классом. По традиции, именно в Фостате располагалась резиденция нагида, и отсюда еврейская община Египта получала предписания, касающиеся различных религиозных и административных вопросов.

Богатые горожане Фостата, как правило, жили в пригородах, удаленных от торговых и ремесленных кварталов. Сам же город в течение многих веков рос хаотично, без всякой планировки. Торговые кварталы переходили в жилые, их обитатели принадлежали к самым разным социально-экономическим слоям. Нередко жилые дома соседствовали с лавками, мастерскими и рынками. Поэтому довольно часто рынки и кварталы бедноты, полные жалких полуразвалившихся хибар, примыкали к великолепным дворцам, где наслаждались роскошью состоятельные семьи. Хотя евреи могли свободно селиться среди мусульман, они, как правило, строили свои дома неподалеку от синагог, и потому в нескольких кварталах города преобладало еврейское население.

Жизнь евреев во многом была схожа с жизнью их мусульманских соседей – и те и другие носили похожую одежду, покупали те же товары в тех же лавках. За исключением продуктов, запрещенных религией каждой из общин, евреи потребляли ту же пищу, что и их нееврейские соседи. Единственное, что отличало еврейских мужчин, носивших такие же тюрбаны и свободные рубахи, как и арабы, – это длинное одеяние с кистями (талит), надетое поверх рубахи. На первый взгляд общество Фостата было однородно. Но от пытливого взгляда не укрылось бы, что, как и в Кордове, в Фостате евреи считались людьми второго сорта, даже в обстановке терпимости, царившей в этом городе в годы его расцвета.

Еще в Александрии Маймонид установил связь с еврейской общиной Фостата. Он переписывался с местными евреями, и те заранее подобрали ему и его домочадцам подходящий дом. Торговля драгоценными камнями шла в гору, и семья Маймонида поселилась в просторном и удобном доме возле местной синагоги, в числе прихожан которой было несколько известных знатоков Торы. В целом атмосфера Фостата способствовала завершению труда над «Комментарием к Мишне».

Однако незадолго до того, как Маймонид окончил эту книгу, жизнь в мирном Фостате резко переменилась. Потерпев поражение в битве 1160 года, Фатимиды обязались выплачивать дань христианскому королю Иерусалима, но Аль-Адид так и не исполнил этого обещания. В октябре 1168 года христианское войско под предводительством Амори I вторглось в Египет и, не столкнувшись со сколько-нибудь серьезным сопротивлением, двинулось с севера к Каиру, грабя города на своем пути и убивая мирных жителей. Столица была так хорошо укреплена, что могла долго выдерживать осаду, однако Фостат был практически беззащитен, и Амори решил захватить его. Визирь Аль-Адида приказал жителям города взять с собой все, что возможно, и немедленно перебраться в Каир,

после чего отправил в Фостат двадцать тысяч бутылей нефти, а также рабов, которым приказал сжечь весь город.

Пламя яростно набросилось на ветхие хижины, разбросанные по всему городу, и жадно поглотило город. С 22 ноября 1168 года до середины января следующего года огонь не угасал, то и дело вспыхивая в руинах с новой силой. Однако расстроить планы Амори было не так просто. Христианский король осадил Каир, и Аль-Адиду оставалось только отправить гонцов к Нур Ад-Дину, сирийскому султану, с мольбами о помощи. Как сообщают хроники того времени, посланник вез с собой в Дамаск волосы жен Аль-Адида, чтобы напомнить Нур Ад-Дину, какая участь ожидает мусульманских женщин в том случае, если они попадут в руки мародеров и грабителей из войска христианского короля. Нур Ад-Дин послал армию под командованием своего визиря Ширку, и, испугавшись его войска, Амори спешно отступил.

Как и следовало ожидать, египетский визирь Шавар был крайне недоволен тем, что молодой военачальник Салах Ад-Дин, племянник Нур Ад-Дина, получил большие полномочия. Вскоре Шавар начал плести интриги, чтобы восстановить свою власть в стране. Когда до Салах Ад-Дина дошли слухи об этом, он потребовал принять самые жесткие меры и казнить Шавара. Чтобы унять гнев Салах Ад-Дина, безвольный халиф приказал обезглавить своего визиря и поставить на его место Ширку, и в знак примирения со спасителями своей столицы подарил новому визирю голову врага. Ширку правил недолго – он неожиданно умер в марте 1169 года. Взяв бразды правления в свои руки, Салах Ад-Дин стал визирем, постепенно укрепляя свою власть и восстанавливая ритуалы суннитского большинства, долго находившегося в этой стране под господством шиитов фатимидов. Благодаря этой политике он заручился поддержкой угнетенной суннитской общины, чему немало способствовало то, что и сам Салах Ад-Дин исповедовал суннизм. К 1171 году он без больших усилий низложил неудачливого Аль-Адида – переворот прошел без потрясений, потому что Аль-Адид в том же году скончался от болезни. С восшествием на престол Салах Ад-Дина перед Египтом открылись новые славные пути.

Одной из первых задач, за которые взялся Салах Ад-Дин, было восстановление Фостата. Как нередко происходит, когда город отстраивают заново, в Фостате начался экономический бум. Полагаясь на помощь вельмож любимого народом Салах Ад-Дина, жители вернулись в город и построили в нем новые жилые и торговые кварталы. Вскоре жизнь в Фостате забила ключом. Это время как нельзя более подходило для новых начинаний, в которых Маймонид мог принять деятельное участие.

Вскоре после переезда в Фостат Маймонид оказался активно вовлеченным в религиозную жизнь еврейских общин Фостата и Каира (расстояние между этими городами не превышало двух миль, а в наши дни Фостат и вовсе входит в черту египетской столицы). Обе общины вместе насчитывали около семи тысяч семей. Маймонид был особенно озабочен тем, что обычаи семей, ведущих происхождение от вавилонских евреев, существенно отличались от обычаев евреев из Святой Земли. Самые значительные расхождения касались порядка молитвенной службы и длительности цикла чтения Торы: в одном случае Тору читали год, а в другом – три года. Маймонид попытался разрешить этот вопрос, но столкнулся с решительным противодействием. Разногласия между двумя этими общинами были настолько серьезны, что их представители молились в разных синагогах. Впрочем, едва ли стоит удивляться, что усилия Маймонида не увенчались успехом – ведь мы помним, какая долгая история стояла за этими спорами. Кроме того, Маймонид был крайне озабочен тяжелым положением многочисленных евреев, плененных и проданных в рабство во время недавних войн – поначалу крестоносцами, а затем войсками христианского Иерусалимского Королевства и даже некоторыми полководцами мусульманских стран. Были и евреи (их было не так много), которых захватили в открытом море пираты или военные корабли различных государств. Их держали в плену на положении рабов или удерживали для выкупа. В освобождении пленных евреев Маймонид добился большого успеха, нежели в тщетных попытках объединить свой разобщенный народ. Заседая в различных комитетах и рассылая письма в еврейские общины арабских и христианских стран, Маймонид собрал достаточно средств, чтобы выкупить многих пленников.

Благодаря этой деятельности Маймонид стал знаменит и снискал всеобщее уважение в еврейской среде. Вполне вероятно, что ему удалось добиться таких успехов в сборе средств именно потому, что он был уже достаточно известен своей ученостью и мудростью. Так или иначе, усилия, которые он прилагал ради освобождения своих единоверцев, повысили его авторитет не только среди евреев, но также среди арабов и христиан. Об этом очень живо повествует один дошедший до нас документ того времени – брачное свидетельство, датированное 1171 годом. В нем под подписью Маймонида сказано: «По позволению господина нашего Моше, великого раввина Израиля». Титул «великого раввина», похоже, был просто почетным званием, потому что до нас

не дошло никаких свидетельств о том, что Рамбам официально занимал должность раввина. Кроме того, в мусульманских документах того времени он упоминается как раисаль-ягуд – глава евреев. В тот же период значительно возросло число респонсов, в которых Маймонид отвечает на вопросы как близлежащих, так и далеких еврейских общин.

Приблизительно в это время Рамбам получил письмо от главы одной из древнейших еврейских общин мира – йеменской (более древней является лишь иерусалимская община). Йеменские евреи просили у Маймонида совета: как им быть, когда над их общиной нависла угроза уничтожения. Само то, что евреи Йемена обратились именно к Рамбаму, свидетельствует о его признании во всех уголках арабского мира. Знаменитый ответ Рамбама йеменским евреям еще шире разнес славу о нем.

В те времена многие евреи обращались в другие религии, и не только по принуждению. В Йемене, как и в других еврейских общинах мира, уровень религиозного образования был невысок, и отступничество уже давно угрожало единству общины. Среди малообразованных евреев Йемена было широко распространено убеждение, что новая религия, которую Мухаммед принес в мир, призвана заменить их собственную и что этому не следует сопротивляться. Когда в Йемене начались религиозные преследования евреев, количество обращенных в ислам резко возросло. Положение еще усугубилось по вине нескольких евреев-отступников, которые стали проповедовать ислам. Цитируя Библию, приводя в подтверждение своих слов предсказания, основанные на астрологии и нумерологических манипуляциях над многозначными словами Писания, они пытались убедить свою быстро растущую аудиторию в том, что победа ислама была предсказана и является неизбежной.

И, словно всего этого было недостаточно, в еврейской среде Йемена объявился молодой человек, провозгласивший себя пророком и предвещавший пришествие Мессии. Он похвалялся тем, что умеет воскрешать мертвых, и обещал воскрешать людей впредь. Еврейские семьи, по его словам, должны раздать все свои деньги и имущество бедным. Готовя евреев к Избавлению, которое, по его словам, вот-вот должно прийти, он выступал перед толпами своих сторонников, число которых росло день ото дня. Как это уже не однажды случалось в долгой истории еврейского народа, община страдала от суровых взысканий местных правителей за то, что в ее среде объявился человек, называвший себя Мессией или его предтечей. В тех и без того тяжелых обстоятельствах главы общины наблюдали за самозванным «пророком» с растущей тревогой, и все же не решались вмешаться, потому что многие члены общины, и даже некоторые ее главы, верили его предсказаниям.

Положение стремительно ухудшалось, и главы йеменских евреев понимали, что нужно срочно предпринять решительные шаги. Тогда же Йемен посетил купец Шломо Га-Коген, пламенный приверженец Маймонида. Он побудил нагида йеменской общины Якова аль-Фауми написать в Фостат письмо с просьбой о совете, тем более что и сам Аль-Фауми колебался, как же следует поступить – он не только верил в астрологию, но был убежден, что этот молодой человек, заблуждается ли он или нет, искренен в своих предвещаниях.

Ответ на это письмо известен как ИгеретТейман («Послание в Йемен»), а также Петахтика («Врата надежды»). Ответ Маймонида читали во всему Йемену.

Позднее это письмо получило широкое распространение во всех еврейских общинах мусульманского мира, а будучи переведено на иврит, и во многих христианских странах. Хотя послание было обращено к йеменским евреям, оно стало вестником надежды для евреев во всех странах, где они страдали от гнета и преследований. Во многих отношениях это послание можно рассматривать как клятву верности иудаизму. В «Послании в Йемен» Рамбам излагает свою точку зрения на смысл страданий еврейского народа.

Он убеждает евреев Йемена, что и впредь еврейский народ выстоит перед любой попыткой уничтожить его, как было и в прошлом. Ни жестокость могущественных властителей, ни льстивые речи новых религий о том, что они пришли на смену иудаизму, не превозмогут прочности Завета Господня. Рамбам упоминает многих тиранов, которым не удалось отвратить еврейский народ от его веры.

«Все три разновидности преследователей [нашей веры] – насильники, опровергатели и подражатели – все погибнут. Они возвысились над нами и поработили нас лишь до времени.

Сыны Израиля, рассеянные по всей земле, должны поддерживать друг друга: сильные – слабых, ученые – простолюдинов, дабы объединить народ вокруг Торы и не дать ему оступиться. А также [напоминайте народу, что нужно] помнить Синайское откровение, которое заповедал нам Святой, благословен Он, помнить его всегда. Святой, благословен Он, предостерег нас от забвения его и повелел поведать о нем сыновьям нашим, дабы те непрестанно изучали его. И подобает вам, братья, воспитывать сыновей своих, [ставя во главу угла] Синайское откровение. Повествуя в общине своей о его величии и великолепии. Ибо Синайское откровение – это столп, на который опирается

наша вера, это доказательство ее истинности. <...> И знайте, братья, об этом завете [с Богом] и об этой вере. О великом деянии [ее откровения] лучший из всех свидетелей (Моше рабейну. –Прим. пер)свидетельствовал, что подобного не было прежде и не будет потом: чтобы целый народ слышал слова Святого, благословен Он, и видел славу Его лицом к лицу. Это [великое откровение] было дано нам для того, чтобы вера наша была крепка, <...> и твердо ступали ноги наши, и не споткнулась стопа наша во времена жестоких преследований и гонений»[50].

Маймонид высмеивает утверждения мусульман и христиан, будто их религии пришли на смену иудаизму. Усмешку у него вызывает и убеждение Аль-Фаюми, что астрологи могут предвещать события. Он говорит, что сама астрономическая наука опровергла это убеждение:

«Однако же обнаруженное тобой влечение к исчислению [времени пришествия Мессии] по звездам и их скоплениям в прошлом и будущем – все это изгони из сердца и сознания, и очисти разум свой, как отмывают от нечистот загрязненные одежды... И не придавайте значения тому, что говорят – "большое скопление" или "малое скопление" [светил]»[51].

Здесь Маймонид вновь утверждает истинность представления о человеческой свободе выбора, которая не зависит от расположения небесных светил. Он высмеивает также тех, кто изыскивает скрытые провозвестия в тексте Писания, и без колебаний заявляет, что этот «посланник Мессии» если не мошенник, то безумец и во всяком случае должен быть разоблачен. Нужно запереть его под замок, советует Маймонид, а мусульманам рассказать о том, что он душевнобольной. «И этим можно спасти общину от гонений и восстановить в ней мир и спокойствие». Маймонид напоминает Аль-Фаюми, сколько гонений в прошлом навлекло на евреев появление в их среде лжемессий, ибо властители видели в этом угрозу для себя и противостояли ей с жесткостью.

Маймонид высмеивает также предсказания «пророка» о близком и неминуемом пришествии Мессии, подчеркивая, что «ни одному человеку не дано познать истинный срок конца дней – во веки веков». Но возможно, эти слова казались не совсем убедительными и самому Маймониду. Противоречия на первый взгляд самому себе, он рассказывает о предании, которое передавалось из поколения в поколение в его семье. Согласно этому преданию, дар пророчества вернется к народу Израиля в 4976 (1216) году, и это будет знак, что близится пришествие Мессии. Это противоречие сложно объяснить, но, по-видимому, Маймонид относил 4976 год к далекому будущему, и его слова были призваны просто свести на нет бредни йеменского «пророка». Кроме того, этими словами Маймонид хотел внушить йеменским евреям веру в то, что день Избавления когда-нибудь наступит и что это событие не за горами – оно произойдет если не на веку тех, кто оправил ему письмо, то, несомненно, на веку их детей. Вполне возможно, что в семье Маймонида на самом деле существовало такое предание и что он сам верил в него. Но чем бы ни руководствовался Маймонид, написав эти слова, он понимал, что они так нужны йеменским евреям в столь трудное время. К тому же он знал на основе собственного жизненного опыта, что отчаянное положение требует отчаянных мер, и если для разрешения проблемы требуется прибегнуть к хитрости, то нужно пойти на это.

В заключение Маймонид обратился к Аль-Фаюми с просьбой снять с послания копии и разослать их по всем еврейским общинам Йемена, «чтобы укрепить их веру и сделать твердой их поступь, дабы они не споткнулись». Маймонид пишет: «Читай его как публично, так и в одиночку, дабы стал ты заступником многих, [удержав их от греха]». Однако он предупреждает, что содержание письма следует держать в тайне от мусульман, чтобы оно не повлекло за собой возмездия.

Итак, Маймонид дал наставления; его совету вняли, и люди воспрянули духом. Воодушевленные верой в то, что древний завет между Израилем и Господом нужно свято хранить, йеменские евреи смогли превозмочь страх и преодолеть многие трудности. Укрепленные в своей вере, они были готовы терпеливо ждать, когда придет Избавление, обещанное Маймонидом, а их гонители исчезнут без следа.

И это в самом деле случилось. В 1174 году, всего лишь через год после описанных событий, Туран-шах, брат Салах Ад-Дина, ввел войска в Йемен и взял в свои руки бразды правления этой страной. Он освободил евреев от гонений и предоставил им такую же религиозную свободу, какой наслаждались евреи Египта. Рамбама стали почитать во всем Йемене. В знак благодарности в молитве кадиш после слов: «Да установит Он царскую власть Свою... при жизни вашей в дни ваши и при жизни всего дома Израиля» было добавлено имя Рамбама: «...и при жизни нашего учителя Моше, сына Маймона». Авторитет Рамбама возрос еще больше, когда слух о благодеянии, которое он оказал йеменским евреям, дошел до еврейских общин всего мира. Теперь на него смотрели не только как на утешителя несчастных, но и как на мудреца, который в своем послании смог рассказать об основных принципах иудаизма

таким образом, что каждый человек, слышавший эти слова, от простолюдина до ученого, испытывал духовный подъем. Рамбам стал авторитетом, к которому обращались теперь за наставлениями евреи разных стран.

Что же касается лжепророка, то через несколько месяцев после публичного чтения послания Петах тиква он был арестован и в цепях препровожден к шиитскому правителю Йемена, который потребовал предоставить ему доказательства того, что он в самом деле послан Богом. Душевнобольной юноша попросил отрубить себе голову, уверяя, что она тотчас же вернется на свое место. Правитель исполнил его просьбу, и на этом закончилась история «посланника Мессии».

Какими окольными дорогами ни шла бы жизнь Моше бен Маймона и какими бедами ни полнилась бы она, ее путь был определен им самим – он стремился вести жизнь ученого, писать книги, возглавлять и наставлять евреев мира. Земные заботы о пропитании никогда не занимали его слишком сильно, даже в последнее время, когда семейное дело Маймонидов – торговля драгоценными камнями – начало процветать. Давид заботился о том, чтобы мирские заботы не тревожили старшего брата и не сбивали его ученый ум с избранного пути. И хотя тревожения и печали этого мира то и дело вторгались в жизнь семьи, Моше встречал их так же, как трудности, с которыми он сталкивался в учении, – вооруженный логикой и верой.

Ни Моше, ни Давид никогда не подвергали сомнению заключенный между ними договор, потому что он естественным образом вытекал из их отношений. Давид, будучи на девять лет моложе Моше, был не только дорог сердцу Моше как младший брат – он был и его учеником. Те глубокие познания в еврейском Законе и обычаях, которыми обладал Давид, он усвоил от своего любящего учителя, Моше. Братья были источником радости и поддержки друг для друга во время самых тяжких испытаний, которые выпали на долю их семьи после того, как она покинула Кордову.

Торговля Маймонидов ширилась, и Давиду приходилось все чаще отправляться в деловые путешествия. Поначалу он странствовал с торговыми караванами по дорогам Северной Африки и Египта, затем ему пришлось совершать морские плавания, длительность которых зависела от разных обстоятельств. Едва ли это было по сердцу его близким. Они тревожились о нем из-за опасностей, которым он постоянно подвергал свою жизнь. На суше ему грозили племена, живущие в пустыне, – они грабили караваны и убивали путников. Путешествия же по морю представляли еще большую угрозу, поскольку кроме пиратов следовало страшиться кораблекрушения. Когда Давид уезжал, Моше молился о том, чтобы его поездка окончилась благополучно, и усердствовал в просьбах Небесам до тех пор, пока не лицезрел возлюбленного брата вновь. Каждый раз, когда Давид отправлялся в очередное плавание, Моше писал письма, содержавшие, как правило, молитвы о счастливом возвращении, и отправлял их туда, где брату предстояло сесть на корабль.

До нас дошла копия, по крайней мере, одного из таких посланий, адресованных Давиду. В 1174 году Давид готовился к особенно выгодному предприятию – поездке в Индию. Он собирался продать там драгоценные камни, и эта сделка обещала принести немалый доход как семье Маймонидов, так и другим людям, которые доверили свои драгоценности отважному купцу. Вот фрагмент этого письма:

«Только Господь знает, как я страдаю, и какая тяжесть лежит у меня на сердце,

В разлуке с моим возлюбленным братом и другом.

Да хранит его Господь от всякого вреда, и да воссоединимся мы с ним в Египте, если будет на то воля Господа!»

Но этим надеждам не суждено было сбыться. Корабль пошел на дно в Индийском океане, и все, кто был на нем, погибли. Вместе с Давидом семья Маймонида потеряла почти все драгоценные камни – у них осталось лишь несколько камней, которые Давид не взял с собой в странствие. И после того достатка, которым впервые со времен жизни в Кордове наслаждалась семья Маймонида, она снова оказалась в крайней бедности.

Моше еще не оправился от смерти отца, и потеря Давида стала для него непоправимым несчастьем. Ни вера, ни философия не могли принести ему утешения; он с каждым днем все больше погружался в столь глубокую тоску, что у него не оставалось сил ни на что. Спустя несколько лет он описал свое горе в письме к Йефету бен Элиагу, даяну из Акко, с которым подружился во время недолгого пребывания семьи рабби Маймона в Святой Земле. Вот что писал Рамбам:

«В Египте... на мою долю выпал страшный удар, причинивший мне намного больше горя, чем все пережитое за эти годы, а именно, смерть самого прекрасного и праведного человека в мире. Он утонул, пересекая Индийский океан, и с ним было потеряно целое состояние, принадлежащее мне, ему и другим. На мое попечение он оставил вдову и маленькую дочку.

Целый год после того дня, когда я получил это печальное известие, я покоился на ложе своем, страдая от жара и отчаяния. С тех пор прошло восемь лет, но я все еще скорблю, и ничто не может меня утешить. Да и что могло бы меня утешить? Он вырос на моих руках, был моим братом, моим учеником. Он занимался торговлей и зарабатывал деньги, благодаря чему я мог оставаться дома и посвящать все свое время ученым занятиям. Он знал Талмуд и Библию и был превосходным грамматистом. Моей единственной радостью было видеть его. Теперь моя радость обратилась в горе. Он ушел в вечную обитель и оставил меня сломленным в чужой земле. Стоит мне только увидеть то, что написано его рукой, или одну из принадлежавших ему книг, и мое сердце слабеет, а горе вновь пробуждается. Говоря кратко, «горюя сойду к сыну моему в преисподнюю» [52]. И если бы изучение Торы не услаждало меня, и изучение философии не отвращало меня от горя, я не смог бы выстоять в моем бедствии».

Когда было написано это письмо, со смерти Давида прошло уже довольно много времени, и Моше вновь смог погрузиться в изучение Торы и философских трудов. Но для того чтобы полностью оправиться от удара, Рамбаму понадобилось немало лет. И по крайней мере, в течение года, последовавшего за смертью брата, он не мог найти утешения в ученых занятиях и написании книг. Рамбам был безутешен, он не хотел ни видеть, ни слышать ничего, что творилось вокруг. Как нередко бывает с людьми, пережившими тяжкое потрясение, он заболел и слег. В этом состоянии он пребывал около года, страдая не только от горя, но также от лихорадки и сердечной болезни – правда, мы не можем знать наверняка, чем были вызваны эти недуги. Маймонид упоминает и сыпь, но нельзя быть уверенными, что она имела психосоматический характер.

Много позже, когда Маймонид уже имел многолетний опыт врачевания, он написал медицинский трактат, в котором описал депрессию. Читатель может легко догадаться, что автор рассказывает о состоянии, которое когда-то довелось пережить ему самому.

«Когда человек могучего сложения, со звучным голосом и румяным лицом, слышит неожиданную весть, которая очень огорчает его, то можно видеть, что лицо его бледнеет, румянец исчезает, спина горбится, голос колеблется, а когда он пытается говорить громче, он не может, ибо его сила ослабла. Более того, его охватывает дрожь, пульс замедляется, глаза закатываются. Веки его наливаются такой тяжестью, что он не в силах поднять их, кожа становится холодной, а аппетит пропадает».

Когда самое тяжелое время стало потихоньку отходить в прошлое, Рамбам смог осмотреться, увидеть реальное положение дел и подумать о том, как можно найти выход из положения, в котором оказалась его семья. Несколько драгоценных камней, оставленных Давидом, были уже проданы, денег оставалось совсем немного. Маймониду было тридцать шесть лет, у него не было никаких средств к существованию, на нем лежала ответственность за вдову Давида, ее сестру и маленькую дочь, а кроме того, его собственную сестру, вольноотпущенника и нескольких слуг. У нас нет достоверных сведений об этом, но, по-видимому, либо до этих событий, либо вскоре после них Маймонид женился. Как он мог зарабатывать на жизнь себе и всем своим домочадцам? Мысль о том, чтобы брать деньги за преподавание Торы, была для него невыносима. Об этом убеждении он не раз писал в своих трудах. Он не мог отказаться от него даже в таких тяжелых обстоятельствах. Но он имел и разностороннее светское образование, был сведущ в философии и иных науках. В сущности, философия была столь же дорога ему, сколь и еврейский Закон. И теперь Рамбам мог прибегнуть к ней, чтобы решить денежные затруднения – например, занимаясь преподавательской деятельностью. Однако доход, на который он мог рассчитывать как учитель, ни в коей мере не был способен удовлетворить нужды большой семьи Рамбама. Поэтому он решил стать врачом. С раннего детства Моше влекло к книгам по медицине, стоявшим на полках в библиотеке рабби Маймона. Мальчика интересовало, как протекает та или иная болезнь, как организм противопоставит недугу. Рамбам был хорошо знаком с трудами греческих основоположников медицинской науки – Гиппократ и Галена; ему были известны и труды их последователей – Аретей, Сорана, Павла Эвгинского и Орибаза. Он разбирался в лечебных травах, занесенных в обширный травник, который составил врач и ботаник Диоскорид в первом веке н.э. И конечно же он был так хорошо знаком с биологическими теориями Аристотеля, как если бы сам ставил описанные тем опыты и проводил наблюдения.

Крайне важно добавить, что Рамбам, будучи подлинным ученым, изучал также трактаты, написанные ведущими врачами того времени. Среди них был раввин и врач, живший в X веке, рабби Ицхак Исраэли (865-955), а также трое врачей-мусульман: Альбукасис (Абу аль-Касима аз-Заграви, 1050-1122), Авензоар (Абу Марван ибн Зу'р, ум. 1162) и, возможно, старый друг Рамбама

Аверроэс (Абу аль-Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд, 1126-1198). Все они родились или в самой Кордове, или неподалеку от нее. Но самые знаменитые мусульманские врачи были уроженцами Персии. Рамбам, разумеется, прилежно изучил написанные ими многочисленные труды по клинической медицине. Этих врачей звали Разес (Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази, 865-925), Гали-Аббас (Али ибн Аббас, ум. 982), и Авиценна (Абу Али Хусайн ибн Абдаллах ибн Сина, 980-1037) [53]. Первые двое из них жили за два столетия до Маймонида, третий умер за сто лет до его рождения, но их теории и практические рекомендации по-прежнему находили широкое применение не только в мусульманском мире, но и в христианских странах. В это время в Европе не было крупных ученых-медиков, и монархи практически всех христианских стран нанимали в качестве личных врачей арабов или евреев, даже если в их странах не было мусульман, а евреи подвергались жестокому гонениям.

Наверное, именно тогда Маймонид понял, что его знания медицины, пусть даже приобретенные не в практических занятиях, но из книг и многолетних дискуссий с друзьями-врачами, во многих отношениях превосходили то, чем могли похвастать люди, величавшие себя врачами. Кроме того, он, несомненно, знал, каких щедрых вознаграждений удостоиваются врачи, лечащие вельмож и богатых купцов. Нередко они накапливали огромные состояния, которые в наше время исчислялись бы десятками миллионов долларов. Маймонид уже приобрел известность и в еврейской, и в мусульманской общине Египта. Кроме того, к этому времени он принял должность ав бейт-дин, главного судьи раввинского суда Египта. Теперь ему предстояло извлечь практическую выгоду из своего высокого положения. Несомненно, обладая обширными знаниями, пользуясь своей репутацией ученого и обладая связями со своими коллегами, ведущими мусульманскими врачами, он мог стать врачом придворных халифа и удостоиться всех привилегий, которые вытекали из подобного назначения.

На протяжении нескольких предыдущих столетий арабская и персидская культуры заметно выдвинулись вперед. В каждой области человеческого знания исламские мыслители и ученые стали подлинными наследниками греческой науки, используя и приумножая ее достижения. Более того, они усваивали все доступные тогда научные знания, принадлежавшие египетской, греческой, еврейской и индийской культурам. Блестящие ученые-мусульмане внесли значительный вклад в литературу, философию и математику, нередко пользуясь покровительством двора и богатейших меценатов того времени. На этой интеллектуальной почве вырастали библиотеки, обсерватории, школы и больницы. Науки и искусства процветали в течение довольно долгого периода, начавшегося после арабских завоеваний.

Но наибольший расцвет в эту эпоху переживала наука. Мусульманские правители проявляли живейший интерес к исследованиям в таких областях, как астрономия и физика, а также медицина. Ведущие медики той эпохи могли рассчитывать на почет и признание. Любопытно, однако, что в исламский период в медицинской науке редко удавалось достичь подлинного прогресса. Пыл тогдашних ученых проявлялся главным образом в изучении психологии и методов врачевания, описанных греческими учеными. Научные медицинские труды, написанные в исламском мире, большей частью представляли собой пересказ сочинений классиков, и если какие-то знания и прибавлялись к ним, то в очень скромном объеме. Но и такой подход к развитию медицинской науки был крайне важен, потому что благодаря ему в трудах арабских медиков сохранялись знания, накопленные греческой наукой. В противном случае эти знания, скорее всего, были бы потеряны для нас. Благодаря мусульманской культуре значение этих трудов признавалось на протяжении тех столетий, которые вошли в историю христианской Европы под названием Темных веков.

Итак, Маймонид обратился к медицинской практике в 1175 году, в период, когда арабские врачи пользовались огромным влиянием. Он принес в арабскую медицину свои знания, накопленные за долгие годы учения, свою феноменальную память, познания в философии и прочих науках и рациональный подход к действительности, которому они научили его, а также мудрость и сочувствие к Божьим творениям, что были усвоены им из еврейского наследия. Но он не знал, что в будущем его имя встанет в один ряд с Авиценной, Разесом и Аверроэсом.

Глава V. Мишне Тора

Маймонид стал придворным врачом во время великих перемен в Египте. Положив конец династии Фатимидов в 1171 году и восстановив суннизм, Салах Ад-Дин превратился в безраздельного правителя страны и, хотя формально считался подданным Нур Ад-Дина вплоть до смерти последнего в 1174 году, присвоил себе титул султана.

Восстановление суннитского господства имело для Салах Ад-Дина не только политическое значение. Оно вытекало из его религиозных убеждений, которыми можно объяснить и многие другие решения, принятые им в те два десятилетия,

когда он был наиболее влиятельным лидером арабского мира. Салах Ад-Дин происходил из знатной курдской семьи, которая перебралась в Сирию примерно ко времени его рождения в 1137 году, – он был почти ровесник Маймонида. В молодости Салах Ад-Дин больше интересовался изучением ислама, нежели государственными делами. Даже участвуя в военных походах под началом своего дяди, он придавал особую важность распространению религии и развитию ее институтов, как, например, мечетей и духовных семинарий. И позже, когда под его властью оказались многие страны, он поощрял развитие религии. По его мысли, религия могла вдохнуть жизнь в подвластные ему народы и вернуть им ту кипучую энергию, которой были отмечены первые века стремительных исламских завоеваний.

Для достижения этой цели Салах Ад-Дин использовал исламское понятие «джихад». Джихад – это борьба за распространение принципов и господства ислама, которую должен вести каждый правоверный мусульманин, либо настойчиво стараясь убедить других людей в неоспоримой правоте своей религии, либо с оружием в руках сражаясь с врагами истинной веры. И хотя властители испокон веков использовали этот долг каждого мусульманина для того, чтобы оправдать войны, которые на самом деле велись в политических целях, но все же и в таких случаях религиозная составляющая была немаловажным, пусть и второстепенным фактором.

Для Салах Ад-Дина понятие «джихад» означало распространение веры всеми возможными средствами, что предполагало и личное духовное совершенствование, и поощрение образования, и создание религиозных институтов, и ведение священной войны. Однако в войнах Салах Ад-Дин следовал, насколько это было возможно, принципам, которые часто провозглашались в то время представителями трех основных религий, но очень редко исполнялись: избегать ненужных жертв среди мирного населения и сводить на минимум неизбежные грабежи, которым армия победителей подвергала завоеванные города и селения. Салах Ад-Дин запечатлелся в истории как властитель, который неукоснительно следовал этим принципам, и его славили даже покоренные им народы.

Различные мусульманские властители обходились с покоренными народами, которые отказывались принять ислам, по-разному. К христианам и иудеям сохранялось особое отношение, поскольку ислам отчасти разделял их верования. И все же мусульмане рассматривали их как неверных и пытались обратить в свою религию. По воле властей – и в этом правители из династии Альмохадов и Салах Ад-Дин являли собой две крайности – тех, кто отказывался принять «истинную веру», могли либо лишить жизни, либо обложить особой податью и принудить к признанию исламского сюзеренитета.

Салах Ад-Дин вознамерился обособить свои владения от Сирии и захватить власть в Египте. Удобный для этого случай представился ему в 1174 году, когда умер Нур Ад-Дин. После его смерти султаном был провозглашен его одиннадцатилетний сын, от имени которого правил регент, не обладающий большой силой. Вскоре после восшествия на престол юного султана в его владениях начались беспорядки, и несколько государств, подвластных Сирии, воспользовались анархией, чтобы объявить о своей независимости. В то же самое время эмир Халеба (Алеппо) похитил подростка-султана. Франкский король Иерусалима Амори I увидел здесь благоприятную возможность для вторжения в Сирию, а затем в Египет. Однако Амори внезапно умер, оставив больного проказой тринадцатилетнего сына и регента, правившего от его имени. Всем этим воспользовался Салах Ад-Дин ради собственной выгоды. И в Сирии, и в Иерусалимском Королевстве правили теперь регенты. Повелитель франков Балдуин, как и эмир Халеба, не отказались от намерения завоевать Сирию. И когда до Салах Ад-Дина дошли из Дамаска призывы о помощи, он охотно откликнулся на них. Спешно перейдя пустыню во главе небольшого войска, состоявшего всего лишь из семи сотен всадников, Салах Ад-Дин вошел в Дамаск под приветственные крики горожан. Установив свою власть над государствами, провозгласившими независимость, он быстро стал фактическим правителем всего Египта, а затем и большей части Сирии. Однако Халеб и Мосул по-прежнему представляли для него угрозу. Позднее войска этих городов совместно выступили против Салах Ад-Дина. Разбив их в апреле 1175 года, Салах Ад-Дин позволил Халебу и Мосулу сохранить суверенность. Двенадцать лет спустя в большой битве Салах Ад-Дин разбил войска христиан Иерусалимского Королевства и установил свою власть практически над всей Землей Израиля. Войдя в Иерусалим, его армия проявила исключительную сдержанность и милосердие, собственные Салах Ад-Дину и в его прежних военных походах, что выгодно отличало его от других военачальников того времени – особенно на фоне резни и грабежей, которые учинили христиане среди мусульманского и еврейского населения, завоевав Иерусалим почти за девяносто лет до описываемых событий.

Решение Салах Ад-Дина перенести столицу своего государства из Дамаска в

Каир в 1176 году благотворно отразилось на положении Маймонида и, возможно, спасло ему жизнь. Должность нагида в то время противозаконно занимал беспринципный человек по имени Зута. Он использовал свое положение для получения взяток и таким образом стал обладателем крупного состояния. Подвергая себя немалой опасности, Маймонид возглавил лагерь противников Зуты. Тот выдвинул против Маймонида всевозможные обвинения, и жизнь Моше оказалась под угрозой. Некоторые источники сообщают, что Маймонид был вынужден бежать из города и некоторое время скрываться в пещере. Однако ситуация изменилась, когда Салах Ад-Дин возвратился в Каир. Маймонид и его сторонники убедили правителя не только низложить нагида, но и упразднить эту должность и перевести эксиларха из Дамаска в новую столицу государства. Титул эксиларха (реш галута по-арамейски, то есть «глава пребывающих в изгнании») предоставлялся политическому и судебному лидеру еврейской общины вне Иерусалима; впервые он был упомянут еще во II в. н.э. Эксиларх Йеѓуда бен Йосия утверждал, что ведет свое происхождение от царя Давида, как и его предшественники. Он был мудрым и просвещенным человеком; ему было известно, что Маймонид зарекомендовал себя ведущим еврейским ученым Египта, что его почитают за послание к йеменским евреям и «Комментарий к Мишне». Возможно, он также знал, что уже шесть лет как Маймонид работает над другим большим трудом, который впоследствии получит название Мишне Тора. Поэтому эксиларх Йеѓуда бен Йосия объявил, что все постановления Маймонида в области еврейского Закона являются непреложными, как если бы они были подписаны самим эксилархом. Это означало, что теперь Маймонид был духовным лидером всех евреев, живущих в империи Салах Ад-Дина.

Маймонид больше не терял времени на полемику с караимской ересью. Вместе с девятью другими учеными он издал эдикт, гласящий, что замужняя женщина, совершающая ритуальное очищение после месячных в соответствии с караимскими нормами (то есть без погружения в воды миквы) – похоже, это было широко распространено в те времена, – не соблюдает предписания законоучителей Талмуда, и потому с ней следует развестись без выплаты по ктубе (брачному договору). Для женщин это была действительная угроза, и многие из них возвратились к раввинистическим ритуалам. В последующие десятилетия это намеренно жесткое предписание привело к почти полному исчезновению караимов из арабских стран, хотя, по-видимому, немало караимов также обратилось в ислам.

Именно в этот период Маймонид исполнил галахическое предписание, согласно которому каждый еврей обязан написать свиток Торы. Маймонид переписал высоко чтимый свиток, привезенный из Иерусалима в Египет на хранение в то время, когда крестоносцы убивали иерусалимских евреев, разрушали их дома и синагоги. Свиток, написанный рукой Маймонида, уже давно утрачен. Самым примечательным в нем были не его каллиграфические или графические особенности, но сам факт, что человек, чья медицинская практика росла с каждым днем; ученый, который получал все больше и больше посланий с вопросами из дальних стран и с которым постоянно советовались члены его собственной общины; который во всякую свободную минуту погружался в Писание и комментарии; который, дабы увеличить свой доход, преподавал философию и прочие науки; который к любой своей обязанности относился так, как если бы она была единственной, – что этот человек нашел время, чтобы собственноручно написать свиток Торы, а ведь это требует пристальнейшего внимания ко всем деталям, поскольку малейшая ошибка сделает свиток некошерным, то есть непригодным к использованию.

И в это же самое время Маймонид работал над вторым из трех самых крупных трудов своей жизни, а именно – галахическим кодексом Мишне Тора. Он закончил этот монументальный труд в 1180 году, через десять лет после того, как приступил к работе.

Название трактата Мишне Тора в переводе с иврита означает «Повторение Закона». В четырнадцать томов этого труда вошло восемьдесят шесть разделов, состоящих из тысячи глав. Этот труд был задуман Маймонидом для того, чтобы открыть читателям прямой доступ к каждому аспекту Устного Закона. Автор считал, что при наличии такой книги читателю больше не понадобится прибегать к трудному для понимания, запутанному и иногда противоречивому Талмуду, к поздним респонсам и комментариям гаонов (признанных раввинистических авторитетов [54]). Эти комментарии были добавлены к Талмуду в период между VI и XI вв., и до Маймонида их никто не упорядочивал и не систематизировал. Позднее, в 1190 году, в письме к своему любимому ученику Йосефу ибн Акнину, Маймонид объяснил принципы своей работы. Поначалу он задумал этот труд как своего рода «краткий конспект» Устного Закона для своего личного пользования, «чтобы мне не приходилось искать во всей талмудической литературе ответ на всякий вопрос». В ходе работы Маймонид понял, что такой труд мог бы оказаться весьма полезен для всех евреев, поскольку в те времена не существовало единого кодекса Закона, в котором

«были бы сведены все постановления, без противоречий и ошибок». По мысли Маймонида, нужно было создать единственный источник знания Закона, упорядоченный и систематизированный. В этом труде следовало опустить длинные окольные рассуждения, убрать из него непонятные ссылки и отступления, отклоняющиеся от основной темы. К этой книге мог бы обратиться каждый еврей, чтобы быстро найти ответ на любой вопрос, связанный с Законом.

«В наши дни, когда ученых мало, а ученость редка, я, Моше, сын Маймона-испанца, составил книгу всего еврейского Закона, в которой опущены рассуждения или дискуссии и в которой все законы ясно растолкованы». В намерения автора входило составление такого труда, который сделал бы необязательным обращение к другим источникам – достаточно было бы только Торы и написанной Маймонидом Мишне Тора. Маймонид составил труд, названный многими «Конституцией еврейского государства», основание которого, по мысли автора, было не за горами. Вот почему трактат написан доступным языком, в разговорном стиле, и при этом настолько краток, насколько это возможно, учитывая полноту его тематики. По замыслу автора, туда должно было войти все, и там не должно было быть ни единого лишнего слова, необязательной ссылки или стилистических прикрас, чтобы читатель мог найти все необходимое, перелистав несколько страниц.

Маймонид предварил этот монументальный труд «Книгой заповедей» (Сефер Га-мицвот), написанной на арабском языке. В Талмуде упоминается шестьсот тринадцать заповедей, предписанных Богом в Пятикнижии. Однако список этих заповедей был составлен лишь позднее, причем возникло много разногласий относительно того, какие именно заповеди следует включить в число шестисот тринадцати заповедей Торы. Маймонид предложил свой вариант шестисот тринадцати заповедей, которые следует считать предписаниями Торы. Только завершив эту работу, он почувствовал, что готов продолжить кодификацию всего Закона. Сефер Га-мицвот стал вводной книгой к более объемному труду. То, что Маймонид верил в непосредственную близость пришествия Мессии, очевидно из других его сочинений. Мы помним, что в «Послании в Йемен» даже указывается точная дата – 1216 год (4976 год по еврейскому летосчислению). Маймонид считал, что в этом году к еврейскому народу вернется дар пророчества, и это событие предварит пришествие Мессии. Хотя сам Маймонид говорил, что данное предположение основывается на древней семейной традиции, ситуация конца XII в. во многом соответствовала пророчествам о пришествии Мессии. Согласно древним предсказаниям, евреи должны пережить много бед, прежде чем обрести избавление. Преследования евреев во Франции, Германии и большинстве мусульманских стран, возникновение христианства и ислама, а также столкновение двух этих религий – все это соответствовало предсказаниям. Неудивительно, что лжепророки появлялись не только в Йемене, но и в других местах – это был мессианский век, и глубокое убеждение Маймонида разделяли многие его единомыслители.

А значит, вскоре всем евреям предстояло вернуться в Землю Израиля под предводительством потомка дома Давидова (каковым, кстати, считали и самого Маймонида). Этот человек, по мнению многих, будет мудрейшим из людей, живших на земле со времен великого пророка Моше рабейну. Поэтому еврейский народ нуждался в целом ряде предписаний – своего рода конституции, основанной на Торе. В ней следовало провозгласить принципы иудаизма, классифицировать и кодифицировать его законы – повторять же, как именно они возникли, необходимости не было. Такой конституцией должна была стать Мишна Тора.

Кроме того, данная книга должна была ответить на вопрос, который Маймонид четко сформулировал – ответ на который искал давно. Все меньше людей разбиралось в премудростях Закона; это знание исчезало среди широких масс еврейских общин не только арабских стран, но и Европы.

«Великие беды постигли наш народ в последнее время, и мудрецы наши утратили свою мудрость. И потому ответы на вопросы и комментарии к Талмуду, что вышли из-под пера гаонов и казались им самим совершенно ясными, сегодня способны понять лишь немногие... Поэтому я, Моше, сын Маймона-испанца, уповаю на помощь Всевышнего, изучил все эти книги и счел нужным ясно и кратко изложить все законы, приведенные в них, однако без ссылок на рассуждения, что предшествуют вынесению этих законов – чтобы сделать изучение Галахи доступным каждому» [55].

Более того, изучение еврейского Закона в те годы теряло цельность из-за соперничества разных и нередко противоречащих друг другу традиций, чья самостоятельная ценность была неясна.

Но проблема упадка еврейской учености была не единственной. Другой проблемой были тяжкие условия, в которых существовали угнетенные евреи тех времен. «Для нас настали тягостные и трудные дни, – пишет Маймонид в «Послании в Йемен», – мы устали, и нам не дают отдыха. Как же Галаха будет

ясна тому, кто скитается из города в город и из страны в страну?» Но вместе с тем XII в. был во многом схож с той эпохой, когда рабби Йегуда Га-Наси составил Мишну, утверждает Маймонид в предисловии к Мишне Тора. Во времена рабби Йегуды Га-Наси «мудрецов Торы становилось все меньше и меньше, а еврейская община столкнулась с новыми заботами, поскольку Римская империя расширялась и крепла, и евреи были вынуждены скитаться из одного конца земли в другой». Вот почему составление Мишны было столь необходимо, говорит Маймонид.

Мишне Тора была названа также Яд Га-хазака («Сильная рука»), согласно последнему стиху Торы: «И по руке сильной, и по каждому диву великому, которые совершил Моше пред глазами всего Израиля» (Втор, 34:12). Это выражение намекает и на слова, провозглашаемые в синагоге после чтения последних слов Пятикнижия: «Хазак хазак ве-нитхазек!» («Будь сильным, будь сильным, и да будем мы еще сильнее!») Поскольку у еврейских букв есть также числовое значение, слово яд (рука) можно рассматривать как эквивалент числа четырнадцать, а именно из такого числа книг состоит труд Маймонида (к тому же Маймонид родился 14 нисана).

В отличие от «Комментария к Мишне», написанного по-арабски, Мишне Тора написана целиком на иврите – языке, на котором составлена и Мишна рабби Йегуды Га-Наси. Поэтому труд Маймонида не нуждался в переводе – его могли прочесть евреи не только в арабских странах, но и во всем мире. То обстоятельство, что Маймонид решил написать книгу для всех евреев, свидетельствует, что он сознавал, как возросла его репутация, и, несомненно, был исполнен решимости еще больше распространить свое влияние. Пройдет несколько десятилетий, и имя автора Мишне Тора станет известно везде; Мишне Тора принесет ему признание и выдвинет на место ведущего религиозного авторитета евреев всего мира. Книга написана, как уже говорилось, легким разговорным языком и вместе с тем обладает той сжатостью, краткостью и точностью, которую лучше всего можно было бы проиллюстрировать словами самого Маймонида: «Если бы я мог вместить весь Устный Закон в одну главу, мне бы не понадобилась вторая».

«Наши труды мы тщательно очищаем от лишнего. Никогда в наши намерения не входило умножение страниц нашего сочинения... Если следует разъяснить какой-либо вопрос, мы объясняем лишь то, что необходимо объяснить... Помимо того, мы обычно ограничиваемся в нашей работе самым кратким изъяснением предмета» [56].

Можно было бы подумать, что ученому, обладающему столь глубокими и разносторонними знаниями, как Маймонид, сложно было достигать поставленной цели – краткости изложения. На самом же деле стремление к краткости только умножало литературную ценность его труда. Маймонид делал все возможное, чтобы добиться краткости, прямо излагая те законы, которые считал наиболее подходящими для каждого данного обстоятельства, и не отвлекаясь на излишние комментарии. Эти законы порой отличались от тех, которые можно было найти в трудах его предшественников. К тому же Маймонид не считал целесообразным перегружать текст упоминанием источников или подробным изложением мнений или рассуждений, связанных с тем или иным законом. В сущности, излагаемые суждения принадлежали ему самому и основывались не только на Устной Торе, но и в некоторых случаях на его глубоких познаниях в области философии, науки, торговли и социальных нужд того времени. Он без колебаний использовал свои знания светских наук, например геометрии или других разделов математики, астрономии, медицины и сочинений классических философов, по большей части Аристотеля. Это было для него совершенно естественно, особенно если учесть его убежденность в том, что вера и разум не только могут гармонично сосуществовать, но обязаны согласиться друг с другом, чтобы таким образом можно было прийти к универсальной истине. Более того, в отдельных случаях, когда талмудические предписания казались ему спорными и противоречащими науке или здравому смыслу, он отвергал их, если только они не были тесно связаны с основополагающими или широко известными концепциями.

Несмотря на сугубо личный характер этой книги, Мишне Тора была также непреложным указанием того, как должен жить каждый еврей и как он должен служить Всевышнему. Книга отличается четким языком и изящным стилем, что в немалой степени способствовало ее успеху в качестве не только теологического и галахического, но также и литературного произведения, которое внесло значительный вклад в развитие иврита. Однако важнее всего было то, что эти четырнадцать томов оказали глубокое влияние на раввинистическую мысль и еврейскую жизнь нескольких последующих столетий. Среди других раввинистических сочинений Мишне Тора стала самым важным и наиболее влиятельным трудом (разумеется, после самого Талмуда), написанным после разрушения Второго Храма. Таковой она остается вплоть до сегодняшнего дня, хотя в качестве практического руководства на смену ей пришел

Галахический кодекс Шульхан арух («Накрытый стол»), составленный в XVI в. рабби Йосефом Каро. Впрочем, и на сочинение рабби Йосефа Каро оказал значительное влияние труд Маймонида.

Мишне Тора выполнила две задачи. Во-первых, она стала компиляцией и систематическим сводом всей Галахи, а во-вторых, не только прояснила Закон, но и сделала его доступным для практического применения. Более того, она послужила ответом на многие вопросы тех лет, став при этом путеводителем по еврейской жизни на все грядущие времена. Вот почему Мишне Торасчитается трудом, который возвысился над временем. Вся эта работа была проделана Маймонидом в рамках принципиально новой системы рубрикации Галахи, настолько оригинальной и неповторимой, что авторы последующих канонических кодексов – Яков бен Ашер, Йосеф Каро и Моше Иссерлис – ею не воспользовались.

Многие страницы Мишне Тора сохраняют актуальность и для современного читателя, ибо отвечают на многие социальные, экономические и теологические вопросы, тревожащие нас и сегодня. Если отвлечься от законов сугубо ритуального характера, Мишне Тора – это трактат об этике, который задуман человеком, глубоко осведомленным в проблематике религиозного закона, классической философии, врачевания души и тела, и приверженным идеалам личного нравственного поведения. Этот труд исполнен сострадания, в котором отражена заповедь цдака, милосердия в самом широком смысле этого слова, то есть как благодеяние другим людям.

Этими «другими» были не только евреи. Маймонид однозначно утверждает, что следует заботиться о всяком нуждающемся, независимо от того, какую религию он исповедует, даже о язычниках; всех нуждающихся нужно утешать в скорби и бедствиях, их покойников необходимо погребать. Позднее Маймониду зададут вопрос, есть ли, по его мнению, у язычников место в Грядущем мире. В ответном послании Маймонид выразит мнение, во многом созвучное со смыслом Мишне Тора: «Знайте, что Господь взирает на сердце человека и что намерения человеческого сердца являются мерой всего. Поэтому мудрецы говорят: "Благочестивый язычник будет иметь долю в Грядущем мире"».

Честь и достоинство человека священны, провозгласил Маймонид в Мишне Тора, и не следует задевать их ни при каких обстоятельствах, будь то честь свободных людей или рабов. Доброе имя ближнего следует защищать, как от прямой клеветы, так и от бросающих на него тень наветов. Маймонид считает нарушение этого закона достаточным основанием для лишения человека его доли в Грядущем мире.

Маймонид настаивает на том, что каждый еврей должен стремиться исполнить заповедь цдака, и не только в виде денежной благотворительности, но также в виде желания достичь социальной справедливости, совершать великодушные поступки и просто выказывать доброту. Всякую помощь нужно оказывать так, чтобы человек, принимающий ее, не испытывал унижения от этого, – иными словами, помощь должна даваться с открытым сердцем и открытой душой. «Кто жертвует бедным неблагосклонно и пренебрежительно, – писал Маймонид, – лишается награды за исполненную им заповедь, даже если он дарит тысячу золотых монет».

Однако забота о достоинстве отдельных людей не умаляет важности общины. Согласно Маймониду, существование общины есть не только предписание, но и прямой долг. На каждом из нас лежат обязательства по отношению к ближним, и обязательства эти нельзя исполнить без деятельного участия в жизни общины, членами которой мы являемся, писал Маймонид. Отстранение от других людей – это безразличие к их нуждам, к потребностям всего народа Израиля. Маймонид учит, что отстранение от общины есть настолько тяжкий грех, что и за него человек наказывается потерей удела в Грядущем мире.

Маймонид осуждает даже сознательный отход от мира с целью изучения Торы и достижения благочестия. Человек должен жить в реальном мире, как жили еврейские мудрецы прошлого, ибо реальный мир не есть зло. Только принимая деятельное участие в жизни реального мира, можно заботиться о нуждах других людей и всего общества. Но следует упомянуть, что никто не должен быть тяжелой ношей для других, никто не должен жить за счет общества, и долг каждого еврея зарабатывать себе на жизнь. Здесь также предполагается, что нельзя жить за счет других людей, извлекая чрезмерную выгоду из торговли или прочей деятельности и ограничивая чью-либо свободу зарабатывать себе на жизнь. Особенно жестко Маймонид отзывается о мошенничестве, например о махинациях с весами: «Наказание за неточные весы более сурово, чем наказание за безнравственность, поскольку последнее есть грех только перед Богом, а первое – еще и перед ближним».

Джейкоб Минкин, наш современник, в своей книге, посвященной Маймониду (*World of Moses Maimonides, with selections from his writings, 1987*), описывает характер Мишне Тора. Как почти все авторы, пишущие о Маймониде, Минкин называет этот труд кодексом [57].

«Кодекс Маймонида является энциклопедией еврейской философии, теологии, этики и ритуала. Это также трактат о торговле, промышленности, финансах, собственности, праве наследовании, налогообложении, судебной процедуре и уголовном законодательстве. Это юридическая книга, речь в которой идет практически о любой сфере человеческой деятельности. Это законодательство для ученого, предписание для торговца, руководство для лавочника. Она призвана быть путеводителем и опорой, вести к справедливости и усмирять насилие. Она рассматривает основную человеческую деятельность с моральной и этической точки зрения. Ее категорический императив можно выразить словами: «Действуй так, чтобы найти расположение и благосклонность в глазах Бога и человека». Кодекс Маймонида защищает права и привилегии отдельных людей, но отстаивает также интересы и благополучие общества, придавая им первостепенную важность. Человек не может руководствоваться собственными пристрастиями; он не может жить и действовать сообразно своим желаниям, не соразмеряя свое поведение с обществом и общиной, в которых живет». Многие из этих слов можно отнести и к Талмуду. И все-таки здесь есть существенное различие. За десять лет Маймонид проделал монументальный труд – он создал современную форму талмудического учения, украшенную плодами его собственного уникального интеллекта и широких познаний в религии, философии, медицине и других науках. Его книга кратка и упорядоченна, дабы любой человек, владеющий ивритом и ищущий ответы на свои вопросы в еврейском Законе, мог воспользоваться ею с легкостью и эффективностью. В отличие от Талмуда, кодекс Маймонида был четким и строго систематизированным. Кроме того, это был литературный шедевр. Автор достиг своей цели.

«Устраняя преграды, поясняя и, если это было необходимо, помогая тем, кто не мог понять слова мудрецов Торы, благословенна их память, мы, как представляется нам, сделали ближе [рядовым читателям] и упростили темные и запутанные места; мы собрали и сопоставили предметы, которые были разобщены и разбросаны по разным источникам; и мы знали, что, во всяком случае, в этом деле нам удалось чего-то достичь. И если это так, как мы полагаем, то, упростив, облегчив и собрав воедино тексты, чего не делал ни один из наших предшественников, мы уже достигли ценного на благо другим людям и потому удостоились божественного воздаяния»[58].

Как и после написания «Комментария к Мишне», Маймонид не рассчитывал на всеобщее одобрение своего нового труда, Мишне Тора, и был, безусловно, прав. Критика обрушилась на Маймонида с разных сторон – и от тех, кто считал необоснованными отдельные положения и доводы, приведенные в книге, и от тех, чьи нападки, иногда переходящие в оскорбления, носили более личный характер. После выхода в свет его труда Маймонид стал ведущим еврейским ученым в мире. Даже те, кто прежде не признавали его авторитета, теперь не могли не отдать должное его интеллекту и духовному лидерству. Для большинства евреев, знакомых с его учением, новый трактат стал лишь подтверждением того, что они знали о Маймониде и прежде. Для тех же, кто не желал признать его религиозный авторитет, Мишне Торастала удобным поводом для нападков.

Одно из самых серьезных критических замечаний в адрес Маймонида можно назвать в какой-то мере обоснованным. Дело в том, что у целого ряда ученых возникло подозрение, будто автор Мишне Тора намеревался заменить своим трудом Талмуд. Маймонид поставил себя под удар подобного рода обвинений, поскольку заключительные слова введения к Мишне Тора гласят: «Я назвал свое сочинение Мишне Тора (досл. «Повторение Торы»), предполагая, что человек, изучающий Письменную Тору, сможет обратиться к моей книге и узнать из нее всю Устную Тору, не прибегая к другим источникам»[59].

На это обвинение Маймонид ответил, что его намерение было обратным. Способствуя распространению талмудического знания, писал он, Мишне Тора побудит наиболее взыскательных читателей к самостоятельному изучению Талмуда. Данный кодекс призван служить путеводителем по дебрям Устного Закона, чтобы побудить тех, кто стремится выяснить все досконально, обратиться к первоисточникам. Нигде, настаивал Маймонид, он не писал, что от Талмуда следует отказаться.

И прочие критические замечания, высказанные в адрес автора Мишне Тора, можно было предвидеть. Одни носили теологический характер, другие выражали несогласие читателей с отдельными положениями книги – по сути, читатели упрекали автора в том, что он написал не ту книгу, которую они хотели бы получить. Немало страстных возражений прозвучало от тех, кто был недоволен отсутствием ссылок; другим казалось, что в религиозном сочинении неуместны философские или научные рассуждения, которые являются уникальной особенностью сочинений Маймонида; третьих сердило, что Маймонид порой оспаривал постановления талмудических авторитетов прошлого; у четвертых вызывала неприятие настойчивость, с которой Маймонид, вопреки широко

распространенному тогда убеждению, говорил о бестелесной природе Бога (Маймонид заходил в этом так далеко, что называл еретиками евреев, которые придерживались иной точки зрения); прочие были не согласны с нападками Маймонида на колдовство и суеверие; многим не нравилось его утверждение, согласно которому награда в Грядущем мире будет скорее духовной, нежели телесной; наконец, нашлись и такие, кто не мог без гнева воспринимать рационализм Маймонида и его стремление объяснять события скорее естественными причинами, нежели вмешательством сверхъестественных сил. Для многих современных читателей более важным, возможно, будет другое критическое замечание в адрес Мишне Тора. Его обоснованность доказали века, прошедшие со времени выхода в свет сочинения Маймонида. Некоторые ученые еще тогда выражали опасение, что столь систематическое изложение еврейского Закона станет препятствием для новшеств, которые всегда были свойственны иудаизму. Устная Тора возникла как постоянно обновляющиеся интерпретации Письменной Торы и более ранних комментариев к ней, что являлось отзывом религии на потребности эпохи. В самом деле, в Талмуде подчеркивается важность дискуссии и полемики; это свидетельствует о том, что вопросы, связанные с ритуалом и индивидуальным поведением, можно рассматривать с самых разных точек зрения. По иронии судьбы, одним из главных достоинств Мишне Тора было то, что эта книга отвечала на многие вопросы, волнующие людей в ту эпоху, когда она была написана. И тем не менее, будучи сводом авторитетных суждений одного человека, пусть даже очень мудрого, она могла заковать Закон в жесткие рамки, не допускающие никаких изменений и новаций. Высказывались опасения, что иудаизм может застыть, «окаменеть». Маймонид создал кодекс, в котором не было заложено механизма принятия поправок – если не считать тех из них, которые он вносил в свой труд сам во все последующие годы своей жизни в виде респонсов и новых редакций. Таким образом, Маймонид постоянно пересматривал свой монументальный труд и вносил в него небольшие изменения; однако если составленный им кодекс мог быть подвержен переменам, пока автор был жив, то после его смерти не было такого Верховного суда, который мог бы вынести решение по вопросам, связанным с истолкованием данного кодекса в последующие эпохи.

Сложно поверить, что Маймонид не размышлял над этими нечаянными последствиями своего монументального трактата. Но в самом ли деле эти последствия можно назвать случайными? Ведь Маймонид писал прежде всего конституцию для еврейского государства, которое, как он считал, вскоре должно было возникнуть. Этим государством, по мысли Маймонида, будет управлять мудрый долгожитель – Мессия, а его преемниками станут другие потомки царя Давида, столь же преданные воле Бога, как и сам Мессия. В таком идеальном государстве не предусмотрено никаких перемен, ибо все в нем будет совершенно. И если Маймонид в самом деле искренне верил в скорое пришествие Мессии, как это принято считать, то его труд предназначался для не подверженной изменениям вечности.

Чаще всего критика Мишне Тора скрывалась за туманными и осторожными выражениями ученых, но порой она приобретала форму чуть ли не площадной ругани, недвусмысленно выражавшей ненависть к Маймониду. Такая ругань исходила от людей, считавших себя соперниками Маймонида, и даже более учеными, чем он; наиболее сильное негодование вызывала у них «самоуверенность» человека, который осмелился создать окончательный и непреложный кодекс Закона. Более того, столь влиятельная книга была написана на иврите, а это означало, что ее автор достиг повсеместной славы и пользовался авторитетом во всех еврейских общинах, по которым очень быстро распространилось его сочинение. Даже столь значимый труд, как «Комментарий к Мишне», не произвел такого эффекта, потому что был написан по-арабски и оттого недоступен евреям, живущим в христианских странах. Но для некоторых ученых того времени Кодекс представлял иную опасность. До нас дошло несколько свидетельств того, что многие судьи были недовольны, что Мишне Тора стала повсеместно доступной книгой, и простые люди теперь легко могли найти ответ почти на все вопросы, связанные с Галахой. В то время было очень немного мудрецов, досконально разбирающихся в Законе, и они, должно быть, опасались, что их заключения будут поставлены под сомнение, а они сами обвинены в недостаточной компетентности.

Среди тех, чье негодование вскипело после выхода в свет Мишне Тора, самой важной персоной был багдадский гаон Шмуэль бен Али. Отношение этого человека к своей позиции главы еврейской общины разительно отличалось от подхода Маймонида. Злобные нападки Шмуэля бен Али на того, кого позже назовут нагидом Египта, будут продолжаться несколько лет и принесут Маймониду немало страданий, сколь бы он ни старался относиться к вздорности своего оппонента сдержанно и даже с уважением.

Титул нагида был одним из целого ряда титулов, которые предоставлялись главам еврейской общины в странах региона, сегодня называемого Ближним

Востоком. Еврейские общины в арабском мире пользовались относительно широкой свободой и наслаждались самоуправлением. Евреев Земли Израиля и Персии возглавляли соответственно наси (князь) и реш галута (эксиларх). В Сирии и Месопотамии также существовала должность эксиларха. Это слово возникло еще в период Вавилонского пленения, однако, по сути, оно означало то же, что и нагид. В Египте этот титул впервые был введен в X в. В Багдаде, помимо эксиларха, еврейскую общину возглавляли гаоны. Хотя Шмуэль бен Али был гаоном, его трудно было назвать набожным человеком. Он жил в роскошном дворце, где ему прислуживали шестьдесят рабов. Когда в 1175 году умер эксиларх, Шмуэль бен Али сосредоточил в своих руках всю власть. Несмотря на то что он был человеком, глубоко сведущим в еврейских науках, он отвергал скромность, которую было бы уместно ожидать от религиозного лидера. Его постоянно окружали несколько рабов, за ним всегда следовала свита из подчиненных ему судей. Сохранилась легенда, будто он обучал Торе своих учеников, стекавшихся к нему со всех концов еврейского мира, восседая на золотом троне.

Исполненный решимости утвердить свою власть над мировым еврейством, Шмуэль бен Али видел в Маймониде опасного соперника. Он делал все возможное, чтобы найти повод для столкновения с ним. И хотя такое столкновение могло выглядеть как безобидный спор о Законе, выход в свет Мишне Тора предоставил Шмуэлю бен Али идеальную возможность выступить против Маймонида и унижить его в глазах приверженцев. Поскольку целый ряд различных аспектов Кодекса вызывал несогласие и у других противников Маймонида, ненавидевших его столь же яро, как Шмуэль бен Али, гаон заручился поддержкой сразу нескольких деятельных сторонников.

Наиболее серьезные нападки со стороны Шмуэля бен Али и его союзников вызвали слова Маймонида о воскрешении мертвых. В ответе оппонентам Маймонид повторил свои прежние утверждения, лишь слегка смягчив те позиции, которые могли показаться противоречащими талмудическому учению. Маймонид пытался принимать поношения, хлынувшие на него со всех сторон, с обычной сдержанностью и даже мягко упрекал некоторых своих учеников, ответивших на обвинения багдадского гаона грубо и резко. Однако нападки Шмуэля бен Али и его сторонников сделали свое дело. В этот период, когда Маймонид только преодолел пятидесятилетний рубеж, впервые в его сочинениях упомянуты «новые проявления сердечной болезни». Маймонид писал, что эта болезнь появилась у него после смерти брата, будет преследовать его всю оставшуюся жизнь и в конце концов сведет в могилу.

Столкновение с гаоном длилось несколько лет и в конечном счете завершилось победой Маймонида. К тому времени авторитет Маймонида был признан всем еврейским миром, и даже столь властительная фигура, как багдадский гаон, не мог его оспорить. Вскоре уже не подвергалось сомнению и то, что Мишне Тораявляется авторитетным источником еврейского Закона, вторым по значимости после Талмуда. Однако стычки с гаоном причинили Маймониду столько страданий, что, как свидетельствуют некоторые документы, он не смог противостоять болезни, и после одного особенно острого диспута не мог работать несколько месяцев.

Вскоре после выхода в свет Мишне Тора приобрела широкую известность. Несмотря на критику, этот труд был признан повсеместно. Вскоре сотни переписчиков были загружены заказами на новые копии, и Маймонид прославился даже в самых отдаленных уголках еврейского мира. Через некоторое время почти все вопросы, связанные с еврейским Законом, можно было разрешить, только обратившись к страницам Мишне Тора. Даже сегодня, когда возникает спор между учеными, нередко можно видеть, как тот или иной диспутант снимает с полки свой собственный потрепанный том великого Кодекса, говоря: «Давайте посмотрим, что по этому поводу пишет Рамбам».

Глава VI. Путеводитель растерянных

По некоторым данным, Маймонид женился в 1175 году, когда ему было тридцать восемь лет. Принято считать, что это был его второй брак. Многие исследователи утверждают, что в первый раз Маймонид вступил в брак в ранней молодости, но его жена вскоре умерла – вероятно, во время скитаний, выпавших на долю его семьи. Но на самом деле нет никаких оснований верить этому мнению, поскольку не существует ни единого свидетельства, которое могло бы подкрепить его. Вполне возможно, что возникновение этой легенды объясняется убежденностью ее сторонников в том, что такой великий еврейский мудрец не стал бы ждать столь долго, чтобы положить конец своей холостяцкой жизни. Еврейские ученые обычно женились очень рано, а тем, кто не был женат, возбранялось руководить общиной, если, конечно, причиной этому не были какие-либо исключительные обстоятельства. Так или иначе, для многих исследователей жизни Маймонида невыносима сама мысль о том, что он женился только на тридцать девятом году жизни.

Избранницей Маймонида стала дочь раввина Михаэля Га-леви и сестра Абу-ль Маали (чье еврейское имя было Узиэль), одного из писцов султана, позднее женившегося на старшей сестре Рамбама. История не сохранила имя жены Маймонида. Насколько нам известно, эта связь Маймонида с двором была первой, и она оказалась весьма полезной для него. Абу-ль Маали служил у одной из жен Салах Ад-Дина, вероятно матери его наследника на троне Аль-Афдала. Неизвестно, помогли ли Маймониду эти связи в его борьбе с Зутой, однако они, безусловно, способствовали тому, что он был назначен придворным врачом.

Поскольку для столь великого мудреца и праведника, каким был Рамбам, самым главным в браке было, судя по всему, деторождение, можно предположить, что он женился на молодой женщине. Вероятно, невесте Маймонида было около двадцати лет. Тем не менее прошло несколько лет, прежде чем у пары родилась девочка. Она умерла в раннем детстве, что в те времена было не редкостью. Сын Маймонида, Аврагам, родился только в 1186 году. Его сорокавосемилетний отец не мог нарадоваться на мальчика, уделяя ему столько же любви и заботы, сколько прежде своему обожаемому брату Давиду. Подобно тому как учителем маленького Моше был его отец, рабби Маймон, так и сам Моше стал наставником Аврагама: он следил за тем, чтобы мальчик познакомился не только с литературой и традициями иудаизма, но обучался также философии и прочим наукам, которые сыграли столь важную роль в его собственном воспитании. Здесь внимательный читатель заметит, что мы заговорили о женщинах в жизни Маймонида впервые. Хотя в его книгах, сочинениях и письмах содержится очень много сведений о событиях его жизни и условиях, в которых он жил, он никогда не писал о женщинах в своей жизни и том, какое влияние они оказали на него. Известно, что одну из его сестер звали Мирьям, однако имена матери, других сестер и даже жены не упоминаются ни в каких письменных источниках, принадлежащих его перу или перу других авторов. Едва ли до нас дойдут когда-нибудь даже скудные сведения об их жизни. Подобное умолчание не удивит тех, кто знаком с историей той эпохи и знает, какая роль была уготована женщинам в еврейской семье XII в.

В те времена от женщин не требовалось ни молитв, ни образования, а лишь исполнение законов, связанных с домашним хозяйством. Они также имели право наблюдать за синагогальной службой, находясь на галерее или за толстой завесой. Ни в одном научном трактате, письме или каком-либо другом документе не упоминается о женщинах, если не считать случайных и туманных отсылок. Хотя женщин почитали как хранительниц семейного очага, они старались вести себя тихо и незаметно, чтобы не отрывать от размышлений мужчин, которым была посвящена вся их жизнь.

Женщины находились на окраинах мужского мира, и потому даже если их и упоминали, то очень отвлеченно. В письмах, например, было не принято спрашивать об их здоровье, потому что это могло быть истолковано как личная заинтересованность. В разделе «Книга благочестия» Мишне Тора Маймонид пишет: «Мужчине не следует спрашивать о здоровье женщины, даже у третьего лица». Вместо этого нужно было писать примерно так: «Я надеюсь, что ваш дом здравствует», когда под «домом» подразумевалась жена. Это очень красноречивый выбор слов, потому что все домашние обязанности были возложены на женщину. Жена и вправду была «домом» мужчины. Без нее у научных интересов мужчины не было бы защиты, крыши и стен, и никто, кроме нее, не смог бы освободить его от повседневных забот, дабы его ум мог пуститься в дальние странствия в краю благочестия и Закона.

Общие черты биографии Рамбама, как и отдельные ее детали, постепенно прояснялись на протяжении нескольких предшествующих столетий, особенно в последние сто пятьдесят лет, в ходе изучения оригинальных рукописей, или, намного чаще, их копий. Эти рукописи и копии были обнаружены в королевских или частных коллекциях и вошли в собрание больших библиотек иудаики в Соединенных Штатах Америки, России и других странах Европы, а также Великобритании и Израиля. В некоторых библиотеках письма Маймонида были обнаружены в переводе на иврит с арабского языка, на котором они были написаны; найдены и другие рукописи, которые исследователи с большой долей вероятности приписывают Рамбаму. Эти рукописи были написаны либо им самим, либо его писцами и подписаны им. Другой источник, из которого нам известны его письма, – это сочинения авторов, живших несколько позже Маймонида. В них приводятся цитаты из его сочинений; в этом случае факт принадлежности того или иного сочинения Маймониду надежно удостоверен их авторами. Именно так сохранилось большинство его длинных писем и сочинений, если не все они. Фрагменты же оригинальных писем, а также короткие записки, написанные рукой Маймонида, были обнаружены в Каирской генизе. Отдельные фрагменты носят автобиографический характер, другие представляют собой выдержки из трактатов, которые в более полном виде сохранились в других рукописях. Как из документов, найденных в Каирской генизе, так и из других источников

известны письма, относительно авторства которых у ученых сложилось разное мнение. На основании таких критериев, как особенности стиля и почерка (в тех случаях, когда документы написаны от руки), исследователи признают целый ряд отрывков, приписываемых Маймониду, подлинными. Помимо этих прямых источников, сведения о некоторых событиях и роли Рамбама в них можно получить из небольшого числа арабских сочинений, написанных современниками Маймонида или авторами, жившими несколько позднее.

Мы только что упомянули о генизе, а это довольно интересная тема. Это слово в переводе с иврита означает «хранилище», однако речь идет о хранилище особого рода. В генизе хранятся документы, книги и рукописи, в которых каким-либо образом упоминается имя Бога. Еврейский закон запрещает уничтожать подобные документы, и существует обычай погребать их в земле либо складывать на чердаке синагоги. Вернувшись в 1896 году из очередного путешествия по Ближнему Востоку, две вдовствующие сестры, миссис Льюис и миссис Гибсон, знакомые с древними языками – еврейским, арабским и арамейским, – привезли на свою родину, Великобританию, фрагмент манускрипта, который им удалось раздобыть в Каире. До этого манускрипт хранился в генизе, расположенной в особой комнате на женской галерее синагоги Бен Эзра в Фостате, построенной в 882 году. Они показали манускрипт своему знакомому, доктору Соломону Шехтеру, преподавателю кафедры раввинистической мысли в Кембриджском университете. Шехтер установил, что манускрипт является выполненной в X в. копией еврейской апокрифической книги «Премудрость Бен-Сиры». Шехтер был командирован в Каир, где от местной еврейской общины в дар для Кембриджского университета получил почти все содержимое генизы – более 100 тыс. фрагментов бумажных манускриптов, а также рукописей на ткани, пергаменте и папирусе. Остальными фрагментами теперь владеют библиотеки разных стран мира. Оказалось, что документы содержат не только священные писания, датируемые с X по XV в., но также секулярные материалы, без разбора переданные в генизу из библиотек и книжных собраний каирских евреев, причем многие из этих материалов написаны по-арабски. Рукописи каирской генизы стали бесценным источником сведений о жизни евреев и арабов в те пять столетий, когда эти рукописи поступали в генизу на хранение. И хотя материалов, относившихся к Маймониду, в генизе было немного, с их помощью наше представление о его жизни стало более полным. Кроме того, материалы генизы стали богатым источником сведений об арабской и еврейской медицине того времени. Косвенным образом они проливали свет и на деятельность Маймонида как медика.

Как и во всех прочих сферах своей деятельности, этот уникальный врачеватель был педантичен в изучении человеческого тела и методов его лечения. Изучив медицинские трактаты, вышедшие из-под его пера, можно сказать, что он достаточно широко знал медицину и что его проницательность, благодаря которой он избирал тот или иной метод лечения, была поистине удивительной. Его искренность и честность заметно отличала его от других медиков, ведь в то время хорошие врачи встречались редко – вместо них преобладали шарлатаны, и речистость «докторов» нередко была самым важным фактором их профессионального успеха.

Успех Маймонида имел другую природу. Начав медицинскую практику, он сочетал свои знания о болезнях, полученные в результате личного опыта, с эрудицией, приобретенной благодаря изучению трудов его арабских предшественников. Искусство врачевания, вершин которого он достиг по прошествии нескольких лет, зиждилось на двух факторах, во все века служивших основой профессиональной медицины: во-первых, на знаниях, полученных из самых авторитетных источников, а во-вторых, на практическом опыте лечения и внимательном наблюдении за больными. Эти факторы значительно повлияли на трактаты по медицине, которые он напишет позже, и именно их следует считать причиной его успеха как практикующего врача.

А успех пришел к Маймониду довольно быстро. Евреи Фостата относились к нему с великим почтением, и, когда он начал свою медицинскую практику, вполне естественно, что они стали обращаться к нему за помощью. Мы уже говорили о том, что в Средние века раввины и еврейские мудрецы часто занимались врачеванием. Немало еврейских врачей, состоявших на службе у мусульманских и христианских властителей, одновременно возглавляли свои общины. В 1187 году заболел визирь Салах Ад-Дина Аль-Фадиль, и придворные врачи не сумели излечить его. Абу-ль Маали, возможно, при посредстве жены Салах Ад-Дина, писцом которой он служил, предложил обратиться за помощью к своему зятю. Аль-Фадиль был так доволен лечением, которое он получил от своего нового доктора (и конечно же своим скорым выздоровлением), что назначил Маймонида одним из придворных врачей – в их числе, кстати, было несколько евреев. За эту должность причиталась довольно скудная плата, но не это было главным. Каирское общество рассматривало назначение на должность придворного врача как знак особого расположения визиря. Это назначение значительно расширило

практику Маймонида и увеличило число мусульманских семей, которые обращались к нему за помощью. В ту пору Салах Ад-Дин постоянно отлучался в другие страны для участия в военных походах, и Аль-Фадиль был одним из самых могущественных властителей мусульманского мира. Позднее Маймонид писал, что Аль-Фадиль был глубоко и всесторонне образованным человеком, обладавшим исключительным литературным даром. Он также был щедрым и ответственным правителем. Он оказывал поддержку бедным, создавал академии и славился добрым отношением к своим подданным. Между ним и Маймонидом вскоре установилась очень близкая связь.

Вскоре после описываемых событий Маймонид обрел еще одного близкого друга. Им стал молодой ученый и врач Йосеф ибн Акнин. Эта дружба принесла Маймониду много радости в поздние годы его жизни и послужила источником великого вдохновения. Йосеф ибн Акнин жил в марокканском портовом городе Сеуте и, подобно Маймониду, обладал широкими познаниями не только в вопросах религии, но и в медицине, естественных науках, математике и философии. Как и Рамбам, он подвергался преследованиям со стороны Альмохадов. Его положение значительно ухудшилось за несколько лет до описываемых событий, в 1184 году, когда династия Альмохадов возглавил новый властитель, при котором подвергались преследованиям не только те евреи, что исповедовали свою религию, но и те, кто обратился в ислам. Йосеф ибн Акнин также подвергся мнимому обращению в ислам, но осознавал, что больше не может оставаться в Марокко. И тут ему в руки попала книга Мишне Тора. Как и многие молодые еврейские интеллектуалы того времени, Йосеф ибн Акнин стремился согласовать учение Библии и Талмуда со своими философскими и научными познаниями. Читая Мишне Тора, он понял, что наконец нашел учителя, который поможет ему преодолеть неуверенность и сомнения. Он решил отправиться в Фостат – не только для того, чтобы отыскать великого ученого, но и для того, чтобы насладиться свободой, которой пользовались местные евреи.

Прибыв в Александрию и не найдя в себе смелости сразу отправиться в Фостат, Йосеф написал Маймониду письмо с просьбой позволить учиться у него. В заключение письма он привел несколько своих стихотворений, написанных по-арабски и на иврите. Рамбам не отличался особой любовью к поэзии, но по стихам Йосефа ибн Акнина было видно, что их автор обладает острым умом, немалым интеллектом, и к тому же прекрасно образован. Эти качества далеко не часто можно было встретить у египетских евреев, и Маймонид без колебаний согласился учить Йосефа.

Йосеф ибн Акнин приехал в Фостат в 1185 году и два года жил в доме Маймонида. Их связывали не только отношения учителя и ученика, но и горячая дружба. Можно было бы без преувеличения сказать, что Маймонид, у которого еще не было детей, относился к своему ученику, как к сыну. И в самом деле, когда в 1186 году у Маймонида родился сын Аврагам, счастливый отец поведal своему ученику, что о каждом из них, Йосефе и Аврагаме, он думает как о сыне. Два ученых мужа изучали как религию, так и светские науки. Для каждого из них этот период стал временем крайне активного интеллектуального труда. Йосеф не только учился у своего наставника, но и помогал ему заниматься делами общины, а время от времени отправлялся в поездки по его поручению.

Спустя два года Йосеф ибн Акнин покинул Фостат и отправился сначала в Халеб, а затем в Багдад. Причины его отъезда неизвестны, но вполне возможно, что в их числе были соображения экономического характера. По некоторым свидетельствам, он отправился в Багдад для того, чтобы дать отпор местному гаону, Шмуэлю ибн Али, который, как мы помним, был ожесточенным противником Маймонида и во всеуслышание подвергал сомнению не только его ученость, но и его честность. Какова бы ни была причина отъезда Йосефа ибн Акнина из Египта, это не охладило его дружбы с любимым учителем; в некотором отношении, разлука только усилила ее. С этого момента ученые постоянно переписывались, продолжая обсуждать всевозможные препятствия, стоявшие на пути примирения классической философии с иудаизмом. Именно как продолжение этих дискуссий Маймонид вскоре после отъезда Йосефа ибн Акнина начал работу над сочинением, которому было уготовано стать самой знаменитой его книгой. Это был «Путеводитель растерянных».

«И когда определил нам Бог расстаться, и ты обратился на поприще, избранное тобой, [память] тех встреч пробудила забытый было замысел, и разлука с тобою подвинула меня написать этот трактат. Я написал его ради тебя и тех немногих, кто подобен тебе; и разделил я его на главы, которые буду посылать по мере завершения туда, где ты находишься» [60].

Слова «и тех немногих, кто подобен тебе» могут объяснить то, с чем мы сталкиваемся во всех сочинениях Рамбама, кроме медицинских. Начиная с «Комментария к Мишне» Рамбам постоянно упоминает в своих сочинениях о том, что простые люди и те, кто просвещен и сведущ в научных трудах и

исследованиях, воспринимают значение Закона по-разному. Если первые понимают его буквально, то вторые находят в библейских и талмудических сказаниях и изречениях, а также в мировой и еврейской истории от Сотворения мира до Исхода, как она изложена в еврейских источниках, аллегорический и метафорический смысл. Буквальная интерпретация, полагал Маймонид, есть только украшение, предназначенное для того, чтобы привлечь людей, не способных понять сложные истины, скрытые за словами. «С помощью разума, – побуждает Рамбам тех, кто способен на это, – ты сможешь отличить то, что сказано аллегорически, иносказательно и гиперболически, от того, о чем говорится буквально» [61]. неподготовленному человеку было бы не просто осознать, например, бестелесность Бога или нематериальный характер вознаграждений, которые ждут праведников в Грядущем мире. И для того чтобы привлечь таких людей к вере, следует одевать подобные представления и понятия в образы, доступные их воображению, или в истории, которые не противоречат повседневной жизни. Однако подлинные духовные сокровища ждут лишь тех избранных, которые способны взяться за намного более сложные темы, и именно для них написаны такие работы, как «Путеводитель». Вот почему труд Маймонида вызвал столько противоречивых оценок, причем далеко не все отзывы следует объяснять завистью тех, кто считал себя его соперниками.

«...такой я человек, что, если положение безвыходно, путь тесен и я не нахожу иного способа преподать доказанную истину, чем тот, который подойдет одному достойному и не устроит десятки тысяч невежд, я предпочту поведать это ради него одного, не обращая внимания на хулу со стороны этого множества народа; я буду настаивать на том, чтобы спасти этого единственного достойного от того, в чем он запутался, и в его растерянности укажу ему путь, пока он не достигнет совершенства и не обретет покоя».

«Наставление» Маймонида к «Путеводителю растерянных», из которого взяты эти слова, призвано объяснить цели и методы автора. Однако возникает вопрос: не подразумевает ли оно также неразрешимый на первый взгляд конфликт между верой и разумом, который Маймониду приходилось решать на протяжении всей своей жизни? Ибо с тех пор, как человеку стали доступны научные данные и логика, писал Маймонид, он не может быть успокоен, пытаясь сохранить свои религиозные убеждения, если для этого ему приходится отрицать то, что он узнал от ученых и философов и; его беспокойство будет тревожить его и не исчезнет, пока он не найдет некоего соответствия, что устранил тот осадок сомнения, от которого он не может избавиться. Иными словами, «Путеводитель растерянных», вопреки блеску и учености его автора, остается несовершенным разрешением конфликта, когда под его несовершенством следует понимать невозможность найти когда-либо совершенное разрешение. Из этого следует, что два вышеупомянутых пути восприятия Вселенной и человечества могут сочетаться наилучшим образом в поиске той общей почвы, на которой оба этих пути могут существовать дальше. И напротив, пытаясь основать их на единой истине или открыто отказываясь от одного из них, поставленной цели не добиться. Именно эту задачу пытался решить Маймонид в своем «Путеводителе» – показать тем относительно немногим людям, которые способны воспринять это, что намного чаще, чем мы представляем себе, вера и разум могут разделять общие основы и рассматриваться в единой перспективе. И хотя непосвященные думают, говорит Маймонид, что между верой и разумом постоянно нарастает конфликт, пристальное рассмотрение проблемы приводит нас к выводу, что данное противостояние только кажется конфликтом. Этот конфликт исчезает, если просвещенный и подготовленный наблюдатель внимательно рассмотрит текст с аналитической точки зрения. Когда вера и разум сталкиваются друг с другом, Тору нередко можно рассматривать как аллегорию, пишет Маймонид. Разумеется, некоторые положения Священного Писания можно обоснованно опровергнуть, и потому их следует интерпретировать как-то иначе. Однако слова Писания не могут быть отвергнуты – ведь они продиктованы Моисею Богом и потому непогрешимы, ибо имеют божественное происхождение. Только с этой оговоркой, по твердому убеждению Маймонида, аристотелевские положения могут и должны привлекаться для объяснения еврейского Писания – как Торы, так и Талмуда, – что принесет немалую пользу религии его народа, возможно, даже в глазах нееврейского мира.

«Назначение же данного трактата – наставить благочестивого мужа, чья душа восприняла и в чьих убеждениях упрочилась истинность нашего Закона; человека, чье благочестие и моральные качества совершенны и который при этом сделал предметом своего умозрения философские науки и постиг их смысл; и увлек его человеческий разум, и указал путь в свои края, но преградил ему путь внешний смысл Закона, и то понимание многозначных, переносных или неопределенных имен, к которому некогда пришел он сам, или то, которому его научили. И оказался он в растерянности и сомнении: следовать ли разуму, отвергая то, чему, по его мнению, учат упомянутые имена, и полагая тем самым, что отвергает основы Закона, либо оставаться с тем, что он понял из

них, не следуя за разумом? В последнем случае ему придется отвергнуть разум, отвернуться от него, осознавая вместе с тем, что он принесит вред себе самому и умаляет свое благочестие; ему придется остаться с этими фантастическими верованиями, ощущая тревогу и подавленность, в неизбывном сердечном сокрушении и великой растерянности».

Маймонид работал над «Путеводителем» более трех лет. Этот труд был завершен в 1190 году, когда его автору исполнилось пятьдесят два года. В ходе работы Маймонид постоянно страдал от приступов сердечной болезни, которые отнимали у него немало сил. С самого начала работы Маймонид сознавал, что поставил перед собой огромную задачу. Попытки сгладить противоречие между верой и разумом оказывались тщетными при рассмотрении некоторых вопросов, ибо несоответствие двух возможных точек зрения было неразрешимым, вопреки всем усилиям устранить различия. Когда Маймонид оказывался в подобном положении, он чаще всего приходил к выводу, что заблуждается не вера, но философия или наука.

Однако были и исключения. Если факты указывали на ошибку раввинистических комментаторов, Маймонид признавал это без колебаний. Комментируя те или иные ошибки, допущенные мудрецами, например, в оценке астрономических расстояний, Маймонид писал, что попытка исправить их оправдывается тем, что ошибочные утверждения основывались на науке того времени, а не на неоспоримых пророческих изречениях.

«И не проси меня показать, что все, что они (мудрецы Талмуда) говорили об астрономии, соответствует действительности. Ибо в то время математика была несовершенна. Они же говорили так, не передавая предписания пророков, но как носители знаний того времени в упомянутых областях, или же потому, что сами слышали эти мнения от знающих людей, которые жили в то время»[62]. Ниже Маймонид говорит: в тех случаях, когда можно доказать, что тот или иной факт или вычисление в самом деле являются ошибочными – например, при определении астрономического расстояния, – сделать это необходимо. Это было довольно смелое утверждение, и Маймонид был первым, кто сформулировал его. В этом вопросе он занял очень твердую позицию. По мнению Маймонида, когда слова законоучителей противоречат доказанным фактам, «к раввинистическим утверждениям следует относиться как к частному мнению, но не как к галахическому закону. А значит, их можно опровергать»[63].

В смысл этих слов стоит вдуматься. Их автор спорит с мудрецами Талмуда исключительно на логических основаниях, однако не только подтверждает авторитет Талмуда, но и способствует его укреплению, исправляя очевидные ошибки. Для Маймонида написание «Путеводителя» было не столько попыткой примирить две различные точки зрения, сколько показать, что они совместимы друг с другом, более того – что каждая из них подтверждает другую. Представляется очевидным, что уже в самых ранних своих сочинениях Маймонид выражает убежденность в том, что греческая логика и философия вовсе не обязательно вступают в противоречие со Священным Писанием. Нужно только интерпретировать последнее на должном интеллектуальном уровне, который доступен тем, кто обладает достаточной подготовкой для понимания сложностей и подлинного значения Писания. Увидеть это значение сквозь призму парабол и метафорических аллегорий довольно сложно, и труд Маймонида был призван стать путеводителем для тех избранных читателей, достаточно умных и образованных, которые готовы пуститься вместе с автором на поиски подлинных истин еврейского Закона – истин, во многом подтверждаемых философскими методами.

Следует признать, однако, что проблему соотношения веры и разума пытался решить не один Маймонид, и предлагаемые им способы разрешения этого противоречия не были уникальны. Современник Маймонида Аверроэс также высказывал подобные соображения. Сходную постановку вопроса мы можем обнаружить и в трудах прочих мыслителей того периода. Авиценна пытался разрешить эту проблему в самом начале XI в., как и еврейский поэт и философ, живший в Андалузии, Ибн Габироль[64]. Столетием позже эта тема увлекла столь блистательных мыслителей, как Альберт Великий[65] и его ученик Фома Аквинский[66], причем оба христианских философа считали полезным изучать работы своих раввинистических предшественников. Едва ли было бы преувеличением сказать, что эта тема стала одной из основных философских проблем XI, XII и XIII в. В последующие столетия она также занимала видное место в философских рассуждениях. Отзвуки слов вышеупомянутых христианских, мусульманских и еврейских мыслителей можно услышать и по сей день.

Впрочем, для Маймонида использование философских методов не предполагало согласия с философами во всем. То обстоятельство, что порой он отвергал их учение, ибо оно не соответствовало его взгляду на непреложный характер богооткровенной истины, не уменьшало его убежденности в том, что и к вере, и к философии можно прибегать для того, чтобы они подкрепляли друг друга.

Конечно, логику и веру никогда нельзя отождествить друг с другом, говорит Маймонид в другом месте, однако в них заложены принципы, взаимно их подкрепляющие, хотя только избранные способны воспринять их. Поскольку Маймонид считал, что «Путеводитель», ради блага тех же избранных, упрощать не следует, вот уже много столетий его труд считается орешком, который не всякому по зубам. В нем много эзотерики и комментариев, отдающих мистикой, которые со времен написания «Путеводителя» ставят перед учеными все новые и новые загадки. Безусловно, в этом труде содержится намного больше, чем кажется на первый взгляд, и в столетия, что отделяют нас от Маймонида, немало споров было посвящено вопросу, насколько больше. Много споров, особенно в последнее время, было посвящено и другой проблеме: что же именно скрыл Маймонид в трудных для понимания строках своей великой книги? Находятся и такие исследователи, которые считают Маймонида более «греком», нежели иудеем.

Таких ученых сложно упрекнуть. Маймонид был религиозным вождем Средневековья, и вместе с тем его суровое отношение к понятию философской истинности очень напоминает отношение его предшественников из среды последователей Гиппократов. В свою очередь, этот подход проявится в последующие столетия в философских трудах последователей Маймонида. «Человек не должен верить в то, – пишет Маймонид, – что не подтверждается либо рациональным доказательством, как в математической науке, геометрии или календарных вычислениях; либо ощущениями [одного из пяти] чувств... либо авторитетной традицией, полученной от пророков или праведников» [67]. Такой фактор, как авторитет, не будет отброшен вплоть до эпохи Просвещения XVIII в., но даже в свете этого стандарты Маймонида очень высоки: подвергать сомнению нельзя только слова пророков или праведников. Это утверждение можно рассматривать как ссылку на авторитет только тех пророков и праведников, что названы таковыми в Библии, первые пять книг которой написаны самим библейским Моше. Это утверждение Рамбама в большей степени свойственно рационалистическому мыслителю, чем верующему человеку, чья вера не знает сомнений; а если мы примем во внимание время, в которое он жил, то эти слова можно приписать только такому мыслителю, который был последователем Аристотеля.

Маймонид сознавал, что начатый им в «Путеводителе» труд может быть завершен только отчасти. К тому же из своего опыта с МишнеТора он знал, что рискует стать мишенью для нападок не только тех читателей, которые не согласны с ним, но и тех, чьи мотивы далеко не так объективны.

«Я не берусь утверждать, что данный трактат разрешит все затруднения для того, кто поймет его, однако утверждаю, что он разрешит большинство затруднений, и наиболее серьезные из них. И потому пусть не требует от меня разумеющий и пусть не надеется, что во всех случаях, когда мы приступаем к изложению определенного предмета, мы завершим его, или, начав разъяснять смысл какой-либо аллегории, мы исчерпаем все, что содержится в этой аллегории. Это недостижимо ни для одного мудреца, даже в устной речи, напрямую обращенной к собеседнику; как же изложить это письменно в книге, не сделав ее мишенью для всякого невежды, который возомнит себя ученым и вздумает метать в нее стрелы своего невежества?» [68]

Так и случилось. Многие читатели превозносили «Путеводитель» (хотя поняли его лишь частично), но было и немало таких, которые придерживались иного мнения, и среди них – давние противники автора. Яростные споры о значении этой книги продолжались и после смерти Маймонида; их нередко можно услышать и сегодня. В споре принимают участие и те, кто видит в этой книге только буквальное значение (впрочем, даже поверхностный уровень ее понимания представляет немало трудностей), и те, кто находит в ней эзотерический смысл; вероятно, устные и письменные дискуссии на эту тему никогда не прекратятся.

В те годы, когда Маймонид писал Йосефу ибн Акнину письма, легшие позднее в основу «Путеводителя», ноша забот опустилась на его плечи с новой силой. Он был известен во всем мире; его медицинская практика росла, число обязанностей при дворе султана увеличивалось, еврейская община Египта требовала его совета все чаще, и с каждым днем Маймонид был вынужден уделять этим делам все больше и больше времени. К нему все чаще обращались, чтобы уточнить смысл отдельных положений Закона и талмудических дискуссий; число писем, на которые нужно было дать ответ, постоянно возрастало. Многие письма он писал собственноручно, тем же самым пером, которым писал и свои сочинения. В послании, отправленном Йосефу ибн Акнину приблизительно в этот период, он рассказывает, что загруженность мешает ему изучать какие-либо книги, кроме медицинских, и что лишь в субботу он может найти время для того, чтобы читать Писание. В том же послании он говорит о том, какого положения ему удалось добиться при дворе: «Как врач я пользуюсь громкой

славой среди высших сановников: у главного судьи, у эмиров, в доме Аль-Фадилья и прочих власть имущих». И затем добавляет с нескрываемым сожалением: «Из-за моего высокого положения у простых смертных нет доступа ко мне». Кроме того, в 1187 году Маймонид был назначен нагидом, что позволяло восстановить былой авторитет этой должности, но вместе с тем прибавляло много новых забот. Теперь Рамбам был главным раввином всех еврейских общин в империи Салах Ад-Дина, верховным судьей местных евреев, главой всех попечительских обществ и административным руководителем, ведавшим назначениями на все должности. Но это еще не все: в 1187 году он был назначен врачом при дворе Салах Ад-Дина.

Спор со Шмуэлем бен Али причинял Рамбану много тревог и страданий, однако, по крайней мере, не нес в себе прямой угрозы его жизни. Опасность для жизни нависла над ним во время другого конфликта, в который он оказался вовлечен в те годы. Как мы уже рассказывали, в фесе жизнь Маймонида спас его друг-мусульманин Абу-ль Араб ибн Моиша. Ибн Моиша вступился за Маймонида, когда власти феса обвинили того, что его обращение в ислам было ложным. Неизвестно, заключили ли Маймонида в Тюрьму, но мы знаем, что он оказался в руках властей и едва избег участи своего учителя, выдающегося раввина Йегуды ибн Шошана, которого пытали и казнили по обвинению в том же преступлении. Рискую жизнью, ибн Моиша выступил в защиту своего юного друга и уверил его обвинителей в том, что тот действительно исповедует ислам. Ибн Моиша был убежден, что это правда. Его отважный поступок способствовал освобождению Рамбама и в конце концов позволил ему и всей семье рабби Маймона бежать в Александрию.

Можно представить себе, как был разочарован ибн Моиша, когда, приехав по делам в Фостат в 1187 году, обнаружил, что его старинный друг, ради которого он когда-то так рисковал, будучи убежден, что тот мусульманин, теперь является главой еврейской общины. Он почувствовал, что Рамбам предал не только его веру, но и самую дружбу и обвинил старого друга как «оступившегося обращенного». За такое преступление полагалась казнь, даже если преступник был врачом при дворе Салах Ад-Дина.

Поскольку Аль-Фадиль высоко ценил своего нового врача, он возглавил трибунал, который должен был вынести приговор по делу Маймонида. Аль-Фадиль был намного терпимее к другим религиям, чем большинство мусульманских правителей того времени, а кроме того, представлял власть султана, прославившегося своей терпимостью к христианам и иудеям. Проявив свойственное ему великодушие, Аль-Фадиль провозгласил, что Маймонид на самом деле не был обращен в ислам, а значит, по закону не может быть обвинен в вероотступничестве. Благодаря этому обвиняемый был отпущен на свободу.

В том же 1187 году Салах Ад-Дин одержал большую победу над армией христиан и утвердился в Иерусалиме. Еще раз продемонстрировав свою гуманность, он запретил своим солдатам разбойничать в городе и учинять резню среди мирного населения, как было за восемьдесят восемь лет до этого, когда Иерусалим захватили крестоносцы. Кроме того, Салах Ад-Дин – как считают многие, по просьбе Маймонида – предложил всем евреям своей империи вернуться в Землю Израиля. Среди легенд о Рамбаме есть предание о том, как предводитель разбитых христианских войск Ричард Львиное Сердце, вернувшись в Англию в 1192 году, обратился к Маймониду с посланием, в котором просил его стать своим личным врачом, но Маймонид ответил королю отказом. Эту эпоху, впрочем, едва ли можно назвать удачной для добровольного переезда еврея в христианскую страну, особенно если вспомнить, какой терпимостью было отмечено правление Салах Ад-Дина в подвластных ему землях. Ненависть к евреям в Англии была особенно сильна, там постоянно происходили еврейские погромы, и через два года после описываемых событий, во время Третьего крестового похода, очередное народное восстание унесло большое число еврейских жизней [69].

Когда в 1190 году Рамбам закончил «Путеводитель растерянных», к нему стали приходить письма от евреев, живущих в христианских странах. Они просили перевести этот труд на иврит. У самого Маймонида не было на это времени, и он очень обрадовался, когда раввины Прованса обратились к нему с просьбой предоставить им арабскую копию его сочинения, поскольку за перевод намеревалось взяться высококочтимый ученый Шмуэль ибн Тиббон. К тому времени существовало уже два других перевода «Путеводителя» на иврит, однако они были сделаны переводчиками не столь искусными в своем ремесле, и ни один из этих переводов не был полностью удовлетворителен. И потому Маймонид был очень польщен, когда ему сообщили, что Шмуэль ибн Тиббон, чей отец был также известным ученым и переводчиком, собирался создать перевод книги, который могли бы читать евреи повсеместно. С согласия Рамбама название

книги было переведено как Море невухим («Наставник колеблющихся». – Прим. ред.).

Ученые вступили в переписку, и Шмуэль ибн Тиббон мог просить совета Маймонида в трудных для перевода местах. В одном из своих писем Маймонид дал ему несколько советов, которые могли бы послужить руководством для всякого переводчика.

«Тот, кто соберется переводить и захочет каждое слово переложить буквально, и в то же время будет раболепно следовать порядку слов и фраз оригинала, встретит много трудностей; его переложение будет ошибочным и ненадежным. Это неправильный метод. Переводчик должен, во-первых, совершенно понять суть отрывка, а затем совершенно ясно изложить намерение автора на другом языке. Этого, однако, не сделать, не внося изменения в порядок слов, не приводя многих слов вместо одного и, наоборот, не добавляя или не убирая слова таким образом, чтобы предмет мог быть совершенно понят на языке, на который он переводит» [70].

Шмуэль ибн Тиббон, как правило, следовал этому совету, однако не показал себя мастером стиля, как на то рассчитывал Маймонид. Хотя его перевод считается очень точным, современные ученые указывают на то, что он очень тяжел и местами даже более сложен для понимания, чем оригинал. Ритм, гармоничность и тонкость, которую находят ученые в оригинальном тексте Рамбама, не присуща тексту Море невухим.

Работая над переводом, Шмуэль ибн Тиббон написал Маймониду и попросил у него позволения посетить его в Фостате. В полученном им ответе Маймонид описал ношу, которая легла на его плечи в последние годы, когда различные обязанности, возложенные на него, каждый день испытывали его выносливость, подвергая опасности его здоровье и самую жизнь. Вероятно, из всех сочинений Маймонида это письмо цитируется чаще всего. Оно было написано в 1199 году, когда Маймонид, которому был тогда шестьдесят один год, выздоравливал после приступа сердечной болезни, в те годы уже неотступно преследовавшей его. Хотя то, что описано в этом письме, по-видимому, никоим образом не может быть поставлено под сомнение, современный читатель

*

вправе задать вопрос: не потому ли это письмо написано столь подробно, что его автор просто пытался отговорить своего корреспондента от посещения, которое могло бы отнять еще несколько часов его драгоценного времени? «Видит Бог, что для того, чтобы написать это тебе, я скрылся в глухом месте, где люди не подумают меня искать, и иногда опираюсь для поддержки о стену, иногда ложусь по причине моей страшной слабости, ибо я стал стар и немощен.

Что же касается твоего визита ко мне, то я могу лишь сказать, какой большой радостью был бы твой приезд для меня, ибо я подлинно желаю беседовать с тобой и предвкушаю нашу встречу даже с большей радостью, чем ты. Все же я советую тебе не подвергать себя опасностям пути, ибо помимо того, что ты меня увидишь, и помимо того, что я сделаю все для того, чтобы почтить тебя, твое посещение Фостата не принесет тебе никакой пользы. Не ожидай, что тебе удастся обсудить со мной тот или иной научный предмет в течение хотя бы одного дневного или ночного часа, ибо мой день заполнен следующим образом. Я живу в Фостате, а султан находится в Каире (в то время султаном был сын Салах Ад-Дина, Аль-Афдал; нет никаких свидетельств о том, что Маймонид хотя бы раз встречался с Салах Ад-Дином. – Прим. автора); расстояние между двумя этими городами составляет два расстояния, которые могут быть пройдены в субботу (полторы мили. – Прим. автора). Мои обязанности при дворе султана очень тяжелы. Я обязан посещать его каждый день рано утром, и когда он, или любой из его детей, или любая из обитательниц его гарема чувствуют недомогание, я не смею покинуть Каир, но обязан оставаться большую часть дня во дворце. Также часто случается, что заболевает один или двое придворных, и я обязан посещать их до полного исцеления. Таким образом, как правило, я отправляюсь в Каир ранним утром, и даже если не случилось ничего необычного, не возвращаюсь в Фостат до полудня. К этому времени я уже чуть не умираю от голода... Моя приемная заполнена людьми, евреями и неевреями, знатными и простолюдинами, судьями и судебными чиновниками, друзьями и недругами – разношерстной толпой, ожидающей моего возвращения.

Я схожу с осла, мою руки, иду к своим пациентам и умоляю их потерпеть, пока я вкушу немного еды для подкрепления сил, свою единственную трапезу за весь день. Затем я иду к пациентам и выписываю рецепты для излечения их разнообразных недомоганий. Пациенты заходят и выходят до наступления темноты, а иногда, в чем я клятвенно тебя заверяю, и до двух часов ночи. Я беседую с ними и выписываю им рецепты, и, когда наступает ночь, мои силы настолько истощены, что я едва могу говорить.

Поэтому никто из евреев не может посоветоваться со мной, кроме как в субботу. В этот день все члены общины или, по крайней мере, большинство их

приходят ко мне после утренней службы, и я наставляю их и отвечаю на вопросы, связанные со всем, что произошло за последнюю неделю. Мы изучаем Тору до полудня, а потом они уходят. Некоторые из них возвращаются и изучают Тору вместе со мной после дневной молитвы вплоть до вечерней. Так я провожу этот день. Я рассказал тебе далеко не все, что ты увидел бы, если бы приехал ко мне сюда. Теперь, когда ты, к нашей радости, завершил начатый тобой перевод, я прошу тебя о приезде, но вовсе не с надеждой извлечь какую-либо выгоду из твоего визита в отношении твоих занятий; ибо мое время, как я показал тебе, чрезмерно занято» [71].

И словно всего этого было недостаточно, в последние десять лет жизни Маймонид написал около десяти небольших трактатов по медицине. Считается, что первой была книга «О половом сношении», написанная Маймонидом по просьбе племянника Салах Ад-Дина, Аль-Музаффара Умара ибн Нур-Ад-Дина, который был султаном сирийского города Хама. Султан был очень худым человеком, почти истощенным. Тем не менее он отказался последовать совету Маймонида и жестко ограничить свою сексуальную жизнь. Он по-прежнему предавался безудержным утехам с молодыми обитательницами своего гарема и другими женщинами. Когда султан оказался в ситуации, описанной Маймонидом как «резкое увеличение числа налогов», он попросил Маймонида написать для него руководство, которое помогло бы ему наилучшим образом использовать выпавшую на его долю удачу, не подвергая риску свое здоровье. При написании этой книги Маймонид следовал давно установившейся практике в арабской литературе. В ней давно существовал подобный жанр, в рамках которого писались как сугубо клинические труды, так и учебники супружеской жизни и даже вопиюще непристойные тексты. Впрочем, назначение у литературы такого рода было одно – помочь читателям решить разнообразные проблемы, связанные с их интимной жизнью. Книга, написанная Маймонидом, описывает правильное использование целебных трав, перечисляет средства, возбуждающие половое влечение, и средства, его успокаивающие, а также дает руководство по таким практическим действиям, как массаж копчика, анального сфинктера и того, что расположено выше. Рекомендуются также пить вино, сделанное из горчака, потому что оно «в большой мере увеличивает наслаждение от полового сношения».

Маймонид написал целую серию медицинских монографий – дополнительная нагрузка, которая еще больше истощила его силы. Как всегда, на горизонте маячили новые проекты: поскольку Маймонида критиковали за отсутствие ссылки в Мишне Тора, он намеревался добавить их и исправить то, что представлялось ему ошибочным; его труды переводились на иврит, и следовало наблюдать за этой работой; он давно хотел написать книгу о Иерусалимском Талмуде; кроме того, он думал написать и другие трактаты. Однако он очень быстро старел – тело, измученное заботами, дряхлело с каждым днем. В 1193 году умер Салах Ад-Дин, а пятью годами позже власть перешла в руки его распутного сына, Аль-Афдала, который назначил Маймонида главным придворным врачом. Но два года спустя, когда Аль-Афдал потерял трон, главный придворный врач был уже слишком болен и немощен, чтобы каждый день добираться до Каира.

И тем не менее он по-прежнему писал письма и респонсы. И хотя он нуждался в помощи своего племянника, который служил ему писцом, он продолжал работать до последнего дня своей жизни. Маймонид умер 13 декабря 1204 года (20 тевета 4965 года по еврейскому календарю), диктуя последнюю главу собрания своих афоризмов. Ему было шестьдесят шесть лет. Еврейская община объявила трехдневный траур, который следовало проводить в молитве и размышлениях. Многие мусульмане разделили горе евреев.

Даже после его смерти вокруг образа великого раввина продолжали создаваться легенды. Одна из них – легенда о похоронах Маймонида. Согласно одной из ее версий, гроб с телом Рамбама был водружен на спину осла, которому позволили идти куда пожелает, и осел остановился только в Тверии. По другой версии, более распространенной, на похоронную процессию, направлявшуюся в Тверию, где Маймонид завещал себя похоронить, напала шайка разбойников-бедуинов. Разбойники попытались сбросить гроб в море. Однако гроб по необъяснимой причине оказался неподъемен, и разбойники пронились убеждением, что в нем лежат останки святого человека, которому следует воздать почтение. Присоединившись к процессии, они проводили Моше, величайшего еврейского мудреца со времен Моше, до места упокоения.

Глава VII. Маймонид-врач

«И хотя с детства моего Тора была обручена со мною и всегда владела моим сердцем, как жена юности моей, чуждые мне женщины, которых я взял в дом свой, чтобы быть ей служанками, стали ее соперницами и отняли у меня немало времени».

Письмо Маймонида Ионатану Лунельскому во Францию, 1195 г.

По словам Ибн Аби Усайба, мусульманского врача, жившего в Сирии в XIII в.,

Маймонид «как в практике, так и в теории медицины занимал исключительное место». В данном, весьма коротком, утверждении мы видим историческую оценку, которую стоило бы проанализировать, чтобы попытаться ответить на вопрос: соответствует ли действительности повсеместно принятый тезис о том, что Маймонид, как в свое время, так и в последующие эпохи, занимал выдающееся положение в медицинской науке? В самом деле, насколько исключительное место он занимал как врач и теоретик медицины?

Такой анализ принято начинать с эпохи. Каково было состояние медицинской теории и практики в XII в., и как на него повлияли научные труды Маймонида и его повседневные врачебные занятия? Удалось ли ему добавить что-то к сумме доступных тогда знаний? Совершил ли он какие-либо научные открытия? Насколько существенные изменения претерпела медицинская наука к моменту его смерти, или же его жизнь не внесла никаких изменений в состояние тогдашней медицины? И самое главное: оставил ли он такое наследие, которое врачи новых поколений смогли использовать как великую традицию для своего искусства и своей науки?

Маймонид жил в эпоху, когда медицина, как и многие другие области человеческого знания, пребывала в состоянии, так сказать, дремотного ожидания. И хотя исторические исследования последних лет показали, что нередко использование слова «средневековый» как синонима интеллектуальной стагнации неоправданно, даже самые рьяные апологеты этих столетий не могут не признавать, что такое отношение не лишено некоторой доли справедливости по отношению к определенным областям человеческого знания. И медицина была одной из таких областей.

В Средние века те или иные авторитеты обладали последним словом в дискуссиях, затрагивающих вопросы веры, философии и естествознания. На протяжении многих веков вся медицинская мысль находилась в тени одного-единственного авторитета. Этим колоссом был живший во II в. н.э. греческий врач Клавдий Гален, родившийся в Пергаме. Основываясь на учении школы Гиппократов, Гален сформулировал медицинскую теорию о балансе в человеческом организме четырех жидкостей, называемых «соками». По его мнению, недостаток или избыток любой из них – крови, флегмы, желчи и черной желчи – приводит к болезни. Болезнь можно излечить, восстановив баланс, для чего нужно использовать слабительное, клизму, кровопускание и другие подобные методы. Но к этим средствам следует прибегать только в крайнем случае. До того больного лечат диетой, сложными травяными составами, которые способны устранить избыток той или иной жидкости. В некоторых случаях применялась и простейшая хирургия – например, при ранениях, инфекциях или тяжелых болезнях, а также опухолях на поверхности тела.

Всю жизнь Гален умело привлекал внимание широкой публики к своей медицинской практике и экспериментам. Он не только способствовал распространению учения Гиппократов о жидкостях и прочих методах диагностики и лечения – он пошел намного дальше, провозгласив себя единственным интеллектуальным наследником древнего Отца медицины. Он читал публичные лекции, нередко сопровождая их драматическими экспериментами на живых животных. Перед толпами энтузиастов он рассказывал о физиологических и анатомических особенностях млекопитающих, которые до того были неизвестны науке. Он оставил многочисленные сочинения, написанные напыщенным слогом, в которых рассказал о своих исследованиях и методах лечения заболеваний. В своих трудах, нередко грешащих бахвальством, он неоднократно заявляет, что только его методы являются истинными. Он оставил немалое наследие – когда в начале XIX в. его сочинения были собраны и переведены на немецкий, они заняли двадцать два толстых тома ин-октаво.

Гален был не только самым известным медиком своего времени и личным врачом Марка

Аврелия. Он провозгласил себя адептом медицины на все будущие времена.

«Тот, кто хочет прославиться своими делами, а не только ученой речью, – обращается он к медикам будущего, – должен лишь затратить немного сил на ознакомление с тем, чего я достиг упорными трудами всей моей жизни». С точки зрения Галена и многих поколений его последователей, слепо верящих ему, он открыл все, что требуется знать о человеческом теле, о его болезнях и методах их лечения; он якобы создал законченную медицинскую систему, которая не требовала никаких изменений. И многие поверили этому. Ни один человек до Галена не удостоился такого почета, и никто столь пламенно не убеждал читателей в своей непогрешимости. Гален оставил целый ряд теоретических сочинений и свод предписаний, который казался столь непреложным, что на протяжении почти пятнадцати столетий ни у кого не возникала мысль оспаривать этот медицинский канон.

К IV в. н.э. Рим постепенно стал уступать власть Византии, столицей которой был Константинополь. Основные силы Византийской империи уходили на войны, военные столкновения и столь изощренные интриги, что слово «византийский»,

которыми мы их сегодня характеризуем, прочно вошло в наш словарь. Наука же почти не прогрессировала – ее развитие остановилось почти во всех христианских государствах, не исключая и государства Западной Европы. Однако в VIII в., когда мусульмане ворвались в Европу с Аравийского полуострова, они увлекли другие народы своей страстью к просвещению, которая легла в основу блистательной культуры, стремительно распространяющейся на территориях, подвластных завоевателям. Можно сказать, что, в отличие от христиан, мусульмане начали свое существование с ренессанса.

Одним из самых ярких свидетельств просвещенческого пыла мусульман можно назвать перевод на арабский язык древнегреческих научных текстов. Путеводными звездами исламских мыслителей стали такие ученые и философы, как Евклид, Птолемей и особенно Аристотель. В основу новой арабской медицины легли труды Гиппократ и его последователей, а также Галена. Арабская медицина выросла преимущественно из этих трудов, поскольку они были широко распространены – ведь они считались наиболее значительными медицинскими трактатами греко-римского периода. Арабские врачи не были знакомы с оригинальными греческими текстами; как правило, им были доступны комментарии к переводам с греческого, сделанными в конце VIII – начале IX в. еврейскими, сирийскими и персидскими учеными. Переписчики и переводчики основывались на оригинальных греческих манускриптах, но их все сложнее было разыскать. Поэтому нередко источником для последующих переводов служили латинские переводы, сделанные византийскими учеными в IV, V и VI в. Другим важным источником информации служил семитомный труд Павла Эгинского – ученого, жившего в VII в. В этом труде излагалось учение Гиппократ и Галена; он был переведен с латыни на арабский спустя два столетия после написания. И хотя сочинение Павла Эгинского представляло собой новое расширенное толкование трудов этих греческих ученых, оно служило краеугольным камнем арабской медицинской науки на протяжении всего времени, когда мусульманские врачи были на пике своей славы.

Большой популярностью пользовались сочинения, написанные целым рядом византийских, еврейских и мусульманских врачей и основанные на переводах и пересказах оригинальных греческих текстов. Авторы этих сочинений комментировали труды предшественников и нередко вставляли в них собственные тексты, допуская ошибки, характерные для трудов «ревизионистов». Даже величайшие исламские теоретики того времени, читавшие сочинения греческих авторов в переводах VIII-IX в., осуществленных с оригиналов, довольно часто неверно истолковывали их идеи или искаженно перефразировали их. Большим авторитетом пользовался обширный труд, составленный наиболее почитаемым мусульманским врачом XI в., Абу Али Хусейном ибн Абдуллахом ибн Синой, на Западе известном как Авиценна. Однако многое в его труде, как и в других арабских канонических сочинениях, было всего лишь пересказом сочинений Галена, довольно часто неверно понятых. Но самым главным было то, что в книге Ибн Сины принижается ценность клинического опыта и вместо того превозносится логика и рассуждение. В результате ученики и читатели Авиценны не придавали большого значения своим личным наблюдениям, которые на деле являются самой прямой дорогой к пониманию болезни и нахождению способа ее лечения.

Так или иначе, арабские книги стали своего рода хранилищем греческой медицины и науки в целом. Очевидно, что эти тексты были намного более точными, когда они переводились непосредственно с греческого, по сравнению с теми случаями, когда промежуточным этапом для них служили латинские переводы, которые делали византийские и прочие авторы, не говоря о том, что множественный перевод во много раз умножал вероятность ошибки. И хотя Маймонид был очень хорошо знаком с трудами своих наиболее видных арабских предшественников и порой цитировал их в своих собственных медицинских сочинениях, похоже, он достиг своих познаний намного менее кружным путем, чем многие из них. Он знакомился с античными текстами в арабском переводе, сделанном непосредственно с греческого, и не рассчитывал на помощь поздних комментаторов и толкователей.

Обычай, позволявший мусульманским и еврейским врачам, писавшим на арабском, добавлять свои комментарии к переводам древних авторов, нередко способствовал распространению новых идей. Поскольку арабоязычные авторы приносили в греческую медицинскую литературу не только комментарии, но и редакторскую правку, перед врачами того времени открылась возможность добавлять к этим текстам свою собственную точку зрения на теоретические положения медицинской науки. Именно так вершился описываемый здесь великий исторический процесс, благодаря которому теории мусульманских и еврейских мыслителей вошли в инструментарий древнегреческой медицины. Все наиболее значительные фигуры арабской медицины – Гали Аббас (Али ибн Аббас), Разес (Мухаммад ибн Захария ар-Рази), Авиценна (Ибн Сина), Альбуказис (Абу-ль

Касим Зағрави), Авензоар (Ибн Зуғр), Аверроэс (Ибн Рушд) и еврейский ученый Ицхак Исраэли – все они в той или иной мере были интерпретаторами Галена. Их исторический вклад в медицину заключается не в том, что они сделали какие-то новые открытия, но в том, что их свежее видение древних учений оказалось полезным для врачей того времени и более поздних эпох. Именно в свете этого историки рассматривают вклад в медицину самого Маймонида. Иными словами, Маймонид не открыл ничего нового. Он не был исследователем и не внес уникального вклада в клиническую практику. Он, как и многие другие видные врачи того времени, был толкователем медицинского искусства в том виде, в каком оно было передано ему Гиппократом и особенно Галеном. Толкование Маймонида основывалось на его личном мировоззрении и опыте, приобретенном в работе с многими тысячами пациентов. Мировоззрение Маймонида включало в себя не только клинический подход к лечению заболевания, но и принятие во внимание физиологических и духовных аспектов болезни, а также соображения этического характера, присущие Маймониду как необыкновенно сострадательной натуре и как еврею.

Маймонид встал на медицинское поприще тогда, когда почти ничего не было известно об анатомии человеческого тела и физиологии его внутренних органов. Болезнь представлялась обобщенно – как своего рода «беспорядок» в организме пациента, тогда как сегодня заболевание понимается как неисправность какого-либо отдельного органа или совокупности клеток или их компонентов. В то время болезнь считалась состоянием, которое характеризуется нарушением какого-либо равновесия в организме – например, дисбалансом четырех «соков». Врачи того времени считали, что причиной болезни может быть нарушение работы одного из механизмов, вовлеченных в общую деятельность организма. Воздействовать на течение болезни можно только посредством восстановления баланса. При этом медицина того времени не могла опереться ни на какие исследования анатомии или физиологии органов или тканей, прежде всего потому, что подобные исследования в то время не выходили за рамки сбора самых поверхностных сведений. Более того, освященная временем греческая брезгливость к более чем необходимой работе с мертвым телом, подчас доходящая до отвращения, стала причиной суровых ограничений на вскрытие трупов. И хотя в основе учения Гиппократа лежит принцип, согласно которому никакие сверхъестественные силы не могут рассматриваться как причина болезни или как методы ее лечения, врачи и особенно их набожные пациенты тем не менее довольно часто приписывали Богу активную роль в исцелении, дополняющую медицинскую терапию.

Как мы уже отмечали, терапия того времени заключалась главным образом в предписаниях касательно диеты и рекомендациях изменить повседневные привычки больного. Кроме того, использовались лекарства, составленные из различных растений, иногда с добавлением минералов или компонентов животного происхождения. Тот или иной «рецепт» мог включать в себя не меньше десяти ингредиентов подобного рода. Эта методика обязана своим происхождением Галену, который настолько любил прописывать сложносоставные микстуры, что они вошли в историю под названием «Галеновых препаратов». Немногие из этих травяных отваров, если их протестировать средствами XXI в., могли оказать хоть какой-то положительный эффект на течение болезни. Причина столь частного использования трав в лечении была скорее мистическая, чем подкрепленная реальностью; этот обычай утвердился благодаря представлению об их эффективности, основанном на наблюдении за такими качествами лекарства, как его цвет и форма, а также на многовековой привычке принимать желаемое за действительное. Как и роль жидкостей, роль такой терапии была скорее теоретической и была основана на традициях, которые передавались из одного поколения врачей в другое, причем начало им нередко было положено самим Галеном.

Для того чтобы стать врачом в Средневековье, нужно было изучить сочинения Галена и труды, приписываемые Гиппократу, в переводе либо на арабский язык, либо на латынь, в зависимости от того, в какой стране родился будущий врач. Многие честолюбивые врачи в мусульманских странах читали древних авторов исключительно в пересказе или под редакцией светил тогдашней медицины, как правило персов или испанцев, а иногда и евреев. Все эти авторы писали свои труды по-арабски. Было принято поступать в обучение к врачу, но лишь для того, чтобы увидеть, как будущие коллеги применяют Галеновы принципы на практике. Лучшими докторами считались те, кто яснее всего понимал принципы Галена и умел использовать его методы для лечения больных. Медицинский прогресс, как мы понимаем его сегодня – как непрерывно расширяющийся свод знаний о человеческом организме и о течении болезни, а также как особую философию, которая еще находится на стадии формирования, – прогресс этот с момента смерти великого грека в 201 году н.э. пребывал в дреме. Такое положение вещей практически не менялось до XVI в. Если бросить взгляд на состояние медицины в Средневековье, трудно отделаться от ощущения, что

пациентам становилось лучше или хуже не столько под влиянием тех или иных методов лечения, сколько в зависимости от естественного хода их заболевания.

Сегодня едва ли можно установить точно, каким образом Маймонид приобрел свои познания в медицинской науке. С большой долей уверенности мы можем утверждать, что начало его медицинским знаниям было положено в процессе общего образования, которое в то время предполагало всестороннее интеллектуальное просвещение молодого человека. Это требовало изучения как религиозных, так и светских дисциплин. Чтобы образование считалось полным, следовало изучить математику, астрономию, древнюю философию, ботанику и медицину – все эти науки, отметим, были наследием античной мысли. Кроме того, религиозные убеждения Рамбама вынуждали его рассматривать здоровье как неперемennое условие познания Бога. «Человек должен стремиться сохранить телесное здоровье и силу, – писал Маймонид в Первой книге Мишне Тора, – дабы его душа могла возвыситься и была в состоянии познать Бога». Но сразу же вслед за этим провозглашением веры он приводит тезис, который принадлежит скорее светской философии: «ибо невозможно никому познать науки и рассуждать о них, когда он голоден или болен». Двумя этими фразами, которые следуют одна за другой, можно вчерне обрисовать образ мышления великого мудреца. Если рассматривать их в совокупности, они могут обозначить две главные темы, которые проходят красной нитью через многие сочинения Маймонида, посвященные медицине, философии и естествознанию. Кроме того, мы можем видеть в них два мотива, которыми он руководствовался в жизни: познать пути Бога и познать пути человека и мироздания. Оба эти мотива требовали одного – упорной исследовательской работы. Сам Маймонид говорил, что две эти цели вовсе не противоречат друг другу, как думают многие.

Итак, мы можем допустить, что к изучению трудов Галена и Гиппократов Рамбам приступил еще в детстве. И можно почти не сомневаться в том, что он не оставил попыток продолжить свое образование, когда семья рабби Маймона скиталась по Восточной Испании, и самым внимательным образом изучал те тексты, которые попадали ему в руки. А если мы вспомним, что он обладал исключительной способностью запоминать наизусть прочитанные книги, то можем смело допустить, что ко времени своего приезда в Марокко Маймонид был уже довольно хорошо знаком с творчеством греческих ученых. В сочинениях Маймонида можно найти намеки на то, что в Фесе он имел возможность заниматься медицинской деятельностью вместе с другими врачами, и, таким образом, возможно, получил практический опыт лечения больных. Однако с тем же успехом мы можем допустить, что до начала своей медицинской практики в Фостате Маймонид никогда не учился практической стороне клинической медицины. Впрочем, следует отметить, что такое явление было весьма распространено, и не только отдельные честолюбцы, но и многие мусульманские врачи из числа наиболее известных полагали, что для успешной врачебной практики достаточно изучить соответствующие книги, и это будет вполне достаточной подготовкой к наблюдению пациентов. По нескольким документам из Каирской генизы нам известен арабский термин, который употребляли в то время для обозначения медицинского образования; в буквальном переводе он означает «читать что-либо с кем-либо» (куара'аала'а). Впрочем, как бы ни проходил Маймонид медицинскую подготовку – лишь путем самообразования или благодаря также некоторому клиническому опыту, – можно не сомневаться в том, что он неустанно изучал труды по медицине, ведь и во всем остальном ему был свойственен неустанный поиск. Если мы вспомним, какими глубокими познаниями Маймонид обладал в других областях науки, то неизбежно придем к заключению, что ко времени его приезда в Фостат он был авторитетным знатоком не только греческих медицинских трактатов, но также сочинений мусульманских и еврейских врачей своего времени. Судя по тем трактатам, на которые он ссылается в своих трудах, Маймонид, как мы уже говорили, читал греческих авторов в арабском переводе, сделанном непосредственно с оригинала. Так он ограждал себя от неизбежных ошибок, попавших в тексты по причине пройденного ими кружного греко-латино-арабского пути. Без всестороннего и подробного изучения трудов древних и современных ему авторов Маймонид никогда не смог бы написать трактаты, вошедшие в его медицинское наследие. Однако сколь бы ни было глубоко его знание медицинских текстов, именно обширный опыт практикующего врача помог ему достичь глубинного понимания сути болезней и методов их лечения и в конечном счете обусловил высокую ценность его собственных медицинских сочинений. Хотя эти работы представляют собой, как правило, выдержки из трудов современников и предшественников, читатель может легко убедиться, что они написаны не книжным червем, отстраненным от жизни, но мудрым и хорошо подготовленным клиницистом, который много работал с больными и знает, что глубокое сочувствие пациенту может способствовать его

выздоровлению. И это в эпоху, когда медицинские знания не были так доступны, как сегодня. Даже в тех случаях, когда он только повторяет медицинскую рекомендацию, найденную им в книге другого автора, он делает это с заботой и участием, которые пронизывают все дошедшие до нас труды Маймонида и окрашивают страницы «Комментария к Мишне», Мишне Тора и его многочисленных писем. В религиозных сочинениях Маймонида нередко можно встретить медицинские указания, касающиеся в основном профилактических средств и эмоционального здоровья. Двум этим темам уделяется немало внимания в Мишне Тора; в этом сочинении есть целая глава, названная «Болезни души».

Все медицинские трактаты Маймонида написаны по-арабски арабским шрифтом. Их содержание во многом сходно с медицинскими сочинениями арабских авторов того времени, однако отдельные черты, присущие и другим сочинениям Маймонида, свидетельствуют если не о научных открытиях, сделанных их автором, то, по крайней мере, о его новаторском подходе, особенно в том, что касается психологических аспектов болезни. В отдельных медицинских трактатах Маймонида это становится особенно очевидным.

Медицинские сочинения Маймонида недавно вышли в новом переводе на иврит; их общий объем составляет около пятисот страниц. Самым обширным и, несомненно, важнейшим является трактат, известный в переводе на иврит под названием Пиркей Моше, а в английском переводе как «Медицинские афоризмы Моше». Именно этот труд Маймонида получил наибольшую известность в христианской Европе. Вопреки своему названию, эта работа состоит преимущественно из цитат Галена и некоторых других греческих авторов. В ней представлен их подход к болезням и здоровью и излагаются те разделы их сочинений, в которых речь идет о кровотечении, очищении кишечника, рвотных средствах, хирургии и других методах терапии, а также женских болезнях. Книга составлена согласно общепринятым формам арабской медицинской литературы и разделена на двадцать пять глав, в каждой из которых содержится примерно тысяча пятьсот афоризмов, причем оригинальные среди них встречаются редко. Однако последняя глава в какой-то мере является отступлением от традиций, которым следовали в своих трудах почти все предшествующие Маймониду комментаторы. До появления этой книги лишь немногие авторы медицинских сочинений (наиболее известным из них был Ибн Зугр – Авензоар Кордовский, живший на поколение раньше) осмеливались оспаривать учение Галена – как отдельные его положения, так и общую концепцию. Маймонид восхищается своим знаменитым предшественником и тем не менее указывает на сорок ошибок в его трудах и на те места, где он противоречит сам себе. Кроме того, Маймонид критикует те утверждения Галена, в которых тот высокомерно и самонадеянно рассуждает о вещах, выходящих за рамки его непосредственной компетенции. Гален «кажется себе более совершенным, чем он есть на самом деле», говорит Маймонид в одном из своих афоризмов.

Именно в Пиркей Моше Маймонид разъясняет свою позицию по отношению к «критериям истинности» – одной из главных тем, сопутствующих развитию медицинского знания со времен Гиппократов и по сей день. Как мы помним, в другом месте Маймонид утверждал, что единственным критерием веры является «авторитет пророков и святых». Теперь же, в самом обстоятельном из своих медицинских трудов, он повел настоящее наступление на признанные авторитеты, в особенности на Галена. Утверждения Маймонида столь резки, что в те времена считались чуть ли не ересью – ведь для тогдашней медицины античные врачеватели были своего рода «пророками и святыми». Такой труд, как Пиркей Моше, мог написать только врач, который имел обширный практический опыт и понимал, что любое теоретическое положение требует критического анализа, прежде чем оно будет применено для лечения больных; а также врач, обладающий столь непоколебимой уверенностью в своих силах и знаниях, что мог осмелиться подвергать сомнению слова оракула.

«Если кто-либо скажет тебе, что располагает подлинным доказательством, основанным на его собственном опыте и подтверждающим его собственную теорию, даже если он считается человеком почтенным и уважаемым, правдивым, серьезным и нравственного поведения, – то все равно, поскольку он страстно желает, чтобы ты поверил в его теорию, ты должен выразить сомнение. Да не поколеблют твой ум те «новшества», о которых он тебе рассказывает, но лучше рассмотри его теорию и его убежденность в ее истинности, а также подумай о том, что он, по его словам, видел; посмотри на существо дела, не позволяя легко убедить себя. Это положение истинно независимо от того, знаменит ли или безвестен этот человек. Ведь тот, у кого сила, может заставить другого говорить ошибочно – особенно в споре. Я предлагаю тебе взять это правило на вооружение, дабы рассмотреть утверждения знаменитого мудреца Галена».

В продолжение этого пассажа, занимающего шесть абзацев, Маймонид пишет слова, в которых слышен отзвук его утверждений в «Комментарии к Мишне» и других сочинениях и которые демонстрируют характерное для него внимание к

психологическим и духовным аспектам заболевания: «Душа может быть здоровой или больной, как и тело может быть здоровым или больным». Это утверждение, в сущности, является краеугольным камнем маймонидовской медицинской философии, и читатель может не раз встретить его и в других сочинениях Маймонида.

Немаловажным является и тот факт, что в своей книге Маймонид страстно защищает Аристотеля, когда Гален выражает с ним несогласие – либо по вопросам, связанным с человеческим организмом, либо в отношении того или иного философского положения. Более того, Маймонид откровенно резок, когда античный врач порицает те или иные религиозные принципы, которые трудно было принять греческим мыслителям. Маймонид не церемонясь говорит о Галене: «Этот бесцеремонный лжец Гален, крайне невежественный в большинстве предметов, о которых он говорит, за исключением медицинского искусства». В то время такими словами Галена величали не часто. В течение еще четырех столетий подобные суждения о нем будут большой редкостью – вплоть до того дня, когда в 1543 году двадцативосьмилетний брюссельский анатом Андреас Везалий публично и убедительно не продемонстрирует около двухсот ошибок, обнаруженных им в Галеновой анатомии, и не докажет, что места, в котором, согласно Галену, пребывает душа, в человеческом теле не существует. Впрочем, даже это не положило конца верховенству Галена – оно длилось, по крайней мере, еще триста лет, постепенно отходя в прошлое. Маймонид был среди первых ученых, указавших на то, что у этого колосса глиняные ноги; в конце концов они совсем искрошились, и колосс окончательно рухнул. Когда арабская научная литература позднее была переведена на латынь – процесс, который достиг своего пика в XIII в., – труды Рамбама вошли в канон западной медицины и сохраняли это положение несколько столетий. Так, например, на протяжении только девяноста лет, с 1489 по 1579 годы, в Европе вышло не менее пяти латинских изданий Пиркей Моше.

Помимо Пиркей Моше Маймонид написал две другие книги, основанные на трудах его прославленных греческих предшественников. Одна из них, «Выдержки» или «Краткое изложение учения Галена», представляет собой собрание цитат из шестнадцати сочинений Галена, предназначенное для учеников Маймонида. Другая книга написана в форме комментариев к самому знаменитому труду, приписываемому Гиппократу, а именно «Поучениям». Такие комментарии представляют собой особый жанр, в котором часто писали свои сочинения арабские врачи. Хотя в целом Маймонид следовал комментариям Галена к «Поучениям», изредка он позволял себе отступления, в которых критиковал отдельные утверждения Отца медицины, называя их темными, бесполезными и даже ложными. Любой врач нашего времени, прочитав оригинальный греческий текст, с легкостью согласился бы с Маймонидом. Например, комментируя афоризм Гиппократа, гласящий, что зачатие мальчика происходит из правого яичника, а девочки из левого, Маймонид не без иронии пишет, что «нужно быть либо пророком, либо гением, чтобы знать это». В отличие от «Краткого изложения учения Галена», изданного на многих европейских языках, вторая книга была переведена только на иврит.

В других семи медицинских трактатах, более полное описание которых читатель найдет в «Приложении», Маймонид передает опыт своей клинической работы. Каждый из этих трактатов несет на себе глубокой отпечаток личности Маймонида и отражает его заботу о благоденствии не только организмов своих пациентов, но и их душ. По словам поэта и ученого XIII века Ибн Сины, если Гален умел лечить только тело, то этот врачеватель, который в своих медицинских трудах обычно представляется как «еврей из Кордовы», был способен исцелять и тело, и душу.

Искусство Галена лечит только тело,

А искусство Абу Имрана – и тело, и душу.

Силой своего знания он стал лучшим врачом своего века.

Его мудрость поможет излечить болезнь невежества.

Если бы луна вняла его советам,

Он исцелил бы ее от пятен

И от ущерба.

Что же можно сказать о том вкладе, который внесли в науку медицинские трактаты Маймонида и, что намного важнее, их автор? Следует повторить, что Маймонид был одним из самых выдающихся медиков своего века. Однако единственное новшество, которое можно приписать Маймониду, заключается в том, что он уделял особое внимание эмоциональному состоянию своих пациентов и выдвинул предположение, что психическое состояние больного может повлиять на ход болезни. Эта тема нередко встречается в его трудах, но особенно большое место ей уделяется в таких сочинениях, как «Руководство к исправному здоровью» и «Трактат о гигиене, или о запоре и меланхолии». Однако даже это сложно назвать уникальным вкладом Маймонида в историю медицины – он всего лишь придавал этой проблеме большее значение, чем любой

другой автор, прежде о ней писавший. Хотя для историков медицины эта особенность сочинений Маймонида стала отличительной и характерной чертой его подхода к врачеванию, следует признать, что Маймонид не внес никаких изменений в средневековую медицину и что его вклад в развитие медицинской науки был незначительным. Даже то обстоятельство, что он критиковал Галена и Гиппократов, нельзя назвать уникальным.

Тем не менее, когда историки перечисляют имена медицинских светил Средневековья, Маймонид, как правило, оказывается в их числе. Причину тому, что Маймонид упоминается в одном ряду с Разесом, Гали Аббасом, Авиценной, Альбуказисом и Аверроэсом, найти не сложно. Дело в том, что сочинения всех перечисленных медиков, как правило, являлись комментариями к трудам Галена и Гиппократов, расширившими учение великих греков. Медицинские трактаты Рамбама не были исключением из этого правила.

Не было исключением и то, какое значение придавал Рамбам здоровому образу жизни – на его взгляд, лучшему средству профилактики болезней. Как и его коллеги-мусульмане, он предостерегал своих пациентов от опасностей, связанных с нездоровым образом жизни, сознавая, что таким образом может принести им пользу. Прочитав «Путеводитель растерянных»: «Только один человек из тысячи умирает естественной смертью (Маймонид, несомненно, имел в виду смерть от старости. – Прим. автора), а остальные гибнут намного раньше, ибо ведут себя как невежды или безумцы».

И все же возникает ощущение, что медицинские труды Маймонида оказались весьма полезны для врачей того времени. Многим из них требовалось четко систематизированное, написанное доступным языком руководство – своего рода «учебник» ухода за больными, составленный в практическом ключе. И здесь нельзя не вспомнить о причинах, побудивших Рамбама, согласно его собственным словам, написать МишнеТора – то есть сделать Священное Писание доступным, понятным и пригодным для любого человека, чей разум готов к прочтению этой книги; предоставить своим читателям такое толкование Закона, которое избавило бы их от необходимости продирается сквозь дебри великого множества источников, на которых был основан этот труд; наконец, поощрить многих читателей продолжить изучение Торы и Талмуда. А теперь возьмем эту фразу и заменим в ней Священное Писание на труды Гиппократов и Галена, а также медицинские трактаты арабских предшественников Маймонида, например Ибн Сины. В целом это были очень сложные и объемные книги, которые было трудно прочесть, но еще труднее удержать в памяти. Согласно крылатому выражению Филдинга Гаррисона, знаменитого историка медицины, жившего в начале XX в., «Канон врачебных наук» Ибн Сины – это «гигантский, объемистый и громоздкий кладезь премудрости». Два столетия ранее знаменитый физиолог Альбрехт фон Геллер из Геттингена, прославившийся и как историк медицины, назвал «Канон врачебных наук» «методической глупостью». Несмотря на целый ряд исключений для студентов или практикующих медиков, которым нужно было найти ответ на какой-либо вопрос или разрешить клиническую проблему у постели больного, работа с медицинскими трудами арабских авторов нередко становилась нелегким испытанием. Сколь же проще было для рядового арабского или еврейского врача XII или XIII в. воспользоваться трудом Маймонида – ведь эту книгу можно было взять в руки, пролистать и узнать все, что требовалось. В многогранном гении Рамбама многие его современники и их потомки превыше всего ценили его выдающуюся способность «отделять зерна от плевел», а также собирать и классифицировать информацию и, установив ее внутренние связи, преобразовывать ее в полезное, сжатое и легко запоминаемое целое.

Чтобы добиться этого, требовались самые обширные познания, и Маймонид располагал ими благодаря уникальной памяти и способности находить главное в густом тумане мелочей и скучных деталей. Одной из самых сильных сторон его гения была способность синтезировать, то есть понимать параллели, устанавливая связи, видеть образцы явлений и находить единство в крайне разнообразных формах информации и опыта, чтобы затем путем толкования систематизировать их, превращая в значимое, доступное постижению и пониманию целое и при этом не упуская нити первоначального замысла. Для этого он использовал уже существующий материал, насыщая его своим собственным пониманием и определяя его в соответствии со своими взглядами, в результате чего, путем творческого синтеза, который характеризует его гений не только в религиозной мысли, но и в медицине, Маймонид всегда создавал нечто новое.

Имея обширный опыт составления респонсов, на основе которых в еврейских общинах многих мусульманских и христианских стран принимались очень важные решения, Маймонид хорошо знал, как нужно подходить к освещению важных дискуссионных моментов, чтобы формулировки, с одной стороны, способствовали усвоению информации, а с другой – прояснили затруднения и в то же время авторитетно положили конец спорам и расхождениям во мнениях. И в самом

деле, около половины его медицинских трактатов написаны в форме респонсов. Маймонид писал их увлекательным литературным стилем, и его сочинения было легко не только прочитать, но и запомнить. Этим качеством, как в Средние века, так и в наше время, одарены лишь немногие врачи.

По мнению некоторых исследователей, столь продолжительное влияние Маймонида на медицину основывалось на том, что большая часть его медицинских сочинений была переведена не только на латынь, но и на иврит, и выдержала много изданий. Пиркей Моше читали не только студенты – сохранились свидетельства о том, что этой книгой усердно пользовались врачи, по крайней мере, до середины XVII в.

В конечном счете у сочинений Маймонида есть и другая характерная черта, которую высоко ценили его современники и их потомки и которая навсегда останется главной особенностью его вклада в историю и религиозную мысль. Такой особенностью я считаю этические принципы, которые приводятся в каждом сочинении, вышедшем из-под его пера, будь то религиозные трактаты «Комментарий к Мишне», Мишне Тора или респонсы; философские труды, как, например, «Путеводитель растерянных»; личные письма или такие на первый взгляд прикладные светские сочинения, как работы по медицине. Хотя в основе его этических принципов лежит религия, их предназначение универсально и исполнено чувства долга, свойственного врачу по отношению к его больным. Такой долг признается самой главной движущей силой врача. «Врачевание, – пишет Маймонид, – это не вязание и не ткачество, не грубое ремесло. Оно должно делаться с душой и быть исполненным понимания». Точность наблюдения и клинической работы, характерная для Маймонида, является частью его этической системы, в центре которой находится пациент. Как не устают повторять многочисленные биографы Маймонида, в медицинскую практику он привнес свое цельное мировоззрение: этика, философия, религия и медицина представляли для него единое целое. Каждый пациент и даже каждый человек, с которым ему доводилось сталкиваться в жизни, были частью упорядоченного мира, интеллектуальное и религиозное постоянство которого поддерживалось Богом, а высочайшее предназначение этого мира заключалось в познании Бога. Для достижения этой универсальной цели необходимо здоровье, ибо только с помощью здоровых тела и души можно постичь творения Бога, а лишь благодаря постижению Божьих творений можно ближе всего подойти к познанию самого Бога. Таким образом, наука, этика и религия должны объединиться, чтобы образовать единое целое. В Мишне Тора Маймонид писал:

«Когда тело здорово и крепко, человек сразу направляется по путям, указанным Господом, и невозможно постичь Творца или узнать что-либо о Нем, если человек болен. И потому каждому человеку следует избегать того, что причиняет вред телу, и стремиться к тому, что укрепляет его». Мы сказали уже довольно много о Маймониде как о теоретике медицины. Однако оценка его как практикующего врача – это совсем другой вопрос, и для ответа на него мы располагаем лишь случайной информацией и немногочисленными свидетельствами тех, кто писал о медицинских успехах Маймонида при его жизни или вскоре после его смерти. Они говорят, что Маймонид был одаренным и искусным врачом. Его отношение к заботе о каждом пациенте, независимо от достатка того, исходило из общности его этических и религиозных принципов, не говоря уже о его несравненно высокой образованности и способности к вдумчивому наблюдению.

Однако из того, что медицинская теория Маймонида основывалась на его религиозных принципах, вовсе не следует, что теология оказала какое-либо воздействие на его представления о причинах болезней или методах их лечения. Напротив, в этом вопросе Маймонид следовал своим древним предшественникам – ученикам Гиппократов. Хотя античные врачи искренне почитали богов и признавали их верховную власть над людьми, одной из особенностей их медицинских достижений было то, что они отделяли божественное вмешательство от реальной заботы о больном. Именно им мы обязаны представлением о том, что у всех болезней есть какая-либо естественная причина и поэтому больных следует лечить естественными средствами. В клятве Гиппократов врачи присягают «Аполлону-целителю, Асклепию, Гигее и Панатее и всем богам и богиням, беря их в свидетели»; однако в этой клятве, как и во всех трудах Гиппократов, куда входят сочинения диагностического, терапевтического и этического содержания, рассматриваются практические вопросы ухода за пациентом, без оглядки на богов. Подобно античным врачам, Маймонид считает, что искусство врачевания может даваться свыше, однако его следует применять, не рассчитывая на прямое вмешательство Бога. Не на молитву следует уповать в болезни, говорит Маймонид, но на медицинскую помощь; средства лечения болезни даются от Бога, однако «Он же дал мудрых и искусных людей и знание, как приготовить лекарства и как применять их». Именно к этим мудрым и искусным людям следует обращаться человеку, если его поразит болезнь.

Хотя этот философский подход едва ли можно назвать отличительной чертой сочинений Маймонида, поскольку под ним подписались бы почти все еврейские и мусульманские авторы медицинских трудов, главы христианской церкви в Средние века разделяли его не часто. Как мы уже рассказывали в первой главе этой книги, отцы церкви, как правило, придерживались той точки зрения, что люди заболевают вследствие каких-либо сверхъестественных причин, и лечение, таким образом, должен предписывать человеку не доктор, но духовное лицо. В 1215 году состоялся Четвертый Латеранский собор, который постановил, что под угрозой отлучения от церкви врачи не должны лечить человека без участия священника (этот же собор, между прочим, предписал евреям носить на верхней одежде отличительный знак). Это предписание отцов церкви не отошло в прошлое вместе со Средневековьем. В середине XVI в. папа Пий V, ревностный гонитель еретиков, вероотступников и евреев, вновь провозгласил этот закон, устроив его отдельные положения: теперь врачу не следовало продолжать лечение в случае, если за три дня до этого больной не исповедовался священнику, потому что, по словам папы, «телесная немочь нередко проистекает от греха». Это утверждение характерно для многовековой церковной традиции и, по крайней мере отчасти, объясняет, почему так много королевских и знатных семейств обращались за медицинской помощью к мусульманским и особенно к еврейским докторам.

Впрочем, и Маймонид не возражал против отдельных клинических «трюков» и прибегал к помощи предрассудков своих пациентов в тех случаях, когда считал, что это может сказаться на них благотворно. До нас дошло несколько свидетельств того, что его отношение к медицине как к искусству позволяло ему, когда он считал это необходимым, использовать различные уловки. Стоит отметить, что любой мыслящий врач того времени, будь то мусульманин, еврей или христианин, должен был отдавать себе отчет в том, что ценность основных лекарственных средств той эпохи основывалась на их способности оказывать эффект плацебо: если лекарство срабатывало, то лишь потому, что пациент (а возможно, и сам врач) верил в то, что оно непременно должно подействовать. Опираясь либо на свои этические принципы, либо на что-то еще, Маймонид был не против тех хитростей, к которым прибегают врачи, когда их предписания могут послужить последним утешением для больного. По-видимому, Рамбам, будучи убежден, что сознание влияет на тело, считал допустимым отказываться даже от самых дорогих его сердцу медицинских убеждений ради удовлетворения психологических потребностей пациента. В качестве примера расскажем о его отношении к терапевтическому использованию амулетов и талисманов.

С самых древних времен люди прибегали к амулетам и талисманам для лечения болезней. Порой они писали на амулетах магические формулы и молитвы, дабы повысить их действенность. Считалось, что амулеты и талисманы способны оказать некое магическое воздействие. В своих трудах Маймонид неустанно выступал против этого обычая, как и против любого колдовства в лечении больных. Хотя молитвы могут помочь больному, считал он, терапия должна основываться на курсе лечения, предписанном медицинской наукой, а верность избранного пути должна подтверждаться в уходе за каждым конкретным больным. Представление о том, что при помощи магии можно помочь больному чудодейственными средствами, было противно его принципам. В «Путеводителе растерянных», например, он осуждает как обман использование такого рода мистических средств для исцеления пациента и утверждает, что их нельзя одобрять. И все-таки этот врач-прагматик порой поступал противно собственным словам – когда болезнь оказывалась слишком тяжелой и ему нечего было предложить больному. Уступка расхожим суевериям, писал он, позволительна в таких случаях, «дабы не тревожить ум больного». Для Маймонида подобные уловки, к которым можно прибегать изредка, лишь подтверждают умелость врача.

У нас есть косвенные свидетельства, указывающие на то, что Маймонид и сам обладал подобной умелостью. Таким свидетельством может служить его обширная врачебная практика. Он занимал высокий пост придворного врача; как свидетельствуют его медицинские, философские и религиозные сочинения, а также известные нам подробности его жизни, ему были свойственны глубокое сострадание и доброта, и он придерживался строгих этических принципов. По его сочинениям мы знаем также, что он обладал энциклопедическими знаниями медицины. Из всего этого мы можем сделать вывод, что он имел все необходимые качества, чтобы подтвердить свою репутацию блестящего клинициста, которую он пронес через века.

У прославленного врача жаждали лечиться пациенты, принадлежавшие к самым разным сословиям, и в последние десять лет жизни Маймонид был изнурен тяжким трудом. За исключением трактата «О названиях лекарств», все свои медицинские сочинения Маймонид написал именно в эти десять лет, даже тогда, когда растущая с каждым днем врачебная практика не оставляла на это времени. Практически во всех биографиях Маймонида приводится его письмо

Шмуэлю ибн Тиббону, в котором живо описаны причины той усталости, что преследовала его в конце наполненной трудами жизни. В этом письме мы можем прочесть больше, чем намеревался сказать Маймонид. С самых первых шагов Гиппократовой медицины основной чертой профессии врача было чувство долга. Какими бы мотивами, от милосердия и религиозных убеждений до научного энтузиазма, ни были движимы западные врачи, именно их убежденность в том, что получению медицинской степени сопутствует принятие серьезных обязательств по отношению к обществу вообще и каждому отдельному человеку в частности, в конечном счете становится для них самой важной составляющей их будущей профессии. Медицина – это не развлечение для энтузиастов-одногодневок. Медицина – это призвание, и как таковое оно предъявляет человеку больше требований, чем обычная карьера. Нельзя безмятежно спать или предаваться удовольствиям, когда кто-то болен, когда кто-то нуждается в помощи со стороны врача, оказавшегося рядом. В этом суть не только социального «контракта», заключение которого – со всем человечеством – предполагает данная профессия или, лучше сказать, призвание, – в этом суть того морального «контракта», о котором каждый врач, достойный этого звания, помнит всегда. Столь часто цитируемое письмо Маймонида к Ибн Тиббону – это свидетельство соблюдения такого контракта врачом, глубоко сознающим, кем он является для своих пациентов и какие обязанности наложены на него. Некоторые могут возразить, что в письме Ибн Тиббону описывается самопожертвование, которое выходит далеко за рамки вышеописанного чувства долга. Маймонид, насколько мы можем о нем судить, и не предполагал, возможно, что такого рода вопрос может быть задан. Тем не менее вскоре он дал на него ответ. Этим ответом можно считать знаменитую молитву, приписываемую Маймониду. В ней он говорит, обращаясь к Богу, что был избран «надзирать за жизнью и здоровьем Твоих творений». И не важно, думает ли сегодняшней врач, что избран Богом, или полагает, что сам избрал этот путь, он испытывает такое же чувство долга. Отказаться от него невозможно.

Евреи всегда считали Рамбама искусным врачом; получившая широкую известность в последние два-три столетия «молитва Маймонида» стала своего рода клятвой верности призванию врача, пусть несколько идеализированной. Как торжественное обещание хранить верность своему искусству и своим принципам, дорожить доверием пациентов, которое дает начинающий врач, вступая на это поприще, «молитва Маймонида» может составить конкуренцию клятве Гиппократа. Однако, как и клятва Гиппократа, эта молитва, похоже, также не была написана тем человеком, кому она приписывается. Так называемая «молитва Маймонида» впервые была опубликована в немецком журнале *Deutsches Museum* в 1783 году. Ее публикация сопровождалась такими словами: «Ежедневная молитва врача перед тем, как отправиться к пациентам: с еврейской рукописи прославленного еврейского врача, жившего в Египте в XII веке». Имя этого врача не упоминалось, но нельзя укорять тех читателей журнала, которые высказали предположение, что речь идет о Маймониде. Семь лет спустя «Молитва» была напечатана в еврейском периодическом издании *Га-меасеф*, причем в этой публикации утверждалось, что ее автором является известный немецкий врач Марк Херц, попросивший редакцию перевести эту молитву с немецкого языка, на котором она была написана, на иврит. По словам доктора Фреда Рознера, крупнейшего американского специалиста по медицинским трудам Маймонида, путаница в отношении авторства «Молитвы» началась, по-видимому, в 1900 году, когда американский медицинский журнал *Transactions of the Medical Society of West Virginia* опубликовал отрывки из молитвы в сопровождении статьи, написанной доктором Уильямом Голденом. В этой статье утверждалось, что авторство молитвы принадлежит именно Маймониду. Сам же доктор Голден, похоже, воспользовался текстом молитвы, опубликованным в книге *Justice to the Jews* («Справедливость к евреям»), написанной пастором нью-йоркской блумингдейлской церкви, епископом Мэдисоном К. Питерсом. В этой книге, впрочем, авторство данной молитвы не указывалось. Некоторое время спустя Голден засомневался в своей точке зрения относительно авторства молитвы и в 1914 году направил соответствующий запрос редактору журнала *American Israelite*. Голден спрашивал, владеет ли кто-нибудь информацией о происхождении этого текста. Ответ пришел ему от имени доктора Готтарда Дойча, который в первой же фразе исчерпывающим образом ответил на поставленный вопрос. «Так называемая молитва Маймонида, – писал Дойч, – представляет собой старую газетную утку. На самом деле ее автором является Марк Герц, известный берлинский врач (1747-1803), который, в частности, лечил Моисея Мендельсона [72] в последние годы его жизни». Дойч объяснял путаницу тем обстоятельством, что Юлиус Пагель, наиболее почитаемый историк медицины того времени, заимствовал ошибочное утверждение на этот счет из книги одного своего коллеги, вышедшей в 1875 году, а в 1908 году опубликовал эту молитву в маймонидовском

мемориальном томе. После того как Пагель подтвердил ошибочное мнение об авторстве Маймонида, «в подлинности этого документа можно было сомневаться не более чем в подлинности Евангелия от св. Иоанна, – писал Дойч. – Теперь никакие аргументы не отнимут у Маймонида его заслуги в том, что он якобы написал этот лимонадно-ликерный текст, столь характерный для эпохи Aufklärung (Просвещения)». К этому времени «молитва Маймонида» была переведена на множество европейских языков, и в ее изданиях обычно указывалось, что она принадлежит перу Маймонида. Ее первый английский перевод появился приблизительно в 1841 году. Дойч мог и не упоминать о том, что нет никаких свидетельств о существовании этой молитвы до 1783 года. Однако письмо Дойча не смогло остановить все более мощный поток публикаций этой молитвы, в которых указывалось на авторство Маймонида. И хотя не было бы ошибкой утверждать, что чувства, выраженные в молитве, во многом соответствуют словам Маймонида, разбросанным по его медицинским и прочим трудам, очевидно также и то, что некоторые понятия, приведенные в этом тексте, например прогресс, противоречат средневековому представлению о мире и не были в ходу до эпохи Просвещения. Мы не можем быть уверены в том, что молитву написал доктор Герц, но авторство этого текста можно приписать ему с большой долей вероятности на основании одной косвенной улики. Историкам известно письмо Герца, в котором он сообщает о написанной им молитве под названием Тфилат Га-рофе («Молитва врача»). Чувства, выраженные в этой молитве, во многом родственны тем, которые мы обнаруживаем в молитве, опубликованной в 1783 году. Проследив всю историю этого текста и подтвердив документально каждую ее фазу, давайте предоставим последнее слово доктору Фреду Рознеру:

«Данные, которыми мы располагаем, неоспоримо доказывают, что «Молитва врача», приписываемая Маймониду, является фальшивкой, авторство которой принадлежит писателю, жившему в XVIII веке, по-видимому, Марку Герцу. Впрочем, абсолютных доказательств этому у нас нет и, наверное, никогда не будет».

Мне было нелегко воспринять эту новость, когда, листая старую подшивку «Бюллетеня истории медицины», я случайно наткнулся на подробный анализ Рознера, приблизительно через двадцать лет после его публикации в 1967 году. Ведь более десяти лет я хранил дома на своем рабочем столе металлическую пластину, на которой была выгравирована эта молитва. Я с трудом мог принять эти слова: «лимонадно-ликерный». Эта молитва вдохновляла меня, когда я впадал в уныние, она внушала мне чувство преемственности врачам прошлого и общности с врачами других стран. Последний абзац этой молитвы укреплял мою веру в то, что путь, избранный мной, неизмеримо значителен. Я не сомневаюсь, что, если бы Маймонид прочитал эту молитву, он испытал бы подобные чувства. Конечно, я предпочел бы, чтобы эти слова принадлежали ему, однако теперь в это невозможно поверить. Так или иначе, эту молитву можно назвать символом жизни, прожитой им, а также и моей собственной жизни. Любой мыслящий врач скажет вам то же самое[73].

Эпилог

В небогатых еврейских семьях Каира бытовала старинная традиция – она была запрещена каирскими городскими властями лишь в 1948 году, после основания Государства Израиль. Безднажно больных приносили в старую синагогу Маймонида, построенную за два столетия до того, когда Маймонид впервые вошел в нее. Синагога расположена в том районе Каира, который когда-то был пригородом Фостат. Больного, уже испытывавшего все возможные формы лечения, оставляли на ночь в подвальной комнате, в надежде на то, что ему приснится Маймонид и излечит его.

Обычай искать исцеления, оставаясь на ночь в молитвенном доме, возник еще в незапамятные времена, до Гиппократового периода древнегреческой цивилизации. Больные приходили в храм бога Асклепия в надежде на то, что этот бог явится им во сне и даст совет, который, если правильно его понять, поможет им избавиться от недуга. Причудливое смешение веры и науки, характеризовавшее медицину в христианских странах Средневековья, породило еще один обычай – в эпоху раннего христианства в некоторых церквях почитались статуи Асклепия, будто бы это были статуи Иисуса. Более того, во многих ранних скульптурных изображениях лицо Христа создается по образу этого языческого божества. Верующие стекались в церкви, где были установлены эти скульптуры, в надежде на то, что сон в храме вернет им здоровье. У мусульман были свои святые-врачеватели, и на их помощь рассчитывали правоверные, оставаясь на ночь в некоторых мечетях. Есть горькая ирония в том, что Маймонид, который был противником любых суеверий, стал объектом одного из них. Теперь он является величайшей легендой позднего иудаизма, и многие люди, чья вера выходит за рамки нормативной теологии, верят в то, что вмешательство его духа способно исполнить любое их желание. Для них не имеет никакого значения то

обстоятельство, что сам Маймонид осудил бы эти ритуалы, связанные с его именем, с тем же рвением, с которым он боролся с астрологией, амулетами и подобными суевериями, не основанными ни на разуме, ни на Законе. Поэтому люди, которые таким образом надеются получить его помощь, не только легковверны, но и крайне невежественны – они игнорируют и жизненную позицию этого человека, и его труды.

Среди тех аспектов личности Рамбама, которые теперь ведут свою собственную обособленную жизнь, отдельно стоят его медицинские достижения. Сегодня, пожалуй, именно эта сторона его деятельности более всего нуждается в пересмотре. Бесспорно, Рамбам был ведущим клиницистом и автором медицинских трудов своего времени. Однако эпоха, в которую он жил, характеризовалась почти полным застоем в науках. Маймониду, в отличие от многих наших современников, так и не удалось выйти за рамки суровых ограничений своей эпохи. Более того, он настолько принадлежал ей, что, в конечном счете, стал ее олицетворением. Слово «олицетворение», пожалуй, лучше многих других подошло бы для того, чтобы охарактеризовать его положение в медицине XII столетия.

Один из наиболее авторитетных медицинских авторов начала XX века, врач сэра Уильяма Ослера, назвал Маймонида «князем еврейских врачей», и это выражение стало крылатым. Однако намного ближе к реальному положению дел стоит та сдержанная оценка, которую дал Маймониду видный швейцарский историк медицины Эрвин Акеркнехт. Согласно ей, Маймонид был всего лишь «еще одним ортодоксальным последователем Галена». Акеркнехт хотел сказать прежде всего, что, за исключением Разеса, почти все врачи арабского периода в своих трудах преимущественно дополняли и систематизировали учение своих греческих предшественников, изредка добавляя к нему данные о лекарственных средствах, доступных в их странах, и о собственном врачебном опыте. Эта оценка Акеркнехта хотя и во многом соответствует истине, все же звучит слишком строго. Она не учитывает, какое значение придавал Рамбам этической и психологической стороне лечения. Подход Рамбама к этому вопросу тоже, конечно, трудно назвать оригинальным, однако он приобрел большее значение потому, что Рамбам занимал выдающееся положение как религиозный авторитет, к которому обращались за советом евреи всего мира. Кроме того, эта оценка не учитывает литературную составляющую его сочинений. И хотя Рамбам, как и все прославленные арабские и еврейские врачи Средневековья, в своих сочинениях ограничивался изложением медицинских трудов своих греческих предшественников, он делал это по-особому. Он обладал уникальным талантом определять самую суть сложных и многословных текстов и вносить ясность в запутанные концепции. Кроме того, его стиль отличался ясностью и чистотой и, несмотря на свою литературность, сохранял живой разговорный тон – все эти особенности творчества Маймонида помогли ему создать очень точные и вместе с тем весьма легкие для понимания труды. Безусловно, они принесли немало пользы врачам того времени, привыкшим продирается сквозь витиеватые тексты своих современников. И хотя труды Маймонида сложно назвать новым шагом в медицинской науке, уже благодаря этим качествам его имя часто и с благодарностью вспоминали медики последующих столетий.

Однако мы помним и чтим Маймонида как врача по другой, значительно более важной причине. Парадоксальным образом именно Маймонид, связанный с его именем, стал самым важным медицинским наследием Маймонида – миф, существование которого он сам, вероятно, не одобрил бы, как не одобрял суеверие и магию. Впрочем, взглянув на эту проблему с практической точки зрения, свойственной ему как главе еврейской общины, Маймонид, возможно, изменил бы свою позицию. Самым главным для него всегда был вопрос сохранения еврейского народа, и поэтому он, безусловно, допустил бы возможность использования своего статуса в медицине как самого важного символа связи евреев с медицинским искусством. Его имя и осознаваемая многими исключительность его положения в истории медицины служили неизменным источником вдохновения для еврейских врачей на протяжении восьми веков, что прошли с момента его смерти. Память о Маймониде – это центр притяжения, благодаря которому многие из них могут выявить свое «медицинское наследие», а оно, в свою очередь, сосредотачивает в себе чувство ответственности еврейской общины перед миром. Несколько лет назад я посетил конференцию Маймонидовского медицинского общества, созданного незадолго до этого, в небольшом городке в Северной Каролине. На этой конференции трудно было не почувствовать ту ответственность, которая объединила этих целеустремленных врачей с еврейскими врачами других стран и предшествующих поколений; на конференции можно было ощутить их гордость и готовность претворить в жизнь то древнее призвание, чье начало было заложено в Торе и Талмуде, даже если сами они того не подозревали, а также их чувство долга, которое вытекает из учения Рамбама. Какими бы мирскими соображениями и потребностями они ни руководствовались в своей повседневной работе в суматошном коммерческом

мире современной медицины, в этот вечер все они были сыновьями и дочерьми Маймонида. По крайней мере, в эту минуту легенда о Рамбама ожила в их увлеченности своим делом – лечении больных. Миф о Рамбама вскормил целую традицию.

В основе этой традиции лежит то обстоятельство, что Маймонид стал вечным образом для евреев всего мира. И вовсе не потому, что он написал «Комментарий к Мишне» и МишнеТора, хотя многие ученые по-прежнему изучают эти труды. И конечно, отнюдь не потому, что он написал «Путеводитель растерянных», который большей частью доступен лишь пониманию тех, кто обладает специальной подготовкой. Скорее, это именно память о человеке, чья жизнь была посвящена сохранению еврейского народа.

Именно этим, на мой взгляд, можно объяснить дело всей его жизни, причем не только сочинения и респонсы, но также его отношение к тем или иным проблемам или ситуациям. Как в послании к евреям феса, которое Маймонид написал, когда ему было двадцать четыре года, так и в его поздних трудах, которые он сочинял до самой последней минуты своей жизни, будучи общепризнанным лидером еврейского мира, он проявил изумительный талант сохранения еврейской общины. Если рассмотреть с этой точки зрения три основных сочинения Маймонида, его респонсы, а также поступки, которые он совершал как в общественной, так и в частной жизни, то все они предстанут перед нами как единое целое. Благодаря «Комментарию к Мишне» основополагающая работа рабби Йегуды га-наси была предоставлена в интеллектуальное пользование всем евреям, дабы служить напоминанием о том, кто они такие, и о той солидарности, которая предписывалась им древней традицией и Законом; и это тогда, когда над еврейским народом нависли угрозы со всех сторон, когда былая ученость и соблюдение Закона отходили в прошлое, когда повсеместно можно было слышать об обращении евреев в ислам и христианство, когда знание древнееврейского языка встречалось все более редко, когда иудаизм стал бледной тенью самого себя. Уже в послании к евреям феса Маймонид дал логическое обоснование возможности выстоять перед новыми угрозами, как физическими, так и духовными. Кроме того, он воззвал к еврейскому чувству общности и дал целый ряд предписаний, которые могли вернуть сбившихся с пути евреев в лоно народа, дабы спасти их от гибели в рассеянии. И хотя в то время Маймонид был еще очень молод, он говорил решительно, как человек, который готов взять на себя ответственность лидера. Именно благодаря уверенности в своих силах, которая основывалась на том, что его семья в течение многих веков занимала видное положение, а также глубокому и разностороннему образованию, Маймонид с такой готовностью взял на себя функцию руководителя. А это, в свою очередь, сыграло немаловажную роль в его успехе как главы евреев, который представлял их интересы перед мусульманскими властителями.

Высочайшая цель Рамбама – сплотить еврейский народ – была достигнута благодаря написанию Мишне Тора. Эта книга стала своего рода конституцией, предоставившей всем евреям, владевшим ивритом, свод законов, в соответствии с которым они должны жить. Евреев могло сплотить уже то, что ко всем ним предъявлялись единые требования, – ведь это укрепляло их связь с другими евреями и со всей общиной. Общий смысл этой книги сводится к ее второму названию – Яд га-хазака («Сильная рука»). В самом деле, то была сильная рука Рамбама, указавшая народу путь к сплочению, идя по которому, он мог выстоять перед опасностями, окружавшими его со всех сторон.

Хотя евреи всегда сохраняли обособленность, они не могли полностью отгородиться от внешнего мира с его интеллектуальными достижениями. С ранней юности Моше увлекался философией Аристотеля и усвоил многие доступные в то время научные знания, сознавая, что философские и научные принципы будут играть все более важную роль в мысли ведущих нееврейских ученых. Уже в ранних сочинениях Маймонида присутствовали элементы философии и науки, благодаря чему его сочинения получили широкую известность. Маймонид понимал, что перед наиболее образованными из его читателей, интересующихся как религией, так и философией, встанет противоречие, которое он для себя уже преодолел и разрешил – насколько это было возможно. Чтобы эти просвещенные умы не утратили связи с еврейством; более того, чтобы иудаизм занял подобающее ему место среди прочих религиозных учений и чтобы новые исламские и христианские мыслители не пренебрегали им как учением архаичным, еврейская теология должна вобрать в себя мудрость греков. Маймонид хотел показать, что религия евреев не противоречит методам и логике последователей Аристотеля. В понимании Рамбама, концепция иудаизма не только предполагала прогресс, но, более того, именно прогресс иудаизма был залогом его сохранения.

Немало исследований и монографий посвящено вопросу, каковы были истинные причины, побудившие Маймонида написать «Путеводитель растерянных». Следует ли принимать за чистую монету его собственные слова, что этот труд он

написал для того, чтобы помочь Йосефу ибн Акнину примирить веру и разум? Если большая часть этой книги не предназначена для буквального понимания и многое в ней сознательно затемнено, то нет ли в ней какого-то другого, скрытого смысла? Некоторые исследователи даже высказывали предположение, что Рамбам был тайным агностиком, который утаивал свой скептицизм от широкой публики, однако в этом сочинении раскрыл его для тех, кто был способен расшифровать его послание. По мнению таких ученых, для себя лично Рамбам разрешил конфликт между верой и разумом – он полностью отрекся от веры и встал на сторону разума. Таким образом, «Путеводитель» есть, с одной стороны, его исповедь в этом, а с другой – попытка убедить тех избранных, которые способны понять эту книгу, поступить так же. Позволю себе заметить, что подобные соображения кажутся мне очень спорными. Представление об абсолютной несовместимости разума и веры было сформулировано только в XVIII в., в эпоху Просвещения. Точка зрения, согласно которой Маймонид в какой-то мере утратил веру и тайными тропами подводил других к своей позиции, основанной исключительно на разуме, не выдерживает критики. Философская проблематика эпохи, в которую он жил, сводилась к попытке найти такое решение, которое примирило бы веру и разум. Найти это решение пытались столь несхожие друг с другом мыслители, как парижанин Абельяр и житель Кордовы Аверроэс. Если в тот век и существовал хотя бы один философ, который отвергал религию в пользу философии и науки, то нам неизвестно его имя (по прошествии пяти или шести столетий таких мыслителей нашлось немало). В течение всей своей жизни, с самых ранних трудов, написанных задолго до «Путеводителя», Рамбам пытался объединить философию и науку с религиозной мыслью – не только потому, что был убежден в их единстве, но также и потому, что всегда вставал на прогрессивные позиции. Что бы ни скрывалось за этим последним мотивом, он служил одной цели – сблизить еврейское религиозное восприятие с тем, что сегодня мы назвали бы философской тенденцией. Такого рода соображения не только обладали для Маймонида теологическим смыслом, но и согласовывались с его стремлением сохранить еврейский народ. Однако мы еще не ответили на вопрос: если целью автора «Путеводителя» не было утаить мнимую потерю веры от тех, кто не благоволил к подобной позиции, то почему эта книга была написана так, чтобы ее истинный смысл могли понять только отдельные просвещенные люди той эпохи? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, что в эпоху Маймонида подобного рода «зашифрованные» сочинения были не редкостью, ибо если бы автор писал открыто, в столь враждебной среде ему могла бы угрожать опасность. К несчастью, чтобы расшифровать «Путеводитель», нам потребовалось бы владеть всеми знаниями, которыми обладали образованные евреи в XII в. Это означает, что любые попытки понять этот текст до конца, как сегодня, так и в будущем, в какой-то мере обречены на провал. И дело вовсе не в степени компетенции тех ученых, которые брались толковать «Путеводитель» в последние века, и не в обоснованности их притязаний. Никто не может претендовать на решение этого неразрешимого вопроса. Нет ответа и на более серьезный вопрос: почему Маймонид обращается только к тем читателям, которые способны понять скрытый смысл его сочинения? Однако здесь к нам на помощь могут прийти некоторые «косвенные улики». Ко времени написания «Путеводителя» Маймонид уже не раз становился объектом критики, подчас крайне ожесточенной, из-за широкого использования философских и научных концепций в «Комментарии к Мишне» и Мишне Тора. Возможно, при написании «Путеводителя» Маймонид исходил из того, что лишь немногие его современники обладали достаточной интеллектуальной подготовкой, чтобы понять обоснованность его суждений. К этому времени он уже не заботился о том, чтобы быть понятым, ибо знал, что для многих его слова были лишь поводом для новых споров и обвинений. В некотором смысле Маймонид сознательно обращал свой труд к очень ограниченному кругу читателей, распространяя среди них такие представления, которые в то время были еще слишком новы, и потому их было трудно принять. Лучше было писать так, чтобы лишь избранные могли понять его слова, чем заведомо подвергаться поношениям. Менее сложный стиль был бы бессмыслен. Если цель Маймонида заключалась в том, чтобы объединить философию и науку с теологией иудаизма, то это могла сделать только интеллектуальная элита. Некоторые биографы Маймонида предпочитают говорить о нем в двух лицах: первый, Моше бен Маймон, написал две ранние великие книги – ясным стилем, доступным для понимания рядовых читателей, тогда как второй, Маймонид, является автором «Путеводителя», предназначенного только для избранных. Среди наиболее ортодоксальных иудеев есть даже такие, которые предпочитают игнорировать «Путеводитель». Они намеренно называют автора «Путеводителя» его эллинизированным именем – «Маймонид», тогда как для обозначения глубоко почитаемого ими еврейского законоучителя, к респонсам которого и двум

первым книгам они обращаются всякий раз, когда нужно найти ответ на какой-нибудь галахический вопрос, используют еврейский акроним, «Рамбам». Конечно же они вводят себя в заблуждение. По вышеперечисленным причинам было бы очень сложно считать, что Рамбам «сбил с пути» и потому написал свои поздние сочинения. Намного более вероятно, что он по-новому определил свою цель, свое понимание того, каким образом лучше исполнить миссию, наложенную им на самого себя – сохранить свой народ и привнести в его веру гармонию с философией и наукой.

Не исключено, впрочем, что Маймонид утратил не религиозную веру, но надежду на то, что простые люди смогут постичь столь глубокие идеи. Он постоянно и на разные лады повторял мысль о том, что обычные люди не приспособлены к тому, чтобы охватить своим умом высшие теологические истины. Возможно, написание «Путеводителя» в такой зашифрованной форме свидетельствовало, что теперь в своих сочинениях Маймонид обращался исключительно к людям, которые, как он надеялся, смогут возглавить народ. В последующих поколениях они должны будут постепенно открывать истину более широкому кругу своих последователей. Маймонид, впрочем, утратил не только веру в большинство своих современников, которые, по его словам, «ступали дорогой глупцов», но и терпение – он не хотел вновь становиться объектом нападок и придирчивого внимания со стороны тех, кто казался ему недостаточно компетентным для этого, кто препятствовал необходимым переменам. Вспомним его слова из Введения к «Путеводителю», которые мы уже цитировали выше: «...такой я человек, что, если положение безвыходно, путь тесен и я не нахожу иного способа преподать доказанную истину, чем тот, который подойдет одному достойному и не устроит десятки тысяч невежд, я предпочту поведать это ради него одного...»

Если взглянуть на Маймонида с этой точки зрения – как на обладателя высокого интеллекта, человека, исполненного решимости сохранить единство еврейского народа в чрезвычайно опасные для него времена и укрепить его связь со своей верой, взывая как к его древним традициям, так и к жажде прогресса (иными словами, обращаясь как к широкому кругу читателей, так и к избранным, которые будут распространять его религиозную философию и таким образом сохраняют ее), – то все прочие аргументы не стоят внимания. Рамбам был всецело поглощен делом своей жизни, он проявил в нем подлинную стойкость, которая изнурила бы рядовых людей, и в конце концов истощил свои силы.

Со дня смерти Рамбама прошло восемь столетий, и за это время многие ученые пытались осмыслить его наследие. Подобная попытка, в свойственной мне неученой манере, предпринята и в этой книге. Его жизнь, его труды, его устремления и его наследие постоянно подвергаются новому анализу и переосмыслению. В каждую эпоху исследователи пытались открыть «своего Маймонида» – Маймонида своего времени, даже своей страны и, безусловно, Маймонида каждого отдельного исследователя. В тумане восьмисотлетней истории и многочисленных искажений, которым подвергли его образ предыдущие комментаторы, уже никто не может сказать, выражаясь словами раввина Герцберга, открываем ли мы для себя того Маймонида, каким он видел себя сам, или того, какого мы хотели бы видеть. Я подозреваю, что гораздо чаще происходит второе.

Мудрецы, изъясняя смысл Торы, руководствуются теми же принципами, что и при составлении Мишны и Гемары. Мы уже вспоминали древнее еврейское предписание, согласно которому никому не позволено слагать с себя ответственность. Не менее значимо предписание мудрецов находить в словах Торы новый смысл, учитывая при этом, что она содержит в себе непреложные истины, которые не подвержены изменениям. Подобно тому как Тора и Талмуд раскрывают нам свой новый смысл в свете современности и потребностей сегодняшнего дня, жизнь Маймонида всегда будет становиться для нас тем яснее, чем больше мы будем изучать ее. Великие еврейские законоучители могут послужить в этом примером, ведь именно им принадлежит изречение дор дор ве-доршав – «Всякое поколение должно истолковать Тору по-своему». Любой из читателей данной книги может последовать этому предписанию.

Толкуя Тору по-своему, каждый из нас хочет обнаружить универсальную истину; однако на самом деле эта истина, вероятно, принадлежит только нам. Стремясь узнать правду о Маймониде, мы пытаемся отделить достоверные факты от спекуляций и мифов. Но не следует полностью отказываться от мифов – и не только потому, что они основываются на подлинных событиях его жизни. Мифы радуют наше воображение, которое тоскует о полете и для которого не важно, соответствуют ли они действительности. Здесь я хотел бы привести один из таких мифов, имеющий не большее отношение к реальности, чем легенда о десятилетнем проповеднике или о гробе с останками Рамбама, который не смогли поднять разбойники-бедуины. Я предлагаю вам представить тот день, когда свиток жизни Рамбама был прочитан до конца. Вообразите Рамбама в

Грядущем мире, в кругу его предшественников – мудрецов семи поколений, а также их безымянных жен и дочерей. Когда Рамбам оказался в этом месте, лишенном материальности, все они, вместе с библейским Моше, вышли навстречу Моше, в облике которого не было ничего общего с его обликом в материальном мире. Они приветствовали его ликующими восклицаниями: «Хазак хазак ве-нитхазек!» («Будь сильным! Будь сильным! И да будем мы еще сильнее!»).

Приложение

Медицинские труды Маймонида

Маймонид написал десять медицинских трактатов. О трех из них мы уже рассказали в главе «Маймонид-врач». Остальные семь посвящены клиническим вопросам. В рассказе о них я воспользуюсь классификацией, предложенной доктором Максом Мейергофом, который исследовал оригинальные рукописи Маймонида; ему же прочие исследователи обязаны установлением подлинности всех медицинских трактатов Маймонида.

Небольшой трактат о геморрое (в английском переводе, который был сделан в XX в., он занимает семьдесят три страницы) был написан по просьбе неизвестного юноши из знатного каирского семейства. Подход Маймонида к лечению этой болезни, которая в то время могла иметь крайне серьезные последствия – анемия, хроническая белковая недостаточность и даже смерть – был весьма консервативен и предусматривал хирургическое вмешательство (перевязку кровеносного сосуда или прижигание раскаленным железом) либо в крайних случаях кровопускание. Маймонид отмечает особо, что первопричиной геморроя являются запоры, для борьбы с которыми он рекомендует диету, богатую цельной пищей, а также терапию, которую не считал бы ошибочной ни один современный проктолог. Все эти предписания не оригинальны – книга в целом основана на главе о геморрое из «Канона врачебной науки» Авиценны, написанного в начале XI в. «Канон» нередко называют величайшим медицинским сочинением Средних веков.

Представление Маймонида о причинах геморроя также основывается на «Каноне» Авиценны и на всех известных в то время медицинских трудах, написанных не только последователями Гиппократом, но даже его предшественниками. Маймонид полагал, что основной причиной геморроя является избыток черной желчи, которая сгущается и застаивается в малом тазе, и под ее давлением кровеносные сосуды около прямой кишки и анального отверстия растягиваются, видоизменяются и выступают наружу. Рекомендации Маймонида подобны тем, что дают современные врачи: по его мнению, здесь могут помочь специальные мази и притирки, в том числе мазь из окиси цинка. Впрочем, будучи врачом XII в., Маймонид рекомендует также распространенные в то время средства, например окуривание анального отверстия, которое, по его словам, помогает избавиться от метеоризма, столь часто сопутствующего геморроидальной болезни.

Врачи Средневековья и последующих эпох довольно часто прибегали к окуриванию для лечения заболеваний кишечника, мочевых путей и матки. В этой книге было бы весьма уместно небольшое отступление, с помощью которого мы смогли бы не только проиллюстрировать типичные методы лечения, применявшиеся в ту эпоху, но также показать, какие лекарственные травы и средства животного происхождения при этом использовались, и как именно. Маймонид предваряет рассказ о лечении этой болезни перечнем десяти лекарственных веществ (в том числе, змеиной кожи и можжевеловой настойки), которые следует перемешать, а затем развести в соответствующем количестве меда. Затем нужно разжечь огонь в очаге, вырытом в земле, и опустить туда приготовленное снадобье. Пациент должен сесть на перевернутый глиняный горшок, в дне которого проделаны дыры, чтобы дым проходил сквозь них и окуривал его анальное отверстие. Кроме того, больному предписывается сложить свои одежды вокруг горшка таким образом, чтобы целебные пары не улетучивались. Благодаря этому, гласит текст, геморрой иссушится и сойдет на нет.

В числе прочих малых медицинских трактатов Маймонида – небольшая книга о ядах, написанная по просьбе Аль-Фадилы в 1198 году. Ядовитые змеи и насекомые представляли собой постоянную угрозу для жителей мусульманских стран, и многие арабские врачи оставили трактаты о лечении их укусов, а также о лечении укусов бешеных собак. Маймонид не был исключением. Судя по его описанию симптомов подобных отравлений, он не раз сталкивался в своей медицинской практике с такими случаями. Маймонид совершенно справедливо указывает, что в некоторых случаях рану от укуса не нужно перевязывать немедленно, чтобы обеспечить свободный отток яда. Следует перетянуть конечность жгутом выше раны, что предотвратит распространение яда по кровотоку. В области укуса нужно нанести дополнительные порезы для обеспечения оптимального дренажа раны. В тех случаях, когда отсасывания крови банками недостаточно, врач может попытаться высосать яд ртом, если у него во рту нет ранок или больных зубов. Предварительно следует прополоскать рот смесью вина и масла. Прежде чем приступать к этой

процедуре, следует смазать ротовую полость оливковым маслом. Кроме того, иногда целесообразно прижечь место укуса раскаленным железом. Далее Маймонид обсуждает различные противоядия, которые тогда были в ходу, но для современного читателя едва ли какие-то из них могут представлять большую практическую ценность. Рассматривая снадобья для лечения различных болезней, Маймонид указывает, каких из них следует избегать и какие употреблять с великой осторожностью, поскольку они могут представлять опасность для жизни. Этот небольшой трактат оказался весьма полезен для врачей того времени, о чем свидетельствует тот факт, что его латинский перевод цитируют в своих работах два самых прославленных французских хирурга XIII и XIV вв. – Анри де Мондвиль и Ги де Шолиак соответственно. Маймонид написал еще одно сочинение по заказу высокопоставленного пациента (которого он называет «Его высочеством» и «князем»; по мнению исследователей, речь идет об Аль-Афдале, преемнике Салах Ад-Дина) – «Трактат об астме». Маймонид рассматривает способы лечения своего безмянного пациента, в числе симптомов которого – неприятные ощущения в грудной клетке и головные боли, причем последние были столь сильны, что пациент не мог носить тюрбан. Конечно, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что описываемое заболевание действительно было астмой, однако эти симптомы во многом совпадают с теми признаками астмы, которые нам известны сегодня. Как и во многих других случаях, прежде всего Маймонид рекомендует изменить питание, причем особую хвалу он воздает куриному бульону. Это не должно удивлять читателя, поскольку Маймонид предписывает пациентам куриный бульон и в других своих медицинских сочинениях. В «Трактате об астме» есть раздел, который может вызвать интерес читателя и сегодня. Это рассуждение о том, какое воздействие на ход болезни может оказать климат. Маймонид полагал, что сухой воздух способен принести больным астмой особую пользу. В Египте, говорит Маймонид, воздух столь сух, что можно обойтись без ограничений в питании. Кроме того, продолжает Маймонид, чистый деревенский воздух намного более полезен, нежели загрязненный воздух городов. Эти мысли сложно назвать научным открытием. Но одним из наиболее важных достоинств этой книги следует считать настойчивую рекомендацию автора по возможности избегать сильных средств – лекарств, слабительных или хирургического вмешательства. В прошлых столетиях «Трактат об астме» был переведен на иврит и латынь, но на европейских языках он стал доступен только в XX в.

Нам известны имена нескольких сотен врачей, живших в период с IX по XIII в. в арабских странах. Многие из них оставили после себя трактаты о половой жизни. Маймонид не был исключением и в этом. По-видимому, медицинские труды такого рода пользовались большой популярностью у знати, которая имела возможность заказать у знаменитых врачей трактаты, предназначенные для определенных целей – к примеру, «повышение работоспособности» в гареме. Мужчины, принадлежавшие к высшим кругам общества, как правило, имели по несколько жен и должны были постоянно удовлетворять потребности вечно соперничающих между собой обитательниц своего гарема. Зачастую это было довольно изнурительно. Нам точно не известно имя человека, заказавшего у Маймонида подобный трактат, но обычно исследователи называют племянника Салах Ад-Дина, султана Аль-Музаффа Умара, правившего в сирийском городе Хаме с 1179 по 1192 год. Выше мы уже вкратце рассказали о книге Маймонида «О половом сношении», однако ее отдельные детали заслуживают более подробного обсуждения, ибо благодаря им мы можем пролить свет на то, как Маймонид давал медицинские советы.

Девятнадцать коротких глав этой книги повествуют о некоторых аспектах половой жизни. Маймонид перечисляет средства, которые способствуют возбуждению желания и половой силы, а также те, которые это желание обуздывают, дабы не обессиливать тело и душу. Поскольку, судя по этому трактату, пациент Маймонида уже отчасти потерял силу, он нуждался в совете врача, благодаря которому он смог бы ее восстановить, чтобы удовлетворять потребности свои и своих жен. «Мой покровитель, – пишет Маймонид в первой главе трактата, – просил меня написать для него такое руководство, которое помогло бы ему улучшить качество полового сношения, поскольку он упомянул, что нуждается в этом, ибо его природа в некотором отношении горяча. Он сообщает, да охранит Господь его власть, что не желает отказываться от своих привычек, связанных с половым сношением, хотя его покорный слуга указывал господину на слабость его тела и на то, что он на грани истощения. Он желает укрепить свои силы потому, что у него много наложниц».

Маймонид дает своему покровителю целый ряд советов и, как в других своих медицинских сочинениях, обильно цитирует Галена и своих многочисленных арабских предшественников. Это, безусловно, приумножило ценность его сочинения, поскольку поверить в то, что личный клинический опыт Маймонида значительно повлиял на рекомендации, приведенные в этом трактате, очень

сложно. Кроме того, представляется невероятным, что такого рода рекомендации мог дать человек, однажды написавший: «Половое сношение, как правило, приносит людям вред... Тот, кто желает сохранить здоровье, должен отбросить мысль о половом сношении как можно дальше» («Руководство к исправному здоровью»). Более того, все знающие комментаторы медицинских трудов Маймонида настаивают на том, что он никогда не предписывал лечения, безопасность которого не проверил бы прежде на самом себе. Исходя из этой точки зрения, можно допустить, что такая «проверка» для человека, столь приверженного изучению Торы и углубленного в научные труды, была нелегким испытанием. Впрочем, может быть, и нет.

Так или иначе, убеждения Маймонида не помешали ему предписать своему пациенту необходимые снадобья. И чтобы облегчить старые как мир мучения сладострастных мужчин, он советует использовать средства, предложенные в трудах Авензоара и других авторов. Прочитав нижеследующую выдержку из трактата «О половом сношении», читатель отбросит всякие сомнения в том, что Маймонид, как медик, принадлежал своему веку:

«И также он (по-видимому, Авензоар. – Прим. автора) говорит: поскольку многие люди хотели бы сохранять эрекцию длительное время, даже после семяизвержения, когда приток семени сокращается, то было бы уместно упомянуть еще об одном рецепте. Это великая тайна, о которой еще никто не писал. Сок моркови и редиса, того и другого по одной мере, и горчичного масла четверть меры нужно смешать и поместить туда полмеры живых желтых муравьев. Оставь полученную жидкость на солнце от четырех до семи дней и затем используй ее как масло для пениса за два или три часа до полового сношения. Ты увидишь, что пенис останется в состоянии эрекции и после семяизвержения. Ничего подобного этому врачи еще не предписывали». Одним из наиболее любопытных медицинских сочинений Маймонида является не так давно обнаруженный трактат, дата написания которого еще не установлена – «О названиях лекарств». В этом трактате Маймонид перечисляет в алфавитном порядке около двух тысяч лекарственных средств, названия которых встречаются в медицинской литературе того времени. Основная их часть – лекарственные травы, однако сюда включены и некоторые снадобья животного или минерального происхождения.

В большинстве случаев Маймонид приводит арабское название лекарства, за которым следуют его синонимы по-арабски, а затем наименования на греческом, сирийском, персидском, берберском и испанском языках. Древнееврейские названия лекарств в этом трактате отсутствуют; по мнению ученых, это говорит о том, что данный труд предназначался в первую очередь для нееврейских учеников самого Маймонида и других врачей. В этом трактате Маймонид часто повторяет: «...в нашей земле, Аль-Магрибе» (то есть «на западе»; так часто называли страны Северной Африки и Испании). Поэтому не исключено, что трактат был написан еще во время пребывания семьи рабби Маймона в Марокко или вскоре после того, как они покинули эту страну. Так или иначе, эти слова свидетельствуют о том, что Маймонид начал задумываться о медицинской карьере еще до того, как оказался в Египте. Несмотря на то что эта книга могла принести много пользы врачам всего мира, по-видимому, до нашего времени ее никогда не переводили на другие языки. Более того, не был обнаружен даже ее перевод на иврит.

Размышляя об этом сочинении, нельзя не поразиться тому кропотливому труду, благодаря которому оно было написано. Маймонид должен был досконально изучить огромное множество материала, устранить все повторы, просмотреть другие источники в поисках иных названий трав и веществ. Мы уже не раз отмечали уникальную способность этого талантливого ученого устанавливать взаимосвязи между, казалось бы, совершенно разными предметами и явлениями, превращая их в единое целое, не только обладающее логической последовательностью, но и служащее основанием для более общих положений и принципов. Эта особенность творчества Маймонида проявилась в его медицинских сочинениях в той же мере, в какой она присуща его философским, научным и религиозным трудам.

Короткий трактат «Объяснение приступов» считается последним медицинским трактатом Маймонида. Это небольшое сочинение было написано им по просьбе Аль-Афдала в 1200 году, когда Маймонид был уже тяжело болен и не мог лично заботиться о здоровье высокопоставленного пациента. Под «приступами», о которых говорится в названии трактата, вероятно, подразумеваются приступы меланхолии, которым был подвержен Аль-Афдал. Другие врачи пытались вылечить султана, но не смогли.

Султан приказал послать рекомендации, данные ему этими врачами, Маймониду в Фостат. Тот рассмотрел их и отправил в Каир трактат, состоящий из двадцати двух коротких глав. Первые восемнадцать представляют собой комментарий к тем рекомендациям, которые предписали султану его врачи. Маймонид пишет, что многие из этих рекомендаций верны, а в тех случаях, когда выражает

несогласие, делает это в присущей ему мягкой манере. В 19-й и 20-й главах содержатся общие положения, предписывающие наилучший для подобных случаев режим. В 21-й главе составлен почасовой распорядок дня, которому султан должен следовать ежедневно. По утрам Маймонид предписывает нехитрые медицинские процедуры и верховую езду, затем рекомендует легкий и умеренный завтрак, днем – короткий сон, который должен сопровождаться тихим пением и игрой на струнных инструментах. Затем должны следовать чтение и приятная беседа, после которых необходим легкий ужин и небольшая доза вина. Потом на протяжении нескольких часов пациент должен слушать музыку, пока не заснет мягким спокойным сном. Целью Маймонида, несомненно, было упорядочить день султана, чтобы султан был всегда занят, отвлечен от навязчивых мыслей, которые столь часто овладевают сознанием в состоянии депрессии, как только у больного появляется возможность размышлять.

В 22-й главе этого сочинения автор, если можно так сказать, выражает «вотум доверия» пациенту – он пишет, что пациент, несомненно, сам знает лучше всего, каким образом использовать его рекомендации. Интересно, что некоторые исследователи увидели здесь – как выразился один из них, Мейергоф, – «конфликт между Маймонидом-врачом и Маймонидом-теологом». И вправду, в этой главе Маймонид приносит Аль-Афдалу свои извинения за то, что рекомендует ему вино и музыку, хоть они «противны религиозному закону». Далее Маймонид говорит: «Религия предписывает то, что полезно для Грядущего мира, и запрещает то, что вредно для него; тогда как врач предписывает то, что полезно, и предупреждает о том, что вредно в этом мире». Некоторые исследователи усматривают в этих словах глубокий смысл, представляя их своего рода рационалистической основой для столь характерного Маймониду стремления согласовать религиозный подход с научным и философским. Однако более вероятно, что это была попытка Маймонида избежать опасности оскорбить чувства его царственного патрона, а также облегчить для Аль-Афдала следование его рекомендациям.

Другой любопытный пассаж этого трактата звучит так: «Мне приходилось лечить пациентов, чья болезнь развивалась схожим образом и была подобна страданиям султана от меланхолии, и она часто обращалась в манию, то есть буйное помешательство». Хотя довольно сложно поставить диагноз на основании тех немногих данных, что приведены в этом трактате, написанном много веков назад, нельзя не задать вопрос, не страдал ли Аль-Афдал заболеванием, которое в наше время называется «биполярное аффективное расстройство». В 1198 году к Маймониду прибыл гонец от тридцатиоднолетнего Аль-Афдала, только что взшедшего на трон. По словам Маймонида, Аль-Афдал просил «предписать ему режим, которому мой господин должен следовать в лечении болезней, постигших его». Эти «болезни», сообщил Маймониду гонец, заключались в «постоянном затруднении деятельности кишечника, который совершает свою работу только после великих усилий... Временами на господина нападает ужас, меланхолия или страх смерти. Все это сопровождается рвотой и плохим пищеварением». Современный врач на основании этих данных сделал бы вывод, что султан страдал хронической депрессией, которая сопровождалась приступами паники. Похоже, то было «профессиональное заболевание» всех арабских властителей той эпохи.

Аль-Афдал славился распутием, был жаден до удовольствий и вел непрестанные интриги, из-за которых враждовал со всеми, даже с ближайшей родней. Он страдал из-за своего характера, который стоил ему не только вышеупомянутых болезней, но, в конце концов, и трона. Он пробыл султаном менее двух лет и лишился этого титула в 1200 году, незадолго до того, как обратился за медицинской помощью к Маймониду. Вполне возможно, что он так и не последовал советам придворного врача, ибо слишком укоренился в своих развязных привычках, которые нанесли вред не только его физическому и душевному здоровью, но и власти.

Ответ придворного врача был написан в виде небольшого трактата (в современном английском переводе он занимает около девяноста страниц малого формата), который дошел до нас под двумя названиями: «Руководство к исправному здоровью» или «О сохранении молодости». В латинском переводе трактат именуется *Regimensanitatis*. Несмотря на то что трактат был написан с целью лечения конкретного человека, он приобрел широкую известность, на него часто ссылались и его нередко цитировали. До нас дошли многочисленные арабские рукописные копии этого сочинения, что говорит о его большой популярности и, как мы выразились бы сегодня, «признании», которого удостоился его автор. Дважды трактат переводили на латынь, причем второй перевод, выполненный в 1477 году, стал первой книгой по медицине, напечатанной в Венеции. Трактат нередко издавался в Европе; последнее известное нам издание его латинского перевода вышло в 1535 году в Лионе. В ту эпоху медицинские знания почти не развивались, и многие книги без каких-либо изменений читали несколько поколений врачей. Так, например,

врачи Европы продолжали ссылаться на *Regimen Sanitatis* не только в Средние века, но и позже. Ко времени написания этой книги Маймонид уже обладал большим авторитетом в мире арабской медицины, а после ее издания его репутация еще более упрочилась.

В этой книге четыре главы. В первых двух автор дает советы общего характера. Он рассказывает о наилучших способах сохранения здоровья и лечения заболеваний. Как правило, он повторяет рекомендации, известные со времен Гиппократ и Галена. В третьей главе Маймонид рассматривает жалобы султана, и его рассуждение начинается с пассажа, который было бы весьма уместно привести здесь полностью. Дело в том, что в нем содержится старый как мир тезис (у египтян была целая мифология прямой кишки, основанная на представлении об опасности фекальных испарений – они называли их *we-huduw*), который по-прежнему властвует умами миллионов людей, не сомневающихся в том, что задержка стула отравляет весь организм.

«Медики уже давно сошлись во мнении, что основа здоровья в том, чтобы экскременты были мягкими, и если они тверды, то следует пытаться их размягчить. Удержание экскрементов производит очень вредный воздух, который поступает в сердце и мозг и служит причиной обезвоживания и смещения жизненных духов. В этом причина плохих мыслей, страхов и изнурения; кроме того, этот воздух мешает выводу из организма излишков пищи. Для того чтобы смягчить стул, требуются особые меры».

Далее Маймонид обсуждает такие классические вопросы медицины, как лечение запоров, роль печени в здоровье организма, методы укрепления сердца, а также перечисляет лекарства, действующие как средства для улучшения пищеварения, афродизиаки и успокоительные.

Подобного рода вопросы обсуждаются в любой книге того времени, в которой содержатся медицинские советы. Однако в третьей части этого текста тон автора меняется, и вместо привычного галеновского голоса мы слышим голос самого Маймонида. Вопреки арабской традиции, согласно которой врачи, пытаясь излечить психосоматические симптомы болезни, как правило, следовали заставшим правилам и приводили перечень растительных снадобий, этот врачеватель пошел по своему пути, столь характерному для его отношения к природе болезни.

Первая же фраза этой части трактата определяет ее дальнейший тон: «Мой господин, да продлит Господь его дни, должен знать, что наши чувства служат причиной телесных изменений, которые ясны и очевидны для всех, и недвусмысленно о них свидетельствуют». Далее автор указывает на важность душевного равновесия, которое само по себе может предотвратить болезнь.

Маймонид обращает внимание на кажущееся парадоксальным состояние Аль-Афдала, могущественного властителя, который обладает, по-видимому, всем, чего человек может желать, но все же обременен черными мыслями и страдает от телесного недомогания. Блага и беды этого мира, говорит Маймонид, на самом деле лишь воображаемы, особенно в тех случаях, когда эмоции неустойчивы и выходят из-под нашего контроля.

«Как нередко бывает, когда великая удача, слава и власть достаются человеку, именно они становятся причиной пороков его тела, души и характера, сокращая дни его жизни и отчуждая его от Творца. А ведь это принесет ему вечное несчастье! И напротив, как нередко бывает, когда кто-либо теряет удачу или властитель утрачивает свою власть, именно это делает его тело сильным, улучшает его душу моральными качествами, продлевает дни его жизни, делает его ближе Господу и побуждает его служить Ему».

В последней главе этой книги Маймонид еще раз повторяет рекомендации своих греческих предшественников о здоровой пище, чистом воздухе и пользе солнечного света. При этом Маймонид увещевает своих читателей не тратить силы на лечение легких недомоганий, ибо «природа заботится об этом, и вовсе не обязательно прибегать к лекарствам» (восемь столетий спустя известный исследователь и автор сочинений по медицине Льюис Томас скажет похожие слова: «Главный медицинский секрет – он известен врачам, о нем довольно быстро узнают их жены, однако он по-прежнему скрыт от широкой публики – заключается в том, что многие болезни проходят сами собой»).

В этой главе мы не упомянули слов, сказанных Маймонидом о сложности медицинского искусства и любой научной работы. Эти слова, несомненно, найдут отклик в сердце любого опытного врача или исследователя. Мне представляется, что было бы весьма уместно заключить это приложение, посвященное медицинским трудам Маймонида, его словами, значение которых непреходяще:

«Чем более совершенны познания человека в той или иной науке, чем более осмотрителен он, тем чаще он сомневается, ставит перед собой вопросы и проблемы, которые могут быть разрешены только отчасти. И чем более несовершенны познания человека в науках, тем легче ему

будет понять какую-либо сложность, сделать невероятное вероятным и умножить число ложных утверждений, которые видятся ему чем-то несомненным, и тем чаще силится он объяснять то, чего не понимает сам».

Хронологический указатель

360 г. до н.э. – Смерть Гиппократ, «Отца медицины».

322 г. до н.э. – Смерть Аристотеля, греческого философа. Его рационализм оказал большое влияние как на философию, так и на науку в целом.

Около 100 г. н.э. – Руфус Самарийский, один из первых известных нам еврейских врачей, пишет комментарий к трудам Гиппократ; позднее его комментарий будет цитировать Гален.

Около 200 г. н.э. – Гален из Пергама систематизирует медицинскую науку, положив в основу своих трудов наследие Гиппократовой школы; он существенно продвинулся в клинической медицине и физиологии.

Около 200 г. н.э. – Рабби Йегуда га-Наси составляет Мишну как свод еврейского закона.

1020 г. – Авиценна, один из наиболее значимых медиков мусульманского мира, служит придворным врачом у целого ряда арабских властителей; его самый известный труд, «Канон врачебных наук», активно используется в Европе до XVII в.

1070 г. – Раши (рабби Шломо ицхаки) составляет комментарий к большей части Танаха и Талмуда. На протяжении многих столетий еврейские ученые считают этот труд одним из наиболее серьезных и значимых.

1095 г. – Начало Первого крестового похода; массовые еврейские погромы в Шпейере, Вормсе, Майнце и Кельне. 1099 г. – Годфруа Бульонский завоевывает Иерусалим. Массовые еврейские погромы в Иерусалиме.

1135 г. – Рашбам – рабби Шмуэль бен Меир, внук (сын дочери) Раши – составляет комментарий к Торе, основываясь на буквальном текстологическом подходе. Реймский собор запрещает монахам и священникам практиковать медицину, объявив, что она противоречит христианской теологии.

1138 г. 14нисана, накануне праздникаПесах (что соответствовало 30 марта по григорианскому календарю) в Кордове родился Моше, сын Маймона, позднее известный как Маймонид; его мать умирает при родах.

Около 1138–1147гг. – Рабби Маймон, отец Моше, женится во второй раз; от этого брака рождаются трое детей: Давид, Мирьям и еще одна дочь, имя которой неизвестно.

1139 г. – Рабби Йегуда га-Леви публикуетСефер га-Кузари, сочинение-полемику в защиту иудаизма, написанное в форме диалога между раввином и хазарским царем. В 1140 г. рабби Йегуда га-Леви умирает в Земле Израиля.

1140 г. Ученики Раши –баалей га-тосафот – пишут комментарий, в котором стремятся разрешить мнимые противоречия между учением Раши, Талмудом, Танахом и трудами других комментаторов.

Рабби Аврагам Ибн-Эзра – один из наиболее ярких мыслителей еврейского Золотого века, поэт, философ, астролог, врач и комментатор Танаха – покидает Испанию

1144 г. Первый известный нам случай кровавого навета в средневековой Европе – в английском городе Норвиче евреев обвинили в убийстве христианского младенца в ритуальных целях.

1146 г. Начало Второго крестового похода. «Воины креста» выходят на помощь осажденным христианам Иерусалимского Королевства.

1148 г. После захвата Кордовы Альмохадами семья рабби маймона бежит в Альмерию. В этом городе, согласно мнению целого ряда исследователей, состоялось знакомство Моше с мусульманским философом Ибн Рушдом, известным в Европе под именем Аверроэса. Автор комментариев к трудам Аристотеля и медицинский советник главного кордовского судьи, Ибн Рушд, как и Маймонид, позднее предпримет попытку «примирить» веру с аристотелевской философией. Король Людовик VII и предводители Второго крестового похода собираются в Иерусалиме. Новая волна еврейских погромов.

1148–1158 гг. – Семья рабби Маймона странствует по Испании. Маймонид пишет такие труды, какМилот гигаюн – введение в логику, основанное на философии Аристотеля, иМаамар га-ибур, посвященный еврейскому календарю; а также исследовательский труд, посвященныйгаонам. Кроме того, Маймонид редактирует труды своего отца и его учителя, Йосефа ибн Мигаса.

1151 г. – Семья Маймона покидает Альмерию после захвата города Альмохадами.

1158 г. – Маймонид начинает работу надкитаб ас-Сирадж – «Комментарием к Мишне».

1160 г. – Семья рабби Маймона перебирается в Фес. Рабби Маймон пишетИгерет га-нехама («Послание утешения»). Он уверяет марокканских евреев в том, что хотя, они прошли мнимое обращение в ислам, чтобы спастись от смерти, Господь Израиля по-прежнему слышит их молитвы.

Рабби Аврагам бен Давид из Поскьера (Рабад) основывает академию; как законовед приобретает исключительный авторитет среди евреев Прованса. Один

из основных критиков Маймонида.

1162 г. – Маймонид пишет Игерет га-шмад («Послание о вынужденном отступничестве»), где на примере источников еврейского закона показывает, что притворное обращение в ислам допустимо в чрезвычайных обстоятельствах, в которых жили в то время многие евреи.

1162 г. – Умирает Абд аль-Мумин, халиф Феса; его преемником становится намного более жестокий правитель, Абу Юсуф Якуб аль-Мансур.

1165 г. – Маймонида арестовывают за возвращение к иудаизму после мнимого обращения в ислам. Обвинение снято после того, как в защиту Маймонида выступает его друг, Абу-ль Араб ибн Моиша. Рабби Йегуда ибн Шосан, глава еврейской общины Феса, казнен по обвинению в возвращении в прежнюю веру после принятия ислама.

Семья рабби Маймона бежит из Феса; на пути в Землю Израиля скрывается в Сеуте.

Семья рабби Маймона прибывает в Землю Израиля в мае или в июне. После непродолжительного пребывания в Земле Израиля они отправляются в Александрию.

Смерть рабби Маймона. Маймонид становится главой семьи.

1168 г. – Завершен «Комментарий к Мишне». Маймонид и его семья переезжают в Фостат.

1169 г. – Салах Ад-дин становится визирем египетского султана.

1170 г. – Маймонид завершает работу над Сефер га-мицвот («Книгой заповедей») – перечнем шестисот тринадцати заповедей, и начинает работу над Мишне Тора, монументальным сводом Закона.

Христиане захватывают город Туделу и предоставляют евреям часть городской крепости; испанский король дает им право на самозащиту.

1171 г. – Известия о кровавых наветах в Европе, первый из них во французском городе Блуа.

Салах Ад-дин низлагает султана из династии Фатимидов и возвращает Египет во власть багдадской династии Аббасидов; те удерживают ее до 1250 года.

Правление Салах Ад-дина отмечено сочувственным отношением к меньшинствам, оказавшимся в его власти.

1172 г. – Гонения шиитов на еврейскую общину Йемена усиливаются.

Маймонид пишет Игерет Тейман («Послание в Йемен»). Он уверяет евреев Йемена в том, что еврейский народ и его связь с Богом выстоят в суровые времена. Биньямин Тудельский возвращается из путешествия по Средиземноморскому побережью, Аравийскому полуострову и Северной Африке; его путевые заметки становятся бесценным источником информации о еврейских общинах, разбросанных по миру.

1174 г. – Брат Маймонида, Давид, погибает во время путешествия в Индию; Маймонид переживает длительный упадок духа.

Салах Ад-дин захватывает власть в Сирии и готовится к битве с крестоносцами.

Туран-шах, брат Салах Ад-дина, овладевает Йеменом и освобождает местную еврейскую общину от гнета шиитов.

1175 г. – Маймонид женится на дочери рабби Михаэля га-Леви из Фостата; ее имя не упоминается ни в каких документах.

Маймонид приступает к медицинской практике.

Около 1174–1184 гг. – У Маймонида рождается дочь; она умирает в раннем детстве.

1180 г. – Маймонид завершает работу над Мишне Тора, сводом еврейского Закона.

1182 г. – Филипп II Август изгоняет евреев из Франции.

1185 г. – Йосеф ибн Акнин приезжает в Фостат, чтобы учиться у Маймонида.

1186 г. – У Маймонида рождается сын.

1187 г. – Маймонид назначен врачом египетского визиря Аль-Фадилля.

Йосеф ибн Акнин уезжает в Халеб.

Абу-ль Араб ибн Моиша разоблачает Маймонида перед трибуналом; после вмешательства Аль-Фадилля обвинение против Маймонида снято.

Маймонид становится нагидом, главным раввином всех стран, находящихся под властью Салах Ад-дина.

1189 г. – Ричард Львиное Сердце начинает Третий крестовый поход.

1190 г. – Салах Ад-дин отвоевывает Иерусалим у крестоносцев и дает разрешение евреям селиться в этом городе.

Еврейские погромы в Англии.

1190 г. – Маймонид заканчивает работу над «Путеводителем растерянных», в котором пытается примирить веру с разумом.

Йосеф ибн Акнин переезжает в Багдад.

1190–1204 гг. – Маймонид публикует несколько медицинских трактатов, в том числе Пиркей Моше («Медицинские афоризмы Моше»). Пиркей Моше основаны на учении Галена, но в то же время в некоторых вопросах оспаривают его. Этот

медицинский труд Маймони- да широко используется в мусульманских странах и в Европе на протяжении нескольких столетий.

1193 г. – Смерть Салах Ад-Дина.

1198 г. – Сын Салах Ад-Дина, Аль-Афдал, назначает Маймонида главным придворным врачом.

1204 г. – Шмуэль ибн Тиббон завершает перевод «Путеводителя растерянных», который на иврите получил название Море невухим.

13-го декабря, или 20-го гетевета по еврейскому календарю, умирает Маймонид.

1215 г. – Четвертый Латеранский собор постановляет, что врачи не имеют права лечить больных без участия христианских священнослужителей.

1290 г. – Изгнание евреев из Англии.

1304 г. – Знаменитые немецкие раввины запрещают изучение философии и наук до достижения двадцатипятилетнего возраста. Исключение сделано для медицины.

1335 г. – Раввин Яков бен Ашер завершает труд Арба турим («четыре столбца»), первый свод еврейского закона после Мишны Тора Маймонида.

1492 г. – Христиане окончательно завоевывают Испанию и изгоняют из страны евреев.

1543 г. – Врач и анатом Андреас Везалий публично демонстрирует ошибки Галеновой анатомии.

1555 г. – Равби Йосеф Каро завершает труд Шулхан арух («Накрытый стол») – выдержки из его комментария к Арба турим. Шулхан арух становится самым авторитетным сводом еврейского Закона для сефардских евреев. Вскоре после этого раввин Моше Иссерлес из Кракова публикует сочинение Мапа («Скатерть») – приложение к Шулхан арух, предназначенное для ашкеназов.

1783 г. – Первая публикация «Молитвы Маймонида» в немецком журнале Deutsches Museum.

1896 г. – Две британки, путешествующие по Египту, посещают Каирскую генизу, в которой находят документы, принадлежащие еврейской общине Каира начиная с X в., в том числе несколько писем, написанных рукой Маймонида.

Исследователь Соломон Шехтер принимает хранящиеся в генизе документы в дар для Кембриджского университета. Его исследования этих документов открывают новую страницу в истории еврейской общины Египта.

1947 г. – В результате слияния Новой Утрехтской больницы, Бетского госпиталя Моше и Израильского Сионского госпиталя формируется больница Маймонида в Бруклине.

1985 г. – В Аллентауне, штат Пенсильвания, под эгидой Еврейской федерации основано Первое Маймонидовское общество, в которое входят еврейские врачи, филиалы, управляемые местными еврейскими федерациями, основываются по всей территории США.

Библиографический обзор

Информация об исторических условиях, хронологии событий и их связи с жизнью Маймонида основывается на нескольких вариантах его биографии. Они воссоздают обстановку, в которой Маймонид создавал свои труды, и благодаря этому мы можем представить себе, как влияли политические и социальные структуры той эпохи как на еврейскую общину в целом, так и на самого Маймонида. Некоторые из этих биографий я рекомендую тем читателям, которые хотели бы глубже ознакомиться с этим материалом. В первую очередь стоит отметить работу Хешеля (Abraham Joshua Heschel, Maimonides, New York, Straus & Giroux, 1982), которая представляет собой нечто среднее между биографией и комментарием. Тем не менее эту книгу легко читать, она богата мыслями и тщательно продумана.

К совсем другому роду сочинений принадлежит краткая биография Маймонида, написанная Арбелем (Ilil Arbel, Maimonides: A Spiritual Biography, New York: Crossroads, 2001). Язык ее так прост и ясен, что ее можно рекомендовать юным читателям – вопреки своему названию, книга является не столько «духовной» биографией, сколько захватывающим повествованием о событиях жизни Маймонида. Среди других моих любимых биографий Маймонида – одна из целого ряда работ, вышедших в 1935 году, который до недавнего времени считался датой восьмисотлетия Рамбама. Это работа Цейтлина (Solomon Zeitlin, Maimonides: A Biography, New York, Bloch, 1935).

Прочие книги, упомянутые ниже, содержат в себе главы и отдельные статьи, посвященные биографической информации вкратце с подробным описанием сочинений Маймонида, его философии и деятельности. Для тех читателей, которые хотели бы узнать больше об Испании времен Маймонида и о знаменитых евреях, христианах и мусульманах, живших в этой удивительной стране в то примечательное время, нет более увлекательного и авторитетного источника, чем работа Менокаль (Maria Rosa Menocal, The Ornament of the World: How Muslims, Jews, and Christian Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain, Boston: Little, Brown, 2002).

Составить мнение о разнообразии точек зрения на философию и биографию

Маймонида можно с помощью целого ряда сборников, вышедших под редакцией авторитетных ученых в области изучения его биографии и трудов. Хотя некоторые из них были составлены более полувека назад, они и сегодня сохраняют столь же большое значение, как во время своей публикации (то же самое можно сказать и об одних из книг, которые будут упомянуты ниже). Наиболее интересной мне показалась работа под редакцией Барона (Salò Baron, ed., *Essays in Maimonides*, New York: Columbia University Press, 1941), а также книга, вышедшая под редакцией Эпштейна (Rabbi I. Epstein, ed., *Moses Maimonides: Anglo-Jewish Papers in Connection with the Eighth Centenary of His Birth*, London: Soncino Press, 1935).

Мне принесло немалую пользу чтение различных хрестоматий, в которых представлены главы различного объема, включающие в себя выдержки из трудов Маймонида – из трех его самых важных трактатов, из трудов по медицине, писем и респонсов. Большая часть цитат моей книги взята из упомянутых источников. Из такого рода хрестоматий мне больше всего нравится работа Тверского (Isadore Twersky, *A Maimonides Reader*, Library of Jewish Studies, 1972). Обширное введение, написанное профессором Тверским, содержит особенно полезное резюме философии Маймонида и обрисовывает уникальные особенности его мысли. Схожие хрестоматии составлены Когеном (Abraham Cohen, *The Teaching of Maimonides*, New York, Ktav, 1968) и Минкиным (Jacob Minkin, *The Teaching of Maimonides*, Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1987). Две последние работы предваряют великолепные предисловия, в которых обсуждаются биографические, теологические и философские вопросы, связанные с Маймонидом.

Для тех, кто интересуется путями решения маймонидовского вопроса о противоречии между верой и разумом, я могу предложить обратиться к двум другим работам, каждая из которых рассматривает этот вопрос со своей особой точки зрения. Работа Хартмана (David Hartman, *Maimonides: Torah and Philosophic Quest*, Philadelphia: Jewish Publication Society, 1976) представляет одну точку зрения, а широко известное эссе Лео Штрауса «Notes on Maimonides's Book of Knowledge» (*Studies in Mysticism and Religion*, E. E. Urbach et al., ed., Jerusalem: Magnes Press, 1967), посвященное Гершому Шолему, – другую. Штраус также рассматривает этот вопрос на первых страницах другой своей работы (Leo Strauss, *Persecution and the Art of Writing*, Glencoe, Ill., Free Press, 1952). Дополнительные комментарии, посвященные этой теме, можно найти во многих других работах, упомянутых в этом списке.

Я читал «Путеводитель растерянных» в переводе Шломо Пинеса (Chicago: University of Chicago Press, 1963). Перевод предваряет весьма полезное для понимания «Путеводителя» предисловие Штрауса «How to begin to study the Guide of the Perplexed». Тем не менее те цитаты из «Путеводителя», которые я привожу в своей книге, я брал из других переводов, которые казались мне более подходящими для моего повествования. Что же касается МишнеТора, то я в основном полагался на перевод, вышедший в Йельской серии книг по иудаике (Yale Judaica Series, Yale University Press – первые выпуски этой серии вышли в 1949 году, издание продолжается по настоящее время). Перевод Шмона Праким из «Комментария к Мишне» я нашел в небольшой книге, вышедшей под редакцией Джозефа Гурфинкеля (New York: Columbia University Press, 1912). По-видимому, эта книга была переиздана в 1966 году (New York: AMS Press), но я не видел ее нового издания.

Для ознакомления с современными исследованиями в области литературы о Маймониде крайне важны труды Джоэля Кремера. И как эссеист, и как комментатор, и как редактор и автор обширных монографий он внес большой вклад в изучение наследия Маймонида. Каждая его работа достойна пристального внимания. Рекомендую также прочесть последнее его эссе «Моше Маймонид, интеллектуальный портрет» (Joel Kraemer, *Moses Maimonides, an Intellectual Portrait*, *The Cambridge Companion to Maimonides*, Cambridge: Cambridge University Press, 2005).

Материалы о Маймониде как враче я нашел в нескольких источниках. Отдельного внимания заслуживают работы, в которых рассказывается о положении дел в медицинской науке в средневековой Европе и мусульманских странах. Что касается этого периода и предшествовавшей ему эпохи, мне во многом помогла моя собственная книга (Sh. V. Nuland, *Doctors: The Biography of Medicine*, New York: Knopf, 1988). Отдельного внимания заслуживают и работы, упомянутые в библиографии, прилагающейся к той же работе. Дополнительные детали, касающиеся средневековой медицины, лучше всего искать в энциклопедическом труде Кастильони (Arturo Castiglioni, *A History of Medicine*, New York: Knopf, 1947), а также вышедшей сравнительно недавно книге Портера (Roy Porter, *The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity*, New York: W. W. Norton, 1997).

Фред Рознер посвятил большую часть своей весьма плодотворной карьеры

изучению медицинских трудов Маймонида. Он написал немало книг, в которые включены переводы соответствующих текстов и его собственные комментарии к ним. Любая из его работ достойна внимательного изучения, но прежде всего я хотел бы рекомендовать сборник его эссе «Медицинское наследие Моше Маймонида» (Fred Rosner, *The Medical Legacy of Moses Maimonides*, New York: Ktav, 1998). Кроме того, в XX в. вышло сразу несколько превосходных английских переводов десяти медицинских трактатов Маймонида. Обратившись к ним, я пришел к выводу, что для работы с ними вполне достаточно вышеупомянутого труда Рознера. Его переводы не лучше и не хуже, чем работы его предшественников, однако их намного легче найти.

В первой главе этой книги рассматриваются причины, по которым столь большое число евреев, начиная с эпохи классицизма и заканчивая нашим временем, избирает для себя именно медицинскую карьеру. Тексты, к которым я обращался в поисках ответа на этот вопрос, многочисленны, и я перечислю здесь лишь те, которые могут побудить читателя изучить эту тему более глубоко. Я рекомендую труд Дэвида Рудермана (David Ruderman, *Jewish Thought and Scientific Discovery in Early Modern Europe*, New Haven: Yale University Press, 1995), в котором рассматривается влияние различных наук на еврейскую культуру с конца XVI до конца XVIII в. Историки называют этот период «веком научных революций». Книгу, сопоставимую по своему научному значению с работой Рудермана, написал Эфрон (John M. Ephron, *Medicine and the German Jews: A History*, New Haven: Yale University Press, 2001). Еще одно научное издание, посвященное данной теме, – это сборник работ различных авторов, вышедший под редакцией Наталии Бергер (Jews and Medicine: Religion, Culture, Science, Philadelphia: Jewish Publication Society, 1995). Она собрала «блестящую команду» историков медицины и культуры, которые рассказали в своих работах о таких проблемах, как связь медицины с еврейским Законом, иудейской этикой и история еврейских женщин в медицине.

Книга Хейника – это работа обзорного характера, посвященная вкладу евреев в медицину. В этой книге представлены несколько биографий евреев-медиков (Frank Neynick, *Jews and Medicine: An Epic Saga*, New York: Ktav, 2002). Книга Невина (Michael Nevin, *The Jewish Doctor: A Narrative History*, Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1996) представляет собой новый выпуск из серии небольших и крайне познавательных работ этого автора, посвященных этой теме. Кроме того, необходимо упомянуть перевод классического исследования, вышедшего в 1911 году и принадлежащего перу Преусса (Julius Preuss, *Biblich-talmudische Medizin*, New York: Hebrew Publishing Company, 1978). Перевод сделан Фредом Рознером. Еще одно научное исследование, которое, по крайней мере в Америке, получило статус классического, – это работа Фриденвальда (Harry Friedenwald, *The Jews and Medicine*, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1944).

Было бы излишне говорить, что большое количество материала, связанного с той или иной темой этой книги, можно найти не только в монографиях, но также в неисчислимых исследованиях и журнальных статьях, на изучение которых может уйти вся жизнь – как я понял, когда попытался освоить хотя бы малую часть этого материала. Существует огромное количество книг, не упомянутых в данной библиографии, и многие из них я прочел, по крайней мере, отчасти. Однако именно тексты, упомянутые выше, легли в основу этой книги. Можно заметить, что далеко не все из них являются «самыми свежими монографиями на избранную тему» и что некоторые из работ, сыгравших большую роль в изучении наследия Маймонида, не включены в этот список. Как бы то ни было, я хочу заверить своих читателей, что все вышеперечисленные сочинения являются хорошим путеводителем для человека, который в XXI в. стремится узнать о Рамбаме.

Примечания

[1]

Йона, 2:4.

[2]

Там же, 2:3.

[3]

По-английски: *everyman*. Здесь обыгрывается название популярной серии книг: *Everyman's Library* (здесь и далее прим. пер.).

[4]

Minkin Jacob S., The Teachings of Maimonides, Northvale, 1987.

[5]

Десять заповедей (см. Исх. 20:2-17; Втор. 5:7-21).

[6]

Втор. 30:19.

[7]

Очевидно, автор отсылает нас к Тосефта шабат, 16:14, где делается вывод о приоритете спасения человеческой жизни в случае смертельной опасности над исполнением любых заповедей, кроме трех перечисленных здесь.

[8]

Яд Хазака, или Мишне Тора («Могучая длань», или «Повторение Торы») – Галахический кодекс Маймонида, состоящий из 14 книг.

[9]

Шмона прахим, 8.

[10]

Перевод с древнегреческого С.П. Кондратьева.

[11]

Цит. по: Кондратьев С.П. Клавдий Гален. О назначении человеческого тела. М, 1971.

[12]

Начало эпохи эллинизма в истории стран Восточного Средиземноморья датируют 323 годом до н.э. (смерть Александра Македонского), а окончание – 30 годом до н.э. (завоевание Римом птолемеевского Египта, последнего из Греко-Македонских царств).

[13]

Галахический кодекс, составленный рабби Йосефом Каро в XVI в. в Цфате и ставший одним из наиболее авторитетных источников в области еврейского закона.

[14]

Нахманид – рабби Моше бен Нахман (1194, Жерона -1270, Акко), законоучитель, экзегет, философ, каббалист, поэт и врач. Знаменит участием в иудео-христианском диспуте с Пабло Кристиани в Барселоне в 1263 году. Автор комментариев к Торе, книг Сефер га-викуах («книга о диспуте»), Сеферга-геула («книга об избавлении»).

[15]

Цадок, рабби – талмудический законоучитель первого поколения таннаев, жил в Иерусалиме до разрушения Храма.

[16]

Авот, 4:5

[17]

Гилель (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) – один из наиболее значительных законоучителей эпохи Второго Храма, занимал должность главы Сангедрина.

[18]

Арабский период начинается с арабо-мусульманских завоеваний в VII в. В этот период все страны, расположенные между Персией и Испанией, попадают под власть мусульман.

[19]

Слово рав буквально означает «большой», «великий», также «господин». Это слово, как и его форма рабби (букв. «мой господин») использовалась для обозначения законоучителей-таннаев и амораев, а также в качестве звания человека, получившего право возглавлять общину, заседать в суде (бейт-дине), преподавать в иешиве (то же, что раввин).

[20]

Шломо бен Адерет (1235-1310, Барселона) – комментатор Талмуда, авторитет в области Галахи, ученик Нахманида, глава йешивы в Барселоне. Составил комментарий к Талмуду, автор многочисленных галахических респонсов. В отличие от многих галахических авторитетов той эпохи, поощрял изучение трудов Маймонида.

[21]

Йедаия бен Аврагам Бедерси (1270-1340, Прованс) – поэт, философ, автор комментария к «Канону» Авиценны, толкования к комментариям Аверроэса на «физику» Аристотеля. Полемизировал со Шломо бен Адеретом по поводу запрета изучения философии в юношеском возрасте.

[22]

Йеѓошуа – имеется в виду Йеѓошуа Бин-Нун (как второй после Моисея авторитет в области Закона)

[23]

Фердинанд и Изабелла (1452-1516, 1451-1504) – монархи, чей брак привел к объединению Арагона и Кастилии и образованию Испанского королевства. Первый период их правления характеризовался терпимостью к евреям. Позже, в 1492 году, они принимают решение об изгнании евреев из Испании.

[24]

Бернар Клервоский (1091-1153) – монах-цистерцианец, богослов, мистик, общественный деятель, реформатор монашеской жизни, вдохновитель Второго крестового похода (1147 г.).

[25]

См. прим. 2 на с.19.

[26]

Billroth, Theodor, *Über das Lehren und Lernen der medizinischen Wissenschaften an den Universitäten der deutschen Nation, nebst allgemeinen Bemerkungen über Universitäten.* Wien, 1876.

[27]

Торстейн Бунде Веблен (1857-1929) – американский экономист, социолог, публицист, футуролог.

[28]

Veblen Thorstein. *The Intellectual Pre-Eminence of Jews in Modern Europe.* Political Science Quarterly, vol. 34, N1 (Mar., 1919).

[29]

Тарфон, рабби-мудрец второго поколения таннаев, один из ведущих религиозных ученых города Явне. Его главным оппонентом был рабби Акива, и Талмуд

сохранил многочисленные галахические диспуты между этими двумя учеными.

[30]

Авот, 2:16.

[31]

Перевод Н.Файнгольда.

[32]

Абу-ль Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд (1126, Кордова, Испания - 12 декабря 1198, Марракеш, Марокко) – один из крупнейших средневековых арабских философов-рационалистов. В Западной Европе известен под латинизированным именем Аверроэс. Переводил труды Аристотеля, также известен как автор астрономических и медицинских трудов. До нашего времени дошли главным образом латинские переводы его сочинений.

[33]

«Послания Рамбама», Кидуш га-Шем.

[34]

Игерет га-шмад.

[35]

Абд аль Мумин, Абдул-Мумин (1101-1163) – первый аль-мохадский халиф, ученик Ибн Тумарта. Объединил под своей властью большую часть Северной Африки и юг Пиренейского полуострова.

[36]

Этот текст Маймонида известен из книги Сефер харедим, которую написал Эльазар Аскари из Цфата.

[37]

Стена Плача, или Западная стена – часть (длиной 485 м) стены вокруг Храмовой горы в Иерусалиме, уцелевшая после разрушения Второго Храма римлянами в 70 году н.э. Одно из важнейших мест еврейского паломничества.

[38]

Притч. 13:20

[39]

Яд хазака, Гилхот деот («Законы о нравах»), 6:1.

[40]

Биньямин Тудельский жил в XII в. Путевые записи, которые он сделал во время своего многолетнего путешествия, что началось в 1159 году и завершилось в 1172 или 1173 году, легли в основу его Сефер га-масаот («Книги путешествий»).

[41]

См. с. 25.

[42]

Салах Ад-дин, Саладин (1138-1193) – султан Египта и Сирии, полководец, мусульманский вождь XII в. Основатель династии Айюбидов, которая в период своего расцвета правила Египтом, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом.

[43]

Шмона прахим, 4.

[44]

Шмона прахим, 8.

[45]

Трактат Санѓедрин, 90а.

[46]

«Тринадцать принципов веры» были сформулированы Рамбамом в его «Комментарии к Мишне», к 10-й главе трактата Санѓедрин. Приведенный здесь текст не принадлежит Рамбаму и является позднейшим стихотворным переложением его «Принципов».

[47]

Цит. по: «Учитель поколений Рамбам». Иерусалим, «Амана», 1985.

[48]

Трактат Авот, 4:2.

[49]

Шмуэль ибн Тибон (1160–1230) – представитель второго поколения переводческой династии Тибонидов. Перевел на иврит «Путеводитель растерянных» и ряд других сочинений Маймонида, составил собственный комментарий на книгу Коѓелет (Экклезиаст).

[50]

Игерет Тейман, перевод Н.Файнгольда
(www.machanaim.org/philosof/rambam/teiman.htm).

[51]

Там же.

[52]

Быт. 37:35.

[53]

Абу Али Хусайн ибн Абдаллах ибн Сина (980–1037) – знаменитый персидский философ и врач, представитель восточного аристотелизма. Был придворным врачом саманидских и даилемитских султанов, некоторое время был визирем в Хамадане. Всего написал более 450 трудов в 29 областях науки, из которых до нас дошли только 274. В Европе известен под латинизированным именем Авиценна.

[54]

Во времена Маймонида гаоном, как правило, называли главу йешивы.

[55]

Цит. по: Айзенберг, Йеѓуда, Что такое Тора? Иерусалим, Шамир, 1989, с. 129–130.

[56]

Предисловие к Мишне Тора (в изложении автора).

[57]

Здесь кодекс – свод законов и установлений.

[58]

Респонс о принципах составления Мишне Тора (в изложении автора).

[59]

Цит. по: Айзенберг, Йеѓуда. Что такое Тора?, Иерусалим, Шамир, 1989, с. 129-130.

[60]

Здесь и далее, если не оговаривается особо, пер. М.Шнейдера. Приводится по изданию: Моше бен Маймон (Маймонид). Путеводитель растерянных. Мосты культуры/Гешарим, 2003.

[61]

«Путеводитель растерянных», ч. II, гл. XLVII.

[62]

«Путеводитель растерянных», ч. III, гл. 14.

[63]

Там же.

[64]

Шломо ибн Габироль, 1021–1055(?) – в Европе известен под латинизированным именем Авицеброн. Автор множества стихотворений, а также философских трактатов «Источник жизни» и «Исправление качеств души». Представитель философии неоплатонизма.

[65]

Альберт Великий (1193, Швабия – 1280, Кельн) – философ, теолог, ученый. Видный представитель средневековой схоластики, доминиканец, признан Католической церковью учителем церкви.

[66]

Фома Аквинский (1225–1274) – философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель церкви, основатель томизма, член ордена доминиканцев; признан наиболее авторитетным католическим религиозным философом, который связал христианское вероучение (в частности, идеи св. Августина) с философией Аристотеля.

[67]

«Послание мудрецам города Марсея».

[68]

«Путеводитель растерянных», введение к первой части.

[69]

Хотя обычно эта история рассказывается именно так, более вероятно, что христианским королем, которому отказался служить Маймонид, был Амори и что это событие произошло вскоре после того, как Маймонид приступил к врачебной практике. Мусульманский биограф Аль-Куифти, близкий друг Иосефа бен Акнина, рассказывает об этом периоде жизни Маймонида следующее: «Многие изучали с ним науки древних, что было в последние годы фатимидского правления в Египте, и желали предоставить ему место врача; его хотели отправить к королю франков в Ашкелон, ибо последний просил прислать ему врача, и выбор остановился на нем. Однако он отказался пойти на эту службу и участвовать в этом, и упорствовал в своем отказе. Когда Нур-Ад-Дин стал правителем Египта, и фатимиды были низвергнуты, Аль-Фадиль принявшего на службу и назначил ему жалованье. Так он присоединился к другим врачам» (прим. автора).

[70]

Послания Маймонида, ответ Маймонида на письмо Шмуэля ибн Тиббона.

[71]

Послания Маймонида, письмо Шмуэлю ибн Тиббону.

[72]

Мендельсон Мозес (1729–1786) еврейско-немецкий философ-гуманист, стоял у истоков «еврейского Просвещения» (Гаскала) и реформированного иудаизма. Также известен как экзегет и переводчик библейских текстов. У современников заслужил прозвище «немецкого Сократа».

[73]

В настоящее время одним из наиболее распространенных вариантов текста «Молитвы Маймонида» является следующий:

«Всевышний Боже, перед началом своей святой работы по излечению творений рук Твоих, я возношу мольбу к Трону Славы Твоей и прошу дать мне силу духа и неутомимость выполнять мою работу в вере и чтобы стремление к богатству и к славе не лишило мои глаза способности видеть истину.

Удостой меня способностью смотреть на каждого страждущего, пришедшего ко мне просить совета, просто как на человека и не разделять моих пациентов на богатых и бедных, друзей и врагов, людей хороших и плохих. В каждом пациенте дай мне видеть только страдающего человека. Да будет воля Твоя, чтобы моя любовь к врачебному знанию укрепила мой дух, чтобы только правда Твоя была бы мне путеводной звездой, ведь каждая моя врачебная ошибка может привести к тяжким болезням и страданиям Твоих творений. Молю Тебя, Всевышний, милосердный и сострадающий, укрепи меня, дай мне силы телесные и душевные и дух цельный поместиво мне»

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!